

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра гражданского процессуального
и предпринимательского права

Е.В. Михайлова

СТОРОНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учебное пособие

Издательство «Самарский университет»
2005

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 347.921
ББК 67.99(2)92
М 69

Михайлова Е.В. Стороны в гражданском процессе Российской Федерации: Учебное пособие. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 168 с.

ISBN 5-86465-329-2

Учебное пособие содержит основные теоретические положения, раскрывающие правовой статус сторон гражданского процесса Российской Федерации, обзор судебной практики Верховного Суда РФ и Самарского областного суда, обширный перечень рекомендуемой к изучению литературы, а также список тем для курсовых и дипломных работ.

Предназначено для студентов и аспирантов юридического факультета всех форм обучения. Может быть рекомендовано при изучении курсов: «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», спецкурса «Особенности рассмотрения гражданских дел отдельных категорий», а также для подготовки к сдаче государственного экзамена по гражданскому процессу.

Пособие может быть использовано в практической деятельности работников суда, адвокатуры, прокуратуры и др.

УДК 347.921
ББК 67.99(2)92

Отв. редактор канд. юрид. наук, проф. Е.А. Трещева
Рецензент канд. юрид. наук А.В. Юдин

ISBN 5-86465-329-2

© Михайлова Е.В., 2005
© Издательство «Самарский университет», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Характеристика сторон как основных субъектов гражданского процесса РФ	7
Тема 1. Понятие сторон как участников гражданского процесса в РФ	7
Тема 2. Стороны как лица, участвующие в деле	30
Тема 3. Признаки сторон в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений	59
Понятие и характеристика процессуальных прав и обязанностей сторон в гражданском судопроизводстве	77
Тема 1. Гражданская процессуальная правоспособ- ность как предпосылка участия стороны в процессе. Гражданская процессуальная дееспособность как условие самостоятельного участия в процессе	77
Тема 2. Понятие и правовая природа процессуальных прав сторон в гражданском судопроизводстве	109
Тема 3. Понятие процессуальных обязанностей сторон в гражданском судопроизводстве	140
Темы, рекомендуемые для выполнения курсовых и дипломных работ	162
Список рекомендуемых нормативных актов	163
Список дополнительной литературы	163

Введение

Проблема определения правового статуса сторон в гражданском процессе РФ традиционно считается одной из наиболее популярных и одновременно сложных. Это неудивительно, ведь именно стороны — обязательный элемент судебной тяжбы. Исторически появление судебных органов связывают с появлением необходимости «рассудить» спорщиков с помощью незаинтересованного в споре, справедливого и властного лица. Таким лицом мог быть государь, чиновник соответствующего ранга. В итоге таким лицом стал суд — особый орган государства, призванный разрешать правовые споры граждан. Впоследствии на суд были возложены и иные функции — в частности, решать так называемые «бесспорные дела» и прочее. Однако и на сегодняшний день основной функцией суда общей юрисдикции является разрешение споров граждан друг с другом и с государством. И проблема определения правового статуса «спорщиков», т. е. сторон, потому привлекает к себе самое пристальное внимание ученых-процессуалистов, что ни одно серьезное исследование, сделанное в сфере гражданского процессуального права, не может не коснуться вопросов признаков, роли, прав и обязанностей сторон в процессе. Сложность же поставленной проблемы очевидна, потому что сама проблематика весьма обширна и включает в себя целый ряд важных направлений — это и вопросы сущности искового производства, и проблемы права на иск и права на предъявление иска, и аспекты гражданской процессуальной диспозитивности, и многое другое.

Вместе с тем, основные, базисные теоретические исследования указанной проблемы были сделаны еще в 60-70-х годах прошлого столетия. Господствующая правовая идеология того времени обусловила и специфический подход к концептуальному изучению проблемы правового статуса сторон в гражданском процессе. Именно поэтому в свете происшедших в стране политических и экономических изменений, а также недавнего обновления гражданского процессуального законодательства избранная тематика исследования приобретает еще большую научную актуальность.

Законодательную разработку вопросов правового регулирования статуса сторон в гражданском процессе, являющихся приоритетными в силу указанных причин, можно оценить следующим образом. Новый ГПК РФ 2002 года не восполнил все пробелы ГПК РСФСР 1964 года. По-прежнему законодатель не воспринял идею о легальном определении сторон в гражданском процессе, не прописаны с должной четкостью предпосылки занятия правового положения стороны, настоятельно требуют разрешения проблемы гражданской процессуальной право- и дееспособности, трактуемые рядом ученых в качестве основной предпосылки участия в гражданском процессе в качестве стороны, остается открытым вопрос о гражданских процессуальных обязанностях стороны, в частности, о правовой природе бремени доказывания, и поэтому порядок реализации сторонами ряда распорядительных прав вызывает сложности в правоприменительной практике, до конца не определено существо принципа диспозитивности.

Целью настоящей работы является изложение основных теоретических составляющих институт стороны в гражданском процессе, а также выявление и исследование особенностей, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел искового и публично-правового характера, связанных с правовым регулированием статуса сторон в этих видах судопроизводства. В связи с обновлением гражданского процессуального законодательства возникает потребность теоретически переосмыслить ключевые понятия, составляющие институт стороны в гражданском процессе. К числу указанных понятий следует отнести определение специфики гражданских процессуальных правоотношений, правовой природы искового производства, признаков стороны как участников процесса, предпосылок приобретения статуса стороны, комплекса субъективных гражданских процессуальных прав стороны и понятия гражданской процессуальной обязанности.

Теоретическую основу работы составляют труды российских ученых-процессуалистов конца XIX – начала XX столетия: Е.В. Васильковского, А.Х. Гольмстена, В.М. Гордона, К.И. Мальшцева, Е.А. Нефедьева, Т.М. Яблочкова и др., а также работы видных советских и совре-

менных правоведов: Т.Е. Абовой, М.И. Абдулаева, С.Н. Абрамова, М.Г. Авдюкова, Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, С.В. Аносовой, О.В. Баулина, А.Т. Боннера, С.Н. Братусь, Е.Ю. Веденеева, М.А. Викут, Р.Е. Гукасян, М.А. Гурвич, А.А. Добровольского, П.Ф. Елисейкина, И.А. Жеруолиса, В.М. Жуйкова, Н.Б. Зейдера, С.А. Ивановой, С.Ф. Кечекьян, М.И. Клеандрова, А.Ф. Клейнман, С.А. Комарова, С.В. Курылева, А.А. Мельникова, В.П. Мозолина, Е.И. Носыревой, Г.Л. Осокиной, Ю.А. Поповой, И.В. Решетниковой, Ю.Н. Старилова, Ю.А. Тихомирова, М.К. Треушникова, Е.А. Флейшиц, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, М.С. Шакарян, В.М. Шерстюка, В.Н. Щеглова, К.С. Юдельсона, Л.С. Явич, С.А. Якубова, В.В. Яркова, И.А. Ясеновца и других авторов.

Эмпирическую основу работы составляют действующее гражданское процессуальное законодательство, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года, практика Верховного Суда РФ и Самарского областного суда.

Характеристика сторон как основных субъектов гражданского процесса РФ

Тема 1. Понятие сторон как участников гражданского процесса в РФ

Определить понятие — значит дать исчерпывающую характеристику явления. Это возможно лишь в том случае, если будут выявлены и определены понятия, сопутствующие рассматриваемому.

Исковая форма защиты права представляет собой систему гражданских процессуальных правоотношений. В качестве сторон указанных правоотношений выступают, прежде всего, суд как обязательный субъект и, с другой стороны, иные участники гражданского процесса. Система гражданских процессуальных правоотношений, образующая исковое производство, также характеризуется наличием сторон. По общему правилу, стороны — это лица, чей спор о праве суд должен разрешить. Таким образом, стороны искового производства есть субъекты гражданского процессуального правоотношения и одновременно участники самого процесса, без которых процесс не возник бы. Стороны конституируют исковую форму гражданского производства, которая возбуждается судом при наличии необходимых для этого условий. Эти условия, или предпосылки права на предъявление иска, как мы покажем ниже, связаны в том числе с правовым статусом заявителя. Именно наличие сторон определяет тип судопроизводства. В то же время стороны выступают в процессе как субъекты гражданских процессуальных правоотношений.

Следовательно, прежде чем определить правовой статус сторон гражданского судопроизводства, необходимо выявить природу искового производства, так как именно в исковых делах стороны получили наиболее разработанный и законодательно закрепленный правовой статус. Так как исковое производство представ-

ляет собой систему гражданских процессуальных правоотношений, субъектами которых являются суд и участвующие в деле лица, вопрос об определении правовой природы гражданского процессуального правоотношения является приоритетным.

Гражданские процессуальные правоотношения – разновидность юридических, или правовых, отношений. Поэтому следует определить сущность понятия «правоотношение».

В обществе, в котором существует государство и право, многие отношения могут выступать только как правоотношения. Если поведение лиц не соответствует требованиям правовой нормы, оно является правонарушением, т.е. тоже представляет собой определенное правоотношение¹.

М.Н. Марченко отмечает, что «категория «правоотношение» всегда вызывала и вызывает многочисленные споры и противоречивые суждения. Они касались самых различных сторон правоотношения, и в особенности – его сущности, содержания, соотношения с нормами права, его определения»².

М.И. Абдулаев также указывает, что «правоотношения – это центральная проблема права»³.

В юридической литературе сложилось два взгляда на проблему определения понятия «правоотношение».

Представители первого подхода правоотношение понимают в качестве вида общественных отношений. В частности, М.И. Абдулаев пишет: «В силу социальной общности люди вступают в самые разнообразные общественные отношения для осуществления своих жизненных потребностей и интересов: семейные, религиозные, экономические, политические, правовые и т. д.»⁴. Из приведенной цитаты видно, что автор рассматривает правовые отношения в качестве особого вида общественных отношений, наряду с семейными, экономическими и прочими отношениями людей. Соответственно его определение правоотношений следующее: «Правоотношение – это особый вид общественных отношений, участники (субъекты) которых связаны взаимными юридическими правами и обязанностями. Правовое отношение всегда предполагает юридическую связь, по крайней мере, между двумя

субъектами, один из которых является носителем субъективного права, а другой – носителем юридической обязанности»⁵.

Л.И. Спиридонов указывает: «Существует множество форм взаимодействия между людьми, которые правом не регулируются. Более того, их свойства таковы, что они принципиально не могут быть объектом юридического воздействия. Межличностные отношения быта, дружбы, соседства, интимные отношения между супругами и т.д. правом не регулируются»⁶.

Сторонники второй концепции понимают правоотношение как форму общественных отношений. Еще в 1909 году Н.М. Коркунов писал: «Юридическое отношение есть то же самое бытовое отношение, только регулируемое юридической нормой»⁷.

В.В. Лазареву правоотношение представляется «особой формой социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом порядке, не запрещенном государством»⁸.

А.В. Мицкевич писал: «Нельзя представлять себе структуру общественных отношений в виде своеобразного «слоеного пирога», где правовые отношения выделены в особый слой, лежащий где-то между политическими и экономическими отношениями. Понятие правового отношения есть теоретическая абстракция, позволяющая в сложной цепи отношений, складывающихся в жизни, видеть их определенную сторону, качество»⁹.

А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский полагают, что «различные общественные отношения как базисные, так и надстроечные, будучи урегулированными правом, приобретают правовую форму. Иными словами, правовыми могут быть и экономические отношения (правоотношения собственности), и политические (связанные с участием политических партий в выборах), и нравственные (связанные с возмещением морального вреда). Следовательно, правовые отношения – это не разновидность общественных отношений, а их специфическая, юридическая форма»¹⁰. Соответственно правовые отношения определяются как юридическая форма общественных отношений, представляющая

собой возникающие на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, гарантированными государством¹¹.

С.А. Комаров также полагает, что «правоотношение – это реальное воздействие права на общественные отношения»¹².

Р.О. Халфина указывала: «Правоотношение, будучи реализацией нормы, представляет собой вместе с тем конкретное общественное отношение, облеченное в правовую форму»¹³.

Интересно мнение М. Н. Марченко, примиряющее между собой две точки зрения, но не совсем ясное. Он пишет: «Правоотношения представляют собой особую разновидность общественных отношений (первая точка зрения. – М.Е.). Опосредуя экономические, политические, социальные и иные общественные отношения, правоотношения служат юридической формой взаимодействия между участниками этих отношений (вторая точка зрения. – М.Е.). Будучи урегулированы нормами права, экономические, политические и другие общественные отношения отнюдь не утрачивают своей природы, характера, не теряют своих изначальных свойств и особенностей. Они лишь приобретают новый вид (разновидность), новую форму – форму правоотношений»¹⁴. Приведенное определение содержит, на наш взгляд, логическую неточность, потому что непонятно, как можно выделять правоотношения в особую разновидность общественных отношений, когда в чистом виде (таком, как, например, экономика, политика и проч.) их представить невозможно в силу того, что, по мнению М.Н. Марченко, форму правоотношений приобретают именно экономические, политические и другие общественные отношения в обществе. Происходит явное смешение понятий «вид» и «форма». Логичнее все же предположить, что правоотношения – это форма реализации общественных отношений.

Специфика гражданских процессуальных правоотношений такова, что, как писал Е.В. Васильковский, в исковом процессе существуют два юридических отношения: 1) между истцом и судом и 2) между ответчиком и судом. Стороны же не состоят между собой

в юридическом отношении, потому что процессуальным правам одной не соответствуют обязанности другой. Таким образом, следует признать, что гражданский исковой процесс по своему внутреннему строению представляет собой соединение двух двусторонних правоотношений. Так как одним из субъектов в каждом из этих отношений является суд, то оба отношения объединяются тождеством существенного элемента и образуют одно целое. Вследствие этого процесс приобретает внутреннее единство¹⁵. Приведенные рассуждения лежат и в основании нашего убеждения в том, что гражданские процессуальные правоотношения всегда в качестве обязательного своего элемента содержат присутствие в них суда, вследствие чего взаимоотношения сторон, лишенные властного элемента, то есть участия суда, будут по сути своей материальными правоотношениями. Напротив, такое отношение, которое складывается в соответствии с гражданской процессуальной формой, будет являться гражданским процессуальным правоотношением¹⁶.

Таким образом, материальные правоотношения трактуют как горизонтальные по своей природе, а процессуальные – как вертикальные, т.е. как властеотношения¹⁷.

Отдельные ученые-процессуалисты полагают, что гражданские процессуальные правоотношения могут складываться и без участия суда между остальными участниками рассматриваемых правоотношений. Такой точки зрения придерживается, например, И. Жерулис¹⁸.

Однако, на наш взгляд, все взаимоотношения сторон, складывающиеся помимо суда, нельзя назвать гражданскими процессуальными правоотношениями в принципе, поскольку, во-первых, самих процессуальных правоотношений без суда еще нет; во-вторых, без суда нет самих сторон, третьих лиц, свидетелей и т.п. (В.В. Ярков, например, указывает, что одним из процессуально-правовых последствий возбуждения гражданского дела является трансформация сторон материального правоотношения в стороны процессуального правоотношения¹⁹); в-третьих, все указанные отношения, возникающие без участия суда, не могут привести к тому резуль-

тату, ожидание которого инициирует возбуждение процесса по гражданским делам²⁰.

Прав М.К. Треушников, полагающий, что «между спорящими субъектами существуют материальные (регулятивные) правоотношения, но не процессуальные. Процессуальные отношения непосредственно между участниками процесса, минуя суд, не возникают»²¹.

Таким образом, отношения, складывающиеся между судом и участниками процесса при совершении процессуальных действий и урегулированные нормами гражданского процессуального права, называются гражданскими процессуальными правоотношениями²².

Поскольку гражданские процессуальные правоотношения — это вид правоотношений вообще, поэтому им присущи все признаки правоотношения. Однако многие процессуалисты дополняют их. Например, В.В. Ярков, описывая признаки гражданских процессуальных правоотношений, указывает на их «динамизм, постоянное развитие по мере перехода от одного процессуального действия к другому, от стадии к стадии гражданского процесса»²³, «много-субъектность»²⁴.

Профессор Н.Б. Зейдер отмечал, что «гражданские процессуальные правоотношения имеют ту существенную особенность, что опосредуемые ими общественные отношения, возникающие при осуществлении процессуальной деятельности, могут существовать лишь как юридические отношения. Только в этой сущности эти отношения могут появляться, действовать и прекращаться. Этим гражданские процессуальные отношения коренным образом отличны от тех правоотношений, которые возникают в связи с правовым регулированием имущественных отношений: последние могут выступать наравне с правоотношениями самостоятельно»²⁵.

Таким образом, стороны как субъекты гражданского процессуального правоотношения характеризуются комплексом прав и обязанностей относительно суда как необходимого и главного участника указанных отношений. Однако то же можно сказать и про других лиц, участвующих в деле. Между тем «стороны» есть то понятие, которое используется законодателем применительно к исковому производству.

Исковое производство является основным в деятельности судов общей юрисдикции. Можно предположить, что именно потребность в разрешении дел искового характера инициировала появление судебных органов. Исковое производство направлено на рассмотрение правового конфликта и имеет целью разрешить дело по существу, т.е. определить действительного обладателя спорного права. Главными его участниками и инициаторами выступают стороны. Е.В. Васьковский подчеркивал: «Исковой процесс представляет собою проверку судом юридического требования, заявленного одним лицом по отношению к другому»²⁶.

А.А. Добровольский, С.А. Иванова указывали: «Исковая форма защиты права является основной формой защиты при разрешении большинства споров о праве потому, что она обеспечивает участникам спора наиболее широкие гарантии по выяснению всех обстоятельств, связанных с нарушением права, и по вынесению законного и обоснованного решения»²⁷.

Г.Л. Осокина пишет: «Одна разновидность судопроизводства представляет собой производство по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и аналогичных им горизонтальных правоотношений, которая именуется в законе исковым производством. Суд и стороны как соотносительные, сопрягающиеся понятия присущи только исковой форме процесса, когда наличие одной стороны предполагает существование другой, выполняющей противоположную функцию. Противоположность интересов по поводу одного и того же объекта всегда означает спорное состояние как самого объекта, так и претендующих на него субъектов»²⁸.

Само понятие «иск» подразумевает наличие тяжущихся сторон. Этимология этого термина берет свое начало от русского «искать», стало быть, обратившийся в суд «ищет правду». Именно поэтому производство — исковое. Если человек ищет правду, значит, кто-то ее скрывает, ибо искать можно только то, что потеряно или не наличествует. А раз так, то один субъект заинтересован в отыскании правды, а второй — в ее сокрытии. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением Р.Д. Джалилова о том, что «противоположность интересов... является обязательным условием существова-

ния процесса по каждому конкретному делу, так как при отсутствии спора... нет необходимости в процессе»²⁹.

М.С. Шакарян, настаивая на том, что понятие стороны в процессе не может быть сведено только к связи с субъектами материальных правоотношений, подвергала сомнению приведенное убеждение Р.Д. Джалилова на том основании, что существует, например, возможность заключения сторонами мирового соглашения, или отказа истца от иска, или признания иска ответчиком. «Едва ли во всех этих случаях можно говорить о противоположности интересов истца и ответчика...»³⁰.

Однако в указанных случаях закон предписывает прекратить производство по делу именно на том основании, что отсутствуют предпосылки для рассмотрения вопроса в порядке искового производства. Сама формулировка «стороны могут окончить дело мировым соглашением» не оставляет никаких сомнений. Отметим, что, когда судья не принимает мировое соглашение и не утверждает его в виду того, что оно нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, дело, безусловно, продолжается, но и спор по-прежнему имеет место быть.

Поэтому правильно, на наш взгляд, утверждение о том, что наличие противоположных интересов тяжущихся есть обязательное условие возникновения и существования дел искового характера.

Важной представляется проблема соотношения процессуального и материального аспектов термина «сторона». Законодатель употребляет термин «сторона» и в тексте источников материального права. В частности, ГК РФ оперирует понятием «сторона» в подразделе, посвященном общим положениям о договоре³¹. Далее в тексте закона речь также идет о сторонах, только получивших специальные наименования: кредитор — должник, покупатель — поставщик, заказчик — исполнитель и проч.

Очевидно, что возникновение у лица (группы лиц) определенного правового статуса, например статуса должника, обусловлено одновременным возникновением у другого лица (группы лиц) соответствующего противоположного по существу статуса, например кредитора. Аналогичным образом без истца нет ответчика.

М.С. Шакарян указывает, что стороны в процессе — институт скорее и больше процессуального, нежели материального права, и уж во всяком случае в определении стороны не может не учитываться процессуальный аспект. Ведь, как отмечает М.С. Шакарян, если это не принимать во внимание, то неизбежен был бы вывод, что в определенных случаях (например, при подаче заявления прокурором или участия в деле ненадлежащих сторон), когда отсутствуют материально (субъективно) заинтересованные лица, мы должны были бы признать, что в процессе вовсе нет сторон³². Проблема определения правового статуса субъектов, защищающих права и законные интересы других лиц в гражданском процессе, на наш взгляд, весьма актуальна, и, поскольку тесно связана с проблемами юридической заинтересованности, мы предложим ее решение в следующем параграфе настоящей работы.

Специфика судебных отношений такова, что первоначально неясно, существует ли «правда» (право) или нет, то есть ищущий сам может не знать оснований своего притязания, лишь констатируя отсутствие какой-либо возможности. То есть в действительности «правдоискатель» может не иметь оснований на свое притязание, но тем не менее это не значит, что он не может возбудить процесс. С этим положением связаны многочисленные указания теоретиков на то, что сторонами в процессе являются лишь предполагаемые, а не действительные субъекты спорного правоотношения.

По мнению М.А. Вукот, данный вывод подтверждается тем, что «к числу прав сторон относят и такие, как право изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска, признать иск, окончить дело мировым соглашением»³³.

На наш взгляд, справедливость этого мнения подтверждает то, что судебные решения в своей резолютивной части могут содержать вывод как об удовлетворении иска, так и об отказе в иске полностью либо в части³⁴. Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 131 ГПК РФ ищущий должен указать предположительно виноватого в отсутствии у него определенных возможностей (прав), так как во взаимодействии с этим лицом и выясняется принципиальная

невозможность, правовое бессилие (бесправие). Например, покупатель, не имеющий возможности приобрести необходимый ему товар на определенных (скажем, льготных) условиях, будет винить в этом продавца товара либо его собственника и т. д. Именно этот субъект будет отвечать перед лицом не самого ищущего, но суда за свои действия (бездействия), повлекшие правовое бессилие ищущего правду (право). Значит, указание ищущим на предположительно виновного по заявленному требованию — необходимое условие возникновения и развития искового процесса. Но ищущий может заблуждаться, признавая виноватым того, кто действует правомерно (предположим, для покупателя всегда виноват продавец, хотя тот может лишь добросовестно исполнять свои обязанности, действуя на основании противоправных инструкций собственной администрации). Таким образом, именно суд должен найти правду у того, кто ее скрывает, либо признать неправым того, кто ищет то, чего нет. Здесь мы приближаемся к классификации субъектов судебного искового правоотношения: ищущий — «зачинщик» процесса, без него невозможен тот род правоотношений, который нами рассматривается, отвечающий — его («зачинщика») оппонент, без участия которого процесс и вовсе будет бессмысленным, суд — арбитр, представитель государства, правомочный его именем рассматривать требование ищущего, привлекать к делу отвечающего, наделять обе стороны правами и обязанностями в процессе, руководить самим процессом и в конечном итоге решить спор; а также к определению сторон — это те, кто ищет правду (право), и те, кто ее скрывает. Тот, кто ищет правду — соответственно истец. Тот, кто, по предположению истца, ее скрывает — ответчик, так как вынужден перед судом отвечать на обвинения истца.

Рассматривая вопрос о сущности и специфике искового производства, нельзя не отметить следующее важнейшее его свойство. Разбирательство дела в исковом производстве всегда протекает в определенном процессуальном порядке, в определенной процессуальной форме, установленной законом. Этот порядок, или форма, имеет специфические, присущие только исковому производству черты.

В юридической литературе выделяют следующие черты исковой формы защиты права:

1) порядок разбирательства и разрешения гражданских дел точно установлен законом;

2) участвующие в деле лица имеют право лично или через своих представителей участвовать в судебном заседании по разбирательству дела;

3) лицам, участвующим в деле, предоставляются определенные права, определенные гарантии, называемые процессуальными правами (право участвовать в разбирательстве дела, давать объяснения по делу, представлять доказательства, заявлять различного рода ходатайства и т.п.);

4) решение по делу должно быть основано на законе и фактах, установленных судом в судебном заседании определенным в законе способом;

5) ответчику предоставляются для защиты против предъявленного к нему иска такие же процессуальные гарантии, какими пользуется истец для обоснования своих требований к ответчику³⁵.

А.А. Добровольский, С.А. Иванова писали: «Мы исходим из того, что сущность исковой формы защиты права заключается в определенном процессуальном порядке разрешения спора, заранее установленном в законе, обеспечивающем сторонам равные возможности в использовании средств защиты своих прав и законных интересов и обеспечивающих законное и обоснованное решение по делу»³⁶. ... «Таким образом, для исковой формы защиты права характерно:

1) наличие правового требования, вытекающего из нарушенного или оспоренного права и подлежащего в силу закона рассмотрению в определенном порядке, установленном законом (наличие иска);

2) наличие спора о праве;

3) наличие двух сторон с противоположными юридическими интересами, которым предоставлены широкие возможности по защите своих прав и законных интересов в возникшем споре»³.

Однако, на наш взгляд, перечисленные признаки исковой формы защиты права тавтологичны. Существо данной формы исчер-

пывается одним признаком, а именно, наличием спора о праве. Любой, а не только правовой спор предполагает наличие спорящих субъектов, т. е. сторон спора, т.к. если спорит только кто-то один, это не спор, а определенная позиция, которую внешне никто не подвергает сомнению. Кроме того, противоположность мнений спорящих также определяется одним только наличием спора, ибо каждый спор есть противоборство двух разных мнений по поводу одного объекта. Следовательно, обнаружение в каком-нибудь из видов гражданского судопроизводства спора о праве или законном интересе однозначно будет свидетельствовать о его исковой природе.

Е.В. Васьковский писал: «В искомом порядке производства подлежат проверке требования, заявленные одними лицами против определенных других лиц. Суд рассматривает юридические отношения между ищущими его содействия (истцами) и другими, призванными к ответу лицами (ответчиками). Отсюда — двусторонность гражданского процесса: всегда имеются две стороны с противоположными интересами. Если в действительности противной стороны в некоторых случаях нет, то она искусственно создается».³⁸ А.А. Ференс-Сороцкий пишет, что по делам брачным и о законности рождения при отсутствии ответчика (вследствие смерти) его как бы заменял прокурор³⁹.

Ученый подчеркивал необходимость существования в искомом процессе изначально двух противоборствующих сторон — именно как статусов, категорий, ролей, ибо в процессе хотя и возможна замена стороны — это именно замена стороны не как статуса, но стороны в смысле ее физического наполнения, т.е. гражданина (группы граждан), что, конечно, подтверждается невозможностью в гражданском процессуальном праве передать часть процессуальных прав или обязанностей, в отличие от гражданского права. Иными словами, для искового процесса необходимо наличие двух противоположных сторон.

Одного факта обращения к суду недостаточно, чтобы занять правовое положение стороны. Судья может отказать заявителю в этом статусе. Для того, чтобы приобрести правовой статус сто-

роны в процессе, как истцу, так и ответчику нужно обладать правом требования через суд.

Право требовать соблюдения своих прав в теории гражданского процессуального права получило наименование «право на иск», а указанные условия его возникновения — «предпосылки права на иск». Право на обращение в суд именуют правом на предъявление иска. Требования, при соблюдении которых право на иск реализуется, закреплены в законодательстве, разработаны и дополнены в науке и получили в литературе наименование предпосылок права на предъявление иска. Закон, кроме того, оперирует такими понятиями, как «право на обращение в суд» (ст. 3 ГПК РФ), «право на судебную защиту» (например, ст. 36 ГПК РФ), «право на предъявление иска» (например, ст. 137 ГПК РФ).

М.А. Гурвич указывал, что «под правом на иск подразумевают: материально-правовое требование («право на иск в материальном смысле»), далее — процессуальное правомочие на судебную защиту, причем одни рассматривают его как абстрактное, т.е. не зависящее от обоснованности требования, правомочие («право на иск в абстрактном смысле»), другие — как правомочие на благоприятное решение, необходимо связанное с обоснованностью искового требования («право на иск в конкретном смысле»)»⁴⁰.

Часто пишут, что двойственному значению понятия «иск» соответствует двоякое значение понятия «право на иск». Если под иском понимать обращенное к суду требование о защите права, то право на иск будет означать правомочие на обращение к суду за судебной защитой или право на предъявление иска, т.е. право процессуальное. Если же под иском понимается материально-правовое требование истца к ответчику, то право на иск будет означать правомочие на принудительное осуществление гражданского права через суд, право требовать судом исполнения ответчиком его обязанности перед истцом, т.е. право материальное⁴¹.

Мы полагаем, что такая необходимость отсутствует; право на иск в материальном смысле является неотъемлемой составляющей более широкого, фундаментального понятия — «субъективное гражданское право». Согласимся с А.Х. Гольмстеном в том,

что если право иском не обладает, то нет и самого права⁴². Поэтому, действительно, нет смысла оперировать понятием «право на иск в материальном смысле», в этом вопросе согласимся с мнением М.А. Гурвича. Если у истца есть право на иск в материальном смысле, значит, у него есть статус обладателя субъективного права, и устанавливая в процессе возможно и необходимо именно факт наличия либо отсутствия указанного статуса, частью которого и будет являться «право на иск в материальном смысле».

Отсутствие права на иск в материальном смысле означает отсутствие самого права требовать определенного поведения от должника (субъективного гражданского права). Право на предъявление иска не зависит от наличия или отсутствия права на иск в материальном смысле⁴³.

«Право на иск» как процессуальное правомочие (т.е. как право на обращение в суд) следует, по нашему мнению, рассматривать в двух смыслах. М.К. Треушников, анализируя право на обращение в арбитражный суд, правильно указывает, что его можно рассматривать в двух аспектах: 1) как право абстрактное, т.е. как потенциальную возможность субъектов на обращение в юрисдикционный орган в лице арбитражного суда за защитой нарушенного права или охраняемого законом интереса; 2) как право персонафицированное, т.е. как право конкретного юридического или физического лица на защиту, если оно считает, что его права нарушены и нуждаются в подтверждении и реализации с помощью судебной власти. Право на обращение в арбитражный суд как абстрактное право является одним из неотъемлемых элементов правового статуса всех организаций, если они зарегистрированы в качестве юридических лиц. Право на обращение в арбитражный суд — элемент правового статуса также и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке (граждане-предприниматели)⁴⁴. Иными словами, ученый справедливо рассматривает право на иск в абстрактном смысле как элемент правового статуса субъекта арбитражного процессуального права. Полагаем, что это

мнение верно и применительно к гражданскому процессуальному праву.

Мы также исходим из указанной посылки и рассматриваем, во-первых, «право на иск» в широком смысле как конституционное полномочие каждого обращаться к суду за защитой вообще. Это то, что М.А. Гурвич называл «правом на иск в абстрактном смысле». Этого права нельзя лишить. Отказ в конкретном иске будет означать не отсутствие права на иск, а отсутствие в праве на иск данного конкретного права. Следовательно, говорить о праве на иск в таком понимании неоправданно, т.к. это общее и неотчуждаемое право каждого.

Далее, «право на иск» в узком смысле — как право обратиться к суду за разрешением именно этого, конкретного спора. Это не право на благоприятное судебное решение, не «право на иск в конкретном смысле». Это скорее, как представляется, право на предъявление иска. Оно имеет черты «права на иск в широком смысле», ибо также принадлежит каждому, но, в отличие от «права на иск в абстрактном смысле», может быть реализовано лишь при условии соблюдения ряда законодательно установленных требований. Именно о праве на предъявление иска, на наш взгляд, следует вести речь, т.к. стать стороной в исковом производстве лицо может лишь при условии соблюдения этих требований.

Следовательно, «правом на иск» в досудебных отношениях обладает каждый, это понятие, с одной стороны, есть органическая составляющая понятия «субъективное гражданское право», это право требовать защиты материального права. Поскольку, как мы уже указывали, стороны есть лишь предполагаемые участники спорного материального правоотношения, установить наличие либо отсутствие права на иск можно лишь в результате судебного исследования обстоятельств дела. В случае постановления судом отрицательного решения по делу лицо лишается права на иск в материальном смысле. С другой стороны, право на иск, понимаемое в абстрактном смысле, есть также то правомочие, которым обладает каждое правоспособное лицо. В результате вступления в силу отрицательного решения суда заявитель лишается не права

обращаться в суду вообще, а права требовать судебной защиты по данному поводу. Что касается категории «право на иск в конкретном смысле», то ее использование возможно разве что применительно к приказному производству, поскольку, как мы выяснили, вплоть до момента удаления суда в совещательную комнату можно говорить лишь о предполагаемых правах и обязанностях сторон спора. По нашему мнению, говорить нужно о праве на предъявление иска, т.к., хотя правом на иск в досудебных отношениях обладает каждый, не каждый может обратиться в суд в целях разрешения конкретного спора.

Момент возникновения у лица права на предъявление иска в литературе традиционно связывается с возникновением у него предпосылок права на предъявление иска.

М.А. Гурвич условия (или требования), при соблюдении которых истец может реализовать право на предъявление иска, называл порядком осуществления права на предъявление иска и выделял в их числе следующие: наличие дееспособности обращающегося к суду или, при его недееспособности, осуществление права на предъявление иска через законного представителя; соблюдение подсудности дела тому суду, в который предъявлен иск; соблюдение надлежащей формы предъявления иска⁴⁵.

М.С. Шакарян указывала, что «не каждый субъект материального права может стать истцом, для этого необходимы еще процессуальные предпосылки права на предъявление иска; чтобы стать истцом, необходимо обращение к компетентному органу; именно с момента обращения в суд появляется истец»⁴⁶. То есть, исходя из смысла приведенного высказывания, до момента обращения к суду с заявлением о защите прав, свобод и законных интересов сторон не существует. Значит, одна из предпосылок — обращение к суду.

Предпосылки права на предъявление иска теории обычно классифицируют на субъективные и объективные. Под первыми обычно понимают процессуальную правоспособность истца и ответчика. Поскольку проблема гражданской процессуальной правоспособности представляется, во-первых, чрезвычайно важной и сравнительно мало разработанной в теории и, во-вторых,

многоаспектной, то мы рассмотрим ее в третьем параграфе настоящей работы отдельно.

В числе объективных предпосылок права на предъявление иска называют подведомственность дела судебным органам; предварительное согласование претензии с должником в силу специальной оговорки в договоре и в случаях, установленных федеральным законом.

Другие авторы выделяют общие и специальные предпосылки возникновения права на предъявление иска. При этом в числе первых называют процессуальную правоспособность по делу и подведомственность дела суду; в числе последних — соблюдение претензионного порядка по некоторым категориям дел. Указывают, что при отсутствии указанных условий у истца отсутствует право на предъявление иска и обращение его к суду не будет иметь юридических последствий⁴⁷. Большинство ученых-процессуалистов различает именно общие и специальные предпосылки права на предъявление иска⁴⁸.

Между тем, на наш взгляд, необходимо обратиться к мнению законодателя на этот счет. Анализ норм ГПК РФ позволяет выделить следующие законодательно установленные предпосылки права на предъявление иска.

Во-первых, это заинтересованность лица, обращающегося к суду за защитой нарушенного либо оспариваемого права. Пункт 1 ст. 3 ГПК РФ гласит: заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. М. К. Треушников указывает, что «право на обращение в ... суд как потенциальная возможность защиты перерастает в субъективное право конкретного лица в случае наличия у него интереса в защите права»⁴⁹. Таким образом, интерес к судебному процессу, или юридическая заинтересованность в деле, трактуется как предпосылка права на предъявление иска. Нет смысла говорить о предпосылках права на иск, ибо, как мы уже писали, это понятие означает наиболее общее правомочие лица, возникающее у него с рождением и заканчива-

ющеся смертью, значит, единственной предпосылкой его возникновения является правоспособность (материальная и процессуальная). В то же время правоспособны, по российскому законодательству, все граждане и организации (ст. 36 ГПК РФ). Следовательно, необходимо говорить о предпосылках, или условиях, права на предъявление иска.

Легального определения понятия «заинтересованность» ГПК РФ не дает. Вообще в гражданском процессуальном законодательстве существует, на наш взгляд, существенный пробел, заключающийся в том, что важнейшее для науки и практики и не оцененное с точки зрения вопроса определения стороны в исковом процессе понятие заинтересованности лица, обращающегося за судебной защитой, не раскрыто. «Сторона» - ключевое понятие гражданского процессуального права, и уже в ст. 3 ГПК РФ четко закрепил первое требование к претендентам на участие в процессе в качестве стороны — заинтересованность. В этой связи нами предлагается законодательно разработать и закрепить данное понятие, ибо только посредством его употребления возможно говорить об исковом производстве вообще и о сторонах в частности.

Во-вторых, соблюдение истцом правил подведомственности. Это следующая из законодательно закрепленных предпосылок права на предъявление иска. Это понятие, в отличие от понятия заинтересованного лица, раскрыто в ГПК РФ: судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке (п. 1 ст. 134 ГПК РФ).

Обращение к суду за защитой права должно в обязательном порядке содержать сведения, предусмотренные ст. 131 ГПК РФ, в том числе — указание на то, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования; то есть, как справедливо указывала М.С. Шакарян, заявитель должен обладать статусом субъекта материального права.

Статья 136 ГПК РФ предписывает судье вынести определение об оставлении искового заявления без движения в случае, если

исковое заявление подано в суд без соблюдения требований относительно формы и содержания искового заявления, а также в случае отсутствия каких-либо необходимых приложений (документов) к исковому заявлению. В случае, если заявитель в установленный срок выполнит указания судьи, заявление считается поданным в день первоначального представления его в суд (п. 2 ст. 136 ГПК РФ).

Статья 222 ГПК РФ предписывает судье оставить заявление без рассмотрения, если оно подано недееспособным лицом. Однако после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения, заинтересованное лицо вправе вновь обратиться в суд с заявлением в общем порядке (п. 2 ст. 223 ГПК РФ).

Статья 135 ГПК РФ устанавливает, что судья возвращает исковое заявление в случае, если дело неподсудно данному суду, однако возвращение искового заявления не препятствует повторному обращению истца в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, если истцом будет устранено допущенное нарушение.

Итак, юридическая заинтересованность в исходе дела, дееспособность лица, обращающегося к суду за защитой нарушенных либо оспариваемых прав; соблюдение правил подведомственности; соблюдение правил оформления искового заявления – все это условия (либо порядок) осуществления права на предъявление иска, и именно их можно с большой долей условности назвать «формальностями». Но эти формальности, тем не менее, необходимо соблюсти для того, чтобы занять правовое положение стороны в процессе.

Подводя итог сказанному, в первую очередь отметим, что понятие сторон в гражданском процессе не может быть раскрыто без определения статуса этих субъектов как сторон в гражданских процессуальных правоотношениях, представляющих собой урегулированное гражданскими процессуальными нормами взаимодействие суда, с одной стороны, и лиц, участвующих в деле, с другой. Для определения сущности сторон главным образом требуется понять, какими

признаками обладают эти лица как участники основного вида гражданского процесса — искового, которое, по нашему мнению, есть система гражданских процессуальных правоотношений, возникающих по поводу защиты прав, свобод или законных интересов одного лица, нарушенных либо оспоренных другим лицом, и характеризующееся наличием спора о праве, и двух сторон, имеющих противоположные интересы к делу. Участие в исковом процессе в качестве стороны есть безусловное конституционное правомочие, для реализации которого необходимо соблюдение ряда законодательно установленных требований или предпосылок права на предъявление иска, а именно: подведомственность дела суду общей юрисдикции, обращение заявителя к суду в установленной законом форме, легитимация ответчика, право- и дееспособность сторон, заинтересованность сторон в процессе.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается специфика гражданских процессуальных отношений?
2. Что такое гражданская процессуальная форма?
3. Назовите признаки исковой формы защиты права.
4. Определите соотношение понятий «право на иск» и «право на предъявление иска».
5. Выделите легально установленные предпосылки права на судебную защиту.

Примечания

¹ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 84-85.

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2001. С. 635.

³ Абдулаев М. И. Теория государства и права. СПб.: Питер, 2003. С. 186.

⁴ Там же. С. 185-186.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1997. С. 179.

⁷ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 137.

⁸ Общая теория права и государства / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 1996. С. 179.

⁹ Цит. по: Халфина Р.О. Указ. соч. С. 89.

¹⁰ Общая теория государства и права / Под общей редакцией В.А. Кучинского. Минск, 2002. С. 439-440.

¹¹ Там же.

¹² Комаров С. А. Теория государства и права. М., 1997. С. 290.

¹³ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 35-36.

¹⁴ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. С. 637.

¹⁵ Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 179-180.

¹⁶ Г.Л. Осокина, например, также полагает, что «особенностью гражданско-процессуального отношения является то, что оно представляет собой единое и вместе с тем сложное по структуре правоотношение. Гражданское процессуальное отношение представляет собой систему (совокупность) элементарных правоотношений типа: суд-истец (заявитель); суд-ответчик; суд-свидетель; суд-эксперт; суд-судебный пристав-исполнитель; суд-взыскатель; суд-должник. Все эти элементарные правоотношения объединяются и существуют в рамках одного единого гражданского процессуального отношения, содержанием которого является деятельность суда и иных субъектов в процессе рассмотрения и разрешения юридических дел, а также исполнения вынесенных по ним судебных постановлений» (см.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист, 2003. С. 58). Такого же мнения придерживалась М.С. Шакарян (см.: Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 66). П.Ф. Елисейкин также полагал, что «в любом случае гражданские процессуальные правоотношения строятся так, что на одной стороне в них выступает суд, а на другой – иной участник процесса» (Елисейкин П. Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: ЯГУ, 1975. С. 42).

¹⁷ См.: Арбитражный процесс / Под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2003. С. 41.

¹⁸ См.: Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. С. 62-64.

¹⁹ См.: Гражданский процесс / Ответ. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Ярков. М.: Изд-во «БЕК», 2001. С. 280.

²⁰ В.Н. Щеглов отмечал, что структура процессуального правоотношения такова, что истец, ответчик и все другие субъекты связаны своими правами и обязанностями, а также действиями с судом или иным юрисдикционным органом. Последний является центральным субъектом правоотношения, применяющим материально-правовые и процессуальные нормы. Он наделен властными полномочиями, а сами процессуальные правоотношения в силу этого имеют властно-правовой характер (см.: Щеглов В. Н. Советское гражданское процессуальное право. Томск, 1976. С. 63).

²¹ Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушников. С. 40 (автор главы – М.К. Треушников).

²² Гражданский процесс / Ответ. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Ярков. С. 49.

²³ Там же. С. 51.

²⁴ Там же.

²⁵ Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1965. С. 12.

²⁶ Васьяковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 158.

²⁷ Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 20.

²⁸ Осокина Г.Л. Иск: теория и практика. М., 2000. С. 32-41.

²⁹ Джалилов Р.Д. Правовое положение лиц, участвующих в гражданских делах // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик. Душанбе, 1962. С. 42 – 43.

³⁰ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 122.

³¹ Пункт 2 ст. 421 ГК РФ: стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами; п. 1 ст. 424 ГК РФ: исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон; п. 1 ст. 450 ГК РФ: изменение или расторжение договора возможны по соглашению сторон и т. д.

³² Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 120-122.

³³ Вукот М.А. Стороны – основные лица искового производства. С. 4.

³⁴ Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2001. С. 318.

³⁵ Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. С. 20.

³⁶ Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. С. 23.

³⁷ Там же. С. 24.

³⁸ Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 94.

³⁹ См.: Ференс-Сороцкий А.А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 1992. №. 4. Интернет: <http://pravoved.iurfak.spb.ru/default.asp?cnt=349>.

⁴⁰ Гурвич М. А. Право на иск. С. 4.

⁴¹ См.: Гражданский процесс / Под общей ред. С.Н. Абрамова. М.: Юрид. изд-во Мин. юстиции СССР, 1948. С. 160; Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 2001. С. 199-200. Аналогичной точки зрения придерживается Г. Л. Осокина (Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М.: Юрист, 2003. С. 492).

⁴² Гольмстен А.Х. Принцип тождества. С. 194. Цит. по: Гурвич М.А. Указ. соч. С. 22.

⁴³ Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С.210.

⁴⁴ Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. С. 26-27 (автор главы – М.К. Треушников).

⁴⁵ Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 87.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Гражданский процесс / Под общей ред. С.Н. Абрамова. М., 1948. С. 162-164.

⁴⁸ Например, М.К. Треушников к числу общих для всех категорий дел относят следующие предпосылки: 1) истец должен обладать гражданской процессуальной правоспособностью, т. е. способностью быть стороной в процессе; 2) исковое заявление должно подлежать рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства; 3) отсутствие вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию; отсутствие определения суда об отказе истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон; отсутствие в производстве суда дела по тождественному спору; 4) отсутствие между сторонами договора о передаче возникшего спора на разрешение третейского суда. Первые две предпосылки учёный именует положительными предпосылками права на предъявление иска, остальные относит к числу отрицательных. Сущность специальных предпосылок права на предъявление иска заключается в том, что для некоторых категорий гражданских дел установлен внесудебный предварительный порядок разрешения спора, прежде чем заинтересованное лицо может обратиться в суд за защитой нарушенного или оспоренного права (см. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. С. 230-232). В работе «Гражданское процессуальное право» под редакцией М.С. Шакарян представлена следующая классификация предпосылок права на предъявление иска: «Следует различать предпосылки права на предъявление иска: а) общие и специальные - в зависимости от круга дел, по которым они применяются, и б) положительные и отрицательные — от того, зависит ли право на предъявление иска от наличия или отсутствия обстоятельств, предусмотренных законодательством». Общие предпосылки права на предъявление любого иска: процессуальная правоспособность истца и ответчика, т.е. способность быть стороной в гражданском деле; подведомственность дела суду; юридическая заинтересованность заявителя; отсутствие вступившего в законную силу решения суда по тождественному иску; отсутствие ставшего обязательным для сторон решения третейского суда, за исключением случаев, когда суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Специальной предпосылкой права на предъявление иска выступает соблюдение досудебного порядка разрешения спора (см. Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. С. 209-210; см. также, например: Гражданский процесс / Под ред. В.В. Яркова. М., 2001. С. 247-249).

⁴⁹ Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушникова. С. 27 (автор главы — М.К. Треушников).

Тема 2.

Стороны как лица, участвующие в деле

Рассмотрев концептуальный подход к определению понятия «сторона в гражданском процессе», разрешив вопрос о понятии и специ-

фике гражданского процессуального правоотношения и выявив основные черты искового производства, необходимо сосредоточить внимание на признаках сторон как лиц, участвующих в деле.

В гражданском процессуальном законодательстве стороны названы первыми среди лиц, участвующих в деле. Стороны – необходимые субъекты процесса.

Говоря о сторонах в исковом производстве, в первую очередь отмечают заинтересованность сторон в исходе дела, придавая этому признаку определяющий понятие «сторона в процессе» характер. Это связано с тем, что п. 1 ст. 3 ГПК РФ гласит: заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Причем выделяют заинтересованность материально-правовую и процессуально-правовую, указывая, что именно оба этих вида юридической заинтересованности свойственны сторонам в процессе¹. Необходимо поэтому определить понятие «юридическая заинтересованность».

Традиционно в процессуальном законодательстве к объектам правовой защиты относят как субъективные права, так и законные интересы. Анализ юридической литературы показывает, что защиту охраняемого законом интереса часто определяют в качестве предмета особого производства². Отметим, что, например, М. Рожкова с этой позицией не согласна. Она пишет, что «и разрешая споры, и рассматривая «бесспорные» дела, суд в конечном итоге оказывает содействие лицам в осуществлении ими субъективных прав»³. Очевидно, что понятие «законный интерес» нуждается в некоторой конкретизации.

Понятие «юридическая заинтересованность», на наш взгляд, тесно связано, но не равно понятию «законный интерес». Первое понятие лежит в плоскости судебного процесса, второе – в сфере

материального права. Нужно отметить, что действующее законодательство не содержит легального определения понятия «законный интерес». Т.Б. Шубина пишет, что «представляется невозможным выработать строго определенное понятие «законный интерес» и определить виды законных интересов, так как законодатель не случайно не дал такого определения»⁴. На наш взгляд, необходимость выработки определения понятия «законный интерес» очевидна, так как оно является одним из ключевых в терминологической системе законодательства, именно «права и законные интересы» граждан и организаций защищаются в судебных инстанциях, поэтому для процессуальной науки вопрос определения правовой сути понятия «законный интерес» приоритетный. Ведь очевидно, что если в суде защищаются права и законные интересы, то стороны являются носителями этих прав и законных интересов. Получается следующая картина: стороны – это, согласно положениям ГПК РФ, во-первых, заинтересованные лица и, во-вторых, носители (или обладатели) законных интересов, защищаемых в судебном порядке. Возникает вопрос: заинтересованное лицо есть обладатель законного интереса или заинтересованное лицо заинтересовано именно обладать интересом через суд, то есть первоначально, до суда, заинтересованное лицо не обладает правом или законным интересом, но хочет обладать последними? На наш взгляд, верно второе.

Надо отметить, что определение понятия «интерес» есть та задача, разрешением которой занимается не только правовая наука, но и психология, философия, социология, экономика. Таким образом, категория «интерес» является общенаучной.

Целая плеяда ученых-юристов оперировала и оперирует понятием «законный интерес». Одним из первых это понятие употребил Г.Ф. Шершеневич в своей работе «Общая теория права», увидевшей свет еще в 1912 году. Он писал: «Члены одного общества выработали в себе привычку отстаивать всеми законными средствами свои права, восставать против малейшего нарушения их законных интересов, относиться недоброжелательно к нарушителям правового порядка как к общим врагам, а соответственно тому

и сами стараются не выходить из пределов своего права»⁵. Ю.С. Гамбаров отмечал, что «не все интересы пользуются защитой и ведут к праву»⁶.

Как справедливо отмечают, основная проблема категории интереса состоит в определении ее природы. С.В. Михайлов указывает, что «взгляды ученых по этому поводу делятся на три группы. Одни исследователи считают интерес категорией субъективной, они рассуждают примерно так – если нет осознания интереса субъектом, то нет смысла говорить и о самом интересе. Другие – категорией объективной, так как интересы существуют и вне зависимости от осознания их субъектом. Третья группа ученых полагает, что интерес – это диалектическая категория, в которой с необходимостью проявляются в единстве объективное и субъективное начала»⁷.

Неясно, чем именно была обусловлена сама необходимость выделения группы «законных интересов». Вероятно, право – это нечто определенное, безусловное, а интерес – нечто само собой подразумевающееся. В таком случае интерес должен предшествовать праву, формировать и формулировать его. И уж тогда термин «интерес» должен предшествовать термину «право» в строке закона, определяющей предмет судебной защиты.

С.Н. Братусь считал интерес предпосылкой и целью права⁸. Исходя из этого, законный интерес – это природная предрасположенность лица (субъекта права) к определенным действиям, это его внутренняя потребность, нравственное желание, имеющее объективную ценность и всеобщую полезность. Субъективное право поэтому есть закрепленный государством нормативно законный интерес. Однако подобное решение проблемы исключает использование категории «законный интерес» в законодательстве, она является неким внутренним структурным звеном понятия «субъективное право». Вариантов всего два. Либо понятие «законный интерес» законодатель наполнил иным, самостоятельным смыслом, и тогда действительно невозможно его определить, либо «законный интерес» – это дефиниция, относящаяся к сфере морально-нравственной жизни общества, это некое позитивное, по-

ложительное начало, не закрепленное еще в законе, но подлежащее безусловной охране со стороны государства. В последнем случае в силу неопределенности защитить законный интерес будет весьма проблематично. В этой связи уместно привести мнение В.П. Грибанова: «Законодательство всегда предусматривает лишь такие субъективные права, которые направлены на удовлетворение основных, общих для всех членов общества, для определенных групп типических интересов»⁹. Это мнение кажется нам правильным, хотя решения обозначенной нами проблемы (индивидуализации в охраняемом законом интересе предмета судебной защиты) оно не предлагает. Н.С. Малеин полагает, что иногда как раз малозначимые интересы получают закрепление в нормах субъективного права, тогда как трансформация более важных интересов в субъективные права может сдерживаться экономическими причинами¹⁰.

А.В. Малько считает, что «законный интерес — категория, позволяющая собрать в себе все интересы личности, которые по тем или иным причинам не опосредованы в субъективных правах, но, безусловно, имеют определенное значение как для общества, так и для самой личности. Государству удобно через такой инструмент, как «законный интерес», брать под свою охрану и защиту все те интересы лиц, которые, с одной стороны, нет необходимости опосредовать в субъективные права для их удовлетворения, а с другой — когда нет возможности такого опосредования»¹¹. С этим можно согласиться.

Неоднозначно можно толковать и сам термин «законный». С одной стороны, это значит — закрепленный в законе, с другой — обеспечиваемый государством, с третьей — правильный, морально-нравственный, не противоречащий закону. Именно третье толкование согласовывается с последней выведенной нами позицией. Вообще законодатель оперирует как понятием «законный интерес», так и понятием «охраняемый законом интерес», что, по смыслу закона, представляет собой одно и то же, то есть последнее.

Термин «законный интерес» применительно к сфере материального права означает, на наш взгляд, не только притязание на обладание определенным правом, но и притязание на его защиту,

обеспечение, ибо не имеет смысла правообладать без гарантий признания обществом законности правообладания, то есть понятие «законный интерес» есть понятие общее как для материального, так и для процессуального права. Интерес в материальном смысле — это притязание на правообладание, интерес в процессуальном смысле — притязание на защиту правообладания.

Профессор М.Н. Марченко пишет: «Содержание законного интереса состоит из двух элементов (стремлений): пользоваться конкретным социальным благом и обращаться в необходимых случаях за защитой к компетентным органам государства или общественным организациям»¹². Мы согласны с этим высказыванием.

Интересен анализ проблемы значения юридического интереса, проведенный в свое время М.А. Гурвичем. По его мнению, юридический интерес состоит в том, что судебное решение создает для заинтересованной стороны известный выгодный процессуальный результат: оно подтверждает спорное право, превращая его в бесспорное и создавая тем самым основу для его принудительного исполнения или внося определенность в правовые отношения, либо преобразует правоотношения в соответствии с законом¹³. На основании этого ученый делает вывод — в противном случае процесс был бы бесцельным и беспредметным, то есть «...при отсутствии юридического интереса в процессе последний недопустим»¹⁴. Из этого утверждения следует очень важное заключение — поскольку результат процесса бывает выгодным только одной стороне и потому лишь к моменту вынесения решения выясняется, у какой из сторон действительно имелся юридический интерес в данном процессе, постольку юридический интерес не может служить предпосылкой права на предъявление иска. С данной позицией не согласна М.А. Вукот. Действительно, только к моменту вынесения решения можно определенно сказать, кто из спорящих сторон прав: истец или ответчик. Но уже с самого начала процесса судья обязан определить, кто может быть истцом и ответчиком по конкретному делу. Бессмысленно, утверждает М.А. Вукот, полагать, что любое лицо может предъявить иск к любому другому лицу. Определяя субъективный состав иска, судья в одних случаях при-

нимает исковое заявление к своему производству, а в других отказывает, объясняя, что обратившееся в суд лицо не может быть истцом по данному делу или что указанный истцом ответчик не может отвечать по предъявленному иску. Это, безусловно, не означает, что судья заранее решает в отношении обратившегося в суд лица, что оно не является субъектом спорного права или что право этого лица не нарушено. Что касается схемы рассуждений М.А. Гурвича, то она такова. Без юридического интереса к результату процесса последний недопустим. Для того, чтобы вынесенное решение не оказалось бесцельным, достаточно, чтобы юридический интерес к процессу имелся хотя бы у одной из сторон. Юридический интерес состоит в том, что для заинтересованной стороны судебное решение подтвердит спорное право и превратит его в бесспорное. Получается «заколдованный круг»: для процесса необходим юридический интерес у одной из сторон, выяснить же, у какой из них он имеется, можно лишь в результате процесса¹⁵. Поэтому правильнее под юридической заинтересованностью стороны понимать не наличие юридических фактов, обуславливающих положительный результат для сторон, а ожидание правового положительного результата, который может наступить для стороны в результате разрешения судом дела. В таком смысле юридический интерес к процессу имеется у обеих сторон¹⁶. Мы вполне поддерживаем такую точку зрения. В то же время мнение М.А. Гурвича позволяет проследить взаимосвязь содержания судебного решения и требования, заявленного к суду по конкретному делу, и выявить сущность права на обращение к суду за защитой¹⁷.

На наш взгляд, М.А. Гурвич говорил именно об интересе, свойственном праву, как мы показали это выше. М.А. Вукот же, напротив, говорила о заинтересованности сторон, т.е. категории процессуальной (в узком смысле процессуальной – процесс рассматривается как процессуальное правоотношение). Общей проблемой обеих теорий явилось терминологическое смешение. Используя самостоятельные категории «интерес» и «заинтересованность», вкладывая в них смысл, определенный нами выше, указанной коллизии можно избежать.

Итак, мы определили, что правовой, или законный, или охраняемый законом интерес есть объективная категория, обозначающая неопределенную правовую свободу субъекта права, заключающуюся в возможности действовать по своему усмотрению, но в соответствии с принципом соблюдения аналогичной правовой свободы других субъектов права и установленных законодательно ограничений и требовать в необходимых случаях судебной защиты этой правовой свободы. Исходя из данного определения законного интереса можно выделить следующие законные интересы: конституционные (каждый может вести независимую частную жизнь, каждый может создать семью и родить ребенка, каждый может выбирать образ жизни и вид трудовой деятельности и проч.), гражданские (каждый может распоряжаться своим имуществом, выбирать способ защиты права и т.д.), административные (каждый может обращаться к государственным органам) и т.п. Следует отметить, что в тексте закона очень часто законные интересы именуется правами, об интересе по сути говорят как о праве. Это связано, как представляется, с несовершенством действующего законодательства, которое, во-первых, не дает легального определения субъективного права и законного интереса и, во-вторых, не приводит перечневого списка законных интересов.

Итак, если категория «законный интерес» относится равным образом как к сфере материального, так и процессуального права, то термин «заинтересованность» является категорией исключительно процессуальных правоотношений, потому что означает не потенциальное качество лица, как в первом случае, а активно реализуемое желание. В самом слове «заинтересованность» заключено нечто от слова «вовлеченность». Поэтому представляется совершенно справедливым такое положение вещей, когда категорию «законный интерес» (некая потенциальная потребность) употребляют применительно к сфере права, а категорию «юридическая заинтересованность» (реализуемая и сознаваемая субъектом права потребность) — к сфере правоотношений.

Что же касается непосредственно гражданского процесса, то теперь очевидно, что законный интерес есть не свойство стороны

в процессе, а по аналогии с субъективным правом предмет судебного разбирательства. И выявить действительного обладателя нарушенного либо оспариваемого законного интереса (а равно и субъективного права) можно лишь в судебном заседании. Однако закон говорит о сторонах как о заинтересованных лицах (см. п. 1 ст. 3 ГПК РФ). Именно заинтересованное лицо вправе обратиться в суд общей юрисдикции.

Е.В. Васьковский писал, что «для того, чтобы процесс начался, достаточно подачи истцом искового прошения с соблюдением установленных законом формальностей. Но этого недостаточно для разрешения дела судом по существу. Чтобы суд приступил к рассмотрению требования истца, необходима еще наличие некоторых условий, или процессуальных предположений»¹⁸. В числе указанных процессуальных предположений Е.В. Васьковский называет, помимо прочего, «наличие у истца юридического интереса. Это значит, что суд обязан рассматривать требования истца только в том случае, когда истец нуждается в судебной защите, когда выигрыш дела благоприятным образом отразится на его правах или обязанностях по отношению к ответчику. Только в таком случае истец юридически заинтересован в предъявлении иска. Необходимость юридического интереса для предъявления иска вытекает из основной задачи гражданского суда и сущности искового процесса. Судебные учреждения созданы государственной властью не для разрешения теоретических споров о праве, а для конкретизации юридических норм и применения их к жизни. Предъявление иска предполагает наличие у истца юридического интереса: без интереса нет иска»¹⁹. Как видно, ученый юридическую заинтересованность сторон именуется юридическим интересом. И далее: «Для наличия юридического интереса нужны два условия. Во-первых, исковое требование, заявленное истцом, должно вытекать из его собственных юридических отношений. Иначе судебное решение, будучи постановлено по поводу чужих юридических отношений, не произведет никакого изменения в правах и обязанностях истца, а потому и не представляет для него юридического интереса. Во-вторых, для наличия юриди-

ческого интереса у истца необходимо еще, чтобы истец имел повод к предъявлению иска против ответчика. Иначе, хотя бы даже иск касался собственных юридических отношений истца, у него не будет интереса к возбуждению процесса. Если, например, ответчик ничем не нарушил и даже не отрицает права собственности истца на дом, то истцу незачем предъявлять к нему иска о признании своего права собственности на этот дом или об изъятии его из владения ответчика. Судебное решение, постановленное по такому иску в пользу истца, нисколько не улучшило бы и не укрепило его юридического положения. Суд трудился бы совершенно напрасно»²⁰. Юрический интерес к делу (заинтересованность) Е.В. Васьковский понимает, таким образом, в материальном смысле, то есть как ожидание стороной определенных благоприятных материально-правовых последствий, вызванных постановлением решения суда по делу. Процессуально-правовая заинтересованность, как видно, не выделяется. Кроме того, Е.В. Васьковский обходит вопрос о юридической заинтересованности ответчика. Исходя из смысла рассуждений ученого, ответчик лишен заинтересованности в деле. На наш взгляд, это не так. ГПК РФ в ст. 3 говорит о заинтересованности заявителя, то есть лица, обращающегося в суд за защитой нарушенного либо оспариваемого права. Нигде в тексте закона прямо не говорится о том, что ответчиком, в свою очередь, может быть также только заинтересованное лицо. Но ст. 41 ГПК РФ предусматривает возможность замены ненадлежащего ответчика в процессе надлежащим. Таким образом, суд правомочен признать ответчика ненадлежащим, не соответствующим требованиям процессуального законодательства. Рискнем предположить, что именно незаинтересованность ответчика является основанием для подобного вывода. Однако ГПК РФ не содержит легального определения надлежащего либо ненадлежащего ответчика. В противовес ему ГПК РСФСР 1964 года в ст. 36, предусматривавшей замену ненадлежащей стороны, давал определение ненадлежащего ответчика, трактуя его как не то лицо, которое должно отвечать по иску. Следовательно, ненадлежащий ответчик — это лицо, которое не должно отвечать по иску, то есть

незаинтересованное лицо, так как в случае постановления судебного решения, удовлетворяющего требования истца, неблагоприятные последствия наступят не для него, а для лица, являющегося противоположной по отношению к истцу стороной в материальном правоотношении, явившимся предметом спора. Именно поэтому в случае, если истец настаивает на рассмотрении дела с участием ненадлежащего ответчика, суд должен вынести решение по делу с отказом истцу в удовлетворении его притязаний в соответствии с требованиями п. 1 ст. 195 и п. 1 ст. 196 ГПК РФ. Мы полагаем, что процессуальный закон, таким образом, нуждается в совершенствовании и, в частности, во включении в его текст легального определения стороны как юридически заинтересованного участника процесса.

Обобщая сказанное, можно дать определение юридической заинтересованности сторон. Юридическая заинтересованность сторон искового производства заключается в ожидании ими определенного материально-правового результата, реализуемого посредством исполнения вступившего в законную силу и подтверждающего либо опровергающего спорные правомочия противоположной стороны судебного акта.

Поскольку законодатель в тексте ст. 3 ГПК РФ юридическую заинтересованность трактует в качестве предпосылки участия в процессе в качестве стороны, необходимо, на наш взгляд, подкрепить это положение конкретными указаниями закона. В частности, представляется целесообразным внести в п. 1 ст. 131 ГПК РФ требование указать в исковом заявлении, в чем заключается материально-правовая заинтересованность заявителя. Процессуальная заинтересованность в разрешении дела не может быть заранее обоснована и презюмируется как в отношении истца, так и в отношении ответчика в момент возбуждения производства по делу, следовательно, отсутствие процессуальной заинтересованности в деле не может служить основанием к оставлению искового заявления без движения. Однако в процессе судебного разбирательства суд может прийти к выводу о том, что одна из сторон не заинтересована в деле процессуально (например, при уклонении

одной из сторон от доказывания, неоднократной неявке без уважительных причин в судебное заседание и т.п.). Если такое правовое поведение характеризует истца, в иске следует отказывать; ответчика — решать дело заочно согласно положениям гл. 22 ГПК РФ.

Юридический интерес к делу может принадлежать не одному лицу, а группе лиц. В таком случае следует вести речь о процессуальном соучастии²¹.

Процессуальное соучастие — это участие в одном и том же процессе нескольких истцов или нескольких ответчиков, требования или обязанности которых не исключают друг друга. Процессуальное соучастие широко применяется при рассмотрении гражданских дел.

Одна группа ученых, в числе которых, например, С.Н. Абрамов, определяет процессуальное соучастие как «соединение нескольких лиц на стороне истца или ответчика»²². Как видно, данное определение основано на внешнем признаке — количестве участвующих лиц на той или иной стороне. Однако этот признак удовлетворяет и тем случаям, когда на стороне истца или ответчика участвуют, например, третьи лица.

А.Ф. Козлов определил процессуальное соучастие как участие двух лиц на стороне истца или ответчика либо в интересах той и другой стороны²³, что представляется как минимум спорным, т.к. соучастники, безусловно, выступают в процессе исключительно в собственных интересах.

Т.Е. Абова, М.С. Шакарян определяют процессуальное соучастие как участие в одном и том же деле нескольких истцов или ответчиков, права, требования или обязанности которых не исключают одно другое²⁴. Однако так бывает не всегда. Практике известны случаи, по которым интересы соучастников не только не совпадают, но являются противоположными. В частности, при причинении вреда источником повышенной опасности, выбывшим из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, ответственность за причиненный вред может быть возложена как на лицо, использовавшее источник повышенной опасности, так и на его владельца (в зависимости от конкрет-

ных обстоятельств дела). Следовательно, в качестве соответчиков могут быть привлечены как владелец, скажем, автомобиля, так и лицо, использовавшее автомобиль неправомерно. Очевидно, что интересы их будут противоположны.

А.А. Мельников определил процессуальное соучастие как участие в одном деле нескольких истцов или нескольких ответчиков, состоящих друг с другом в одном многосубъектном спорном материальном правоотношении или в самостоятельных материальных правоотношениях²⁵. Такое определение отражает сущность процессуального соучастия и охватывает все встречающиеся виды его.

Необходимо отметить, что до принятия ГПК РФ 2002 года закон не устанавливал оснований соучастия, но практика и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, даваемые по конкретным категориям гражданских дел в связи с осложнением процесса по субъектному составу, позволяли считать, что основанием соучастия является характер спорного материального правоотношения, определяемый множественностью либо обязанных, либо управомоченных лиц и однородностью требований. Действующий ГПК РФ в ст. 40 компенсирует этот пробел и называет в качестве оснований процессуального соучастия следующие случаи:

- 1) когда предметом спора являются общие права или обязанности нескольких истцов или ответчиков;
- 2) когда права и обязанности нескольких истцов или ответчиков имеют одно основание;
- 3) когда предметом спора являются однородные права или обязанности.

В теории и на практике различают два вида процессуального соучастия — возможное (факультативное) и необходимое (обязательное).

Обязательное соучастие имеет место в том случае, когда характер спорного материального правоотношения не позволяет решить вопрос о правах или обязанностях одного из участников процесса без привлечения остальных субъектов материального правоотношения в процесс для участия по конкретному делу. Так, в силу закона трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содер-

жать своих нетрудоспособных родителей. При отсутствии соглашения об уплате алиментов они взыскиваются в судебном порядке. В данной ситуации имеет место обязательное соучастие.

Факультативное соучастие означает, что вопрос о праве или обязанности одной из сторон можно разрешить отдельно в самостоятельном процессе и независимо от разрешения вопроса о правах и обязанностях другого участника. При факультативном соучастии характер спорного материального правоотношения позволяет рассматривать дело в отношении каждого из субъектов в отдельном процессе. При факультативном соучастии, таким образом, происходит объединение самостоятельных исков для рассмотрения их в одном процессе. Суды должны допускать такое объединение только тогда, когда оно будет содействовать более полному и всестороннему исследованию всех доказательств по делу, лучшему установлению действительных прав и обязанностей сторон, т.е. лучшему выполнению задач правосудия по защите прав и охраняемых законом интересов граждан. Механическое соединение исков недопустимо. Оно только осложняет рассмотрение дела²⁶.

Кроме того, профессор В.В. Ярков приводит следующую классификацию соучастия по процессуально-правовому критерию: активное соучастие (когда на стороне ответчика одновременно участвует несколько лиц) и смешанное соучастие (когда одновременно на стороне истца и ответчика участвует несколько лиц)²⁷.

Как правило, процессуальное соучастие имеет место тогда, когда в качестве соучастников выступают физические лица. Однако, несмотря на отсутствие прямого указания закона, в практике рассмотрения гражданско-правовых споров не исключены случаи, когда на стороне истца или ответчика выступают в качестве процессуальных соучастников как физические, так и юридические лица²⁸.

Большое значение для защиты прав и охраняемых законом интересов граждан имеет процессуальный порядок вступления (привлечения) соучастника в дело. Этот порядок процессуальным законодательством специально не предусмотрен. Однако, несмотря на это, следует сделать вывод, что вступление в процесс соистцов или привлечение соответчиков должно происходить по общим

правилам, установленным гражданским процессуальным законодательством для предъявления иска и привлечения к делу ответчиков. Но здесь есть некоторые особенности. В частности, при желании кого-либо вступить в процесс в качестве соистца суду следует выяснить мнение первоначального истца, если налицо факультативное соучастие. Такого согласия истца не требуется в случае обязательного соучастия на истцовой стороне (например, при предъявлении иска несколькими собственниками о разделе общего имущества). Не требуется согласия истца и тогда, когда суд привлекает к делу соответчиков при обязательном соучастии на ответной стороне.

Правовое положение соучастников в гражданском процессе характеризуется тем, что они, обладая в полном объеме всеми процессуальными правами истцов или ответчиков, независимы друг от друга и выступают в процессе самостоятельно. Соучастники могут поручать ведение дела одному из соучастников. Такой соучастник обладает как правами и обязанностями стороны, так и правами и обязанностями представителя. Первую группу прав он может использовать только в отношении себя. Соучастники вправе присоединиться к кассационной жалобе одного из соучастников, не подавая самостоятельной жалобы, что создает для них материальные преимущества — они освобождаются от оплаты государственной пошлины.

Интересно, что, отмечая процессуальное равенство соучастников, А.Ф. Козлов классифицирует его на внутреннее (по отношению друг к другу) и внешнее (по отношению к противоположной стороне)²⁹.

Таким образом, цель процессуального соучастия — облегчить рассмотрение судом гражданских дел, более быстро и эффективно защитить права граждан. Основаниями процессуального соучастия могут быть принадлежность либо спорного права, либо спорной обязанности нескольким лицам, соображения процессуальной экономии и т.д.

Тот факт, что истец заинтересован в открытии правды, а ответчик — в ее сокрытии, как нельзя лучше иллюстрирует следующий

признак сторон — противоположность собственных интересов интересам противника. Едва этот признак исчезнет, исчезнет сам спор. Противоположность интересов состоит, таким образом, во взаимоисключении юридических ожиданий (юридических заинтересованностей) тяжущихся.

Интересно отметить следующее. С.М. Пелевин считает, что «суд, как участник процесса, тоже заинтересован в исходе дела. Его юридический интерес состоит в вынесении законного и обоснованного судебного решения. Это обязанность суда по отношению к государству, вытекающая из конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции)»³⁰. Вряд ли, на наш взгляд, с этим утверждением можно согласиться. Исходя из предложенной нами концепции юридической заинтересованности, последняя означает направленное ожидание определенного процессуального результата, гарантирующего в последующем достижение материального блага. Поэтому суд не является юридически заинтересованным участником процесса, так как лично для него процессуальный результат деятельности по разрешению спора не обеспечивает никаких материальных благ в будущем. Таким образом, мы исходим из того, что стороны искового производства есть единственные участники процесса, обладающие вкуче материально-правовой и процессуально-правовой заинтересованностью в деле. Это главный признак сторон искового процесса.

Однако насколько справедливо это утверждение?

Положения ГПК РФ сформулированы таким образом, что имеет смысл говорить о сторонах судебных правоотношений в двух смыслах: материально-процессуальном (когда отношения возникают и развиваются по поводу собственных прав и охраняемых законом интересов) и чисто процессуальном (когда отношения возникают и развиваются по поводу прав и охраняемых законом интересов других лиц либо неограниченного круга лиц) (ст. 45, 46 ГПК РФ). При этом оба варианта правового положения в процессе возможны как в отношении истца, так и в отношении ответчика.

Смысл категории «истец» и «ответчик» заключается в следующем. Мы ведем речь не о реально существующих лицах, но о по-

нятиях, которые выражаются в соответствующих статусах. Необходимо абстрагироваться от неизбежных для человека, но губительных для теории соблазнов отождествить конкретное лицо и субъект правоотношения. «Сторона в процессе» - это совсем не то же самое, что физическое лицо, и именно поэтому, когда мы говорим «истец» или «ответчик», мы даем лишь сущностную характеристику субъекта процессуального правоотношения, соответствовать которой может лицо, а могут и лица. Здесь можно привести следующую аналогию. «Семья» в семейном праве — это тоже статус, воплощать который в реальности могут два человека, а могут и десять человек. «Сторона» - это, таким образом, абстракция, некая юридическая конструкция.

Рассматривая вопросы, связанные с понятием и правовым положением сторон в гражданском процессе, следует обратить особое внимание на то, что ГПК РФ так же, как и ГПК РСФСР, в случаях, предусмотренных законом, предоставляет гражданам право обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 46 ГПК РФ). Отметим, что, предоставляя гражданам такую возможность, законодатель не конкретизирует, в каких случаях и какие лица вправе обратиться в суд с требованием о защите чужих интересов. Вероятно, гражданам требуется самостоятельно произвести анализ материального законодательства, что, безусловно, весьма трудоемко для любого юриста, не говоря уже о гражданах. Между тем в литературе, в выступлениях многих ученых не раз подчеркивалось, что целью законодателя, его задачей является не только создание максимально юридически «грамотного» закона, но и доступность изложения норм и понятий для рядовых граждан. В новом же законе, на наш взгляд, не все нормы прописаны с должной тщательностью, поэтому при их применении могут возникнуть определенные трудности для населения, которому такие нормы адресованы. Представляется, что многие идеи не удалось перевести в плоскость четких, понятных конструкций. Однако попробуем привести здесь возможные варианты такого «заступничества».

Это, во-первых, право любого заинтересованного лица обратиться в суд с требованием о применении последствий недействительности ничтожной сделки (ч. 2 ст. 166 ГК РФ). Во-вторых, лица, права которых нарушены заключением брака другими гражданами, могут в силу указания ст. 28 СК РФ обратиться в суд с требованием о признании данного брака недействительным. В случае реализации данных прав указанные граждане вступают в процесс, имея лишь процессуальную заинтересованность в деле.

Полагаем, что следует дать правовое наименование таким лицам, ибо в процессе они, безусловно, заинтересованы, но в рамки общепризнанной концепции «истцовой» стороны не укладываются.

Отметим, что, в соответствии со ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Это одна из трех возможных форм участия прокурора в гражданском процессе РФ³¹. Таким образом, прокурор также является истцом лишь в процессуально-правовом смысле. И.В. Решетникова и В.В. Ярков указывают, что прокуроры, как правило, связаны с исками в защиту публичных и государственных интересов, направленными на защиту в основном имущественных прав государства либо интересов общества, когда невозможно выделить конкретного выгодоприобретателя. Здесь выгодоприобретателем выступает государство либо общество в целом³².

А.А. Ференс-Сороцкий полагает, что выражение «истец в процессуальном смысле» тавтологично по сути, т.к. материальному праву неизвестны термины: истец, ответчик, сторона. Там есть продавец и покупатель, подрядчик и заказчик, арендатор и арендодатель и т.п.³³. Однако, во-первых, материальному праву известен термин «сторона в правоотношении», многочисленные примеры этого можно найти в тексте ГК РФ; во-вторых, выражение «в процессуальном смысле» происходит не от того, что речь ведется о самом гражданском судопроизводстве, о субъекте как об участнике этого процесса, а от того, что данный участник судопроизводства имеет лишь процессуальную заинтересованность в деле,

не обладая при этом материально-правовой заинтересованностью. А.А. Ференс-Сороцкий считает, что «прокурор и частное лицо выступают как соистцы»³⁴, что, на наш взгляд, в корне неверно, т.к., согласно п. 3 ст. 40 ГПК РФ, каждый из соистцов выступает по отношению к другой стороне самостоятельно (ст. 35 ГПК РСФСР 1964 г. закрепляла то же положение). То есть каждый из соистцов в отдельности есть сторона в полном смысле этого термина, это субъект, имеющий материально-процессуальную заинтересованность в деле. Прокурор, как мы уже указывали, материально в деле не заинтересован. Он, кроме того, в большинстве случаев не может самостоятельно, отдельно от частного лица выступать в процессе, ибо ему для этого необходимо его согласие, что явно закреплено в ст. 45 ГПК РФ.

О.А. Бахарева также отрицательно относится к использованию термина «процессуальный истец». Она пишет: «Предложение именовать пусть даже и условно лиц, указанных в п. 3 ст. 4 и ч. 1 ст. 42 ГПК РСФСР, «процессуальными истцами» не содействует улучшению деятельности судебных органов и способно внести трудности в определение процессуального положения лиц, участвующих в деле»³⁵. Однако данное мнение опровергает в первую очередь законодатель, ибо лица, предъявившие иск в защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц, пользуются всеми процессуальными правами и исполняют все процессуальные обязанности истца (ч. 2 ст. 42 ГПК РСФСР). Именно поэтому утверждение О.А. Бахаревой, что «не имеется теоретических оснований для раздвоения понятия «истец» (истец в собственном смысле и истец в процессуальном смысле)»³⁶, спорно.

Кроме того, проведенный анализ судебной практики Самарского областного суда позволил сделать вывод о том, что действительно прокурор, инициирующий гражданский процесс, именуется в материалах дел «истцом». Так указывается, например, в решении по иску прокурора Самарской области к Самарской губернской Думе, Администрации Самарской области о признании недействующими и не подлежащими применению отдельных поло-

жений Закона Самарской области от 24.04.99 г. № 18 ГД «О благотворительной деятельности в Самарской области»³⁷.

Итак, в данный момент именно в указанной ситуации мы сталкиваемся с правовым явлением, которое назовем условно «сложносочиненной стороной». Лицо (прокурор, государственный орган, гражданин, организация и т.д.), обратившееся в суд за защитой «чужих» интересов, лишено материально-правовой заинтересованности в исходе дела. Судебное решение, вынесенное по делу, возбужденному на основании ст. 46 ГПК РФ, не повлияет на его субъективные права и охраняемые законом интересы. Никаких материальных благ лично в его пользу присуждено не будет. Иными словами, оно априори не является действительным субъектом материальных правоотношений. Но процессуально-правовую заинтересованность этого лица невозможно отрицать, ибо тогда мы столкнулись бы с явлением, уникальным не только с точки зрения права, но и мировой философии в целом, а именно беспричинным следствием. Можно полагать, что единственно процессуальная заинтересованность в исходе дела инициировала упомянутое нами лицо к возбуждению процесса вообще.

Интересно, что, характеризуя иски в защиту прав других лиц, И.В. Решетникова и В.В. Ярков пишут: «Иски в защиту прав других лиц направлены на защиту не самого истца, а других лиц, когда истец в силу закона уполномочен на возбуждение дела в их интересах. В подобном случае выгодоприобретателем выступает лицо, чьи интересы защищаются в суде как участника спорного материального правоотношения.»³⁸.

Отметим тот факт, что ученые достаточно часто применяют к лицу, подающему иск в защиту чужих интересов, термин «истец», что, безусловно, значит – «сторона», а материально заинтересованное лицо (носителя данных интересов) именуют «выгодоприобретателем». Представляется, что указанные авторы видят проблему «сложносочиненной стороны»; единственное разногласие – в наименованиях: «процессуального истца» они именуют, как уже указывалось, просто «истцом», а «материально-процессуального истца» – «выгодоприобретателем». Между тем ясно, что

оба этих субъекта неразделимы — без одного нет другого, а вместе они занимают то место в процессе, которое называется «сторона»³⁹.

С.М. Пелевин пишет, что граждане, обращающиеся в суд в интересах других лиц, «имеют процессуальный юридический интерес только в одной форме — возбуждении гражданского дела, где они выступают как процессуальные истцы в защиту интересов других лиц. Давая же заключение по делу, эти лица лишь способствуют полному, всестороннему и объективному выяснению всех его обстоятельств и никакого юридического интереса в деле не имеют. Их заключение — одно из доказательств по делу, как и заключение экспертизы; отличается же оно от последнего только процессуальным порядком производства, содержанием, оформлением и представлением»⁴⁰. Нельзя, однако, согласиться с тем, что рассматриваемые лица имеют интерес только к возбуждению гражданского дела. Интерес к возбуждению дела в суде автоматически означает интерес к делу. Иначе сложно понять мотивацию, при которой лицо заинтересовано возбудить процесс, но не заинтересовано в его результате. Представляется, что, даже если бы такое было возможно, суду следовало бы отказать такому «истцу» в принятии искового заявления.

Продолжая наши рассуждения, отметим, что лицо, обращающееся в суд за защитой интересов других лиц, мало чем отличается от материально заинтересованного истца. Не случайно, наверное, многие ученые уже предлагали называть тех, кто защищает в суде «чужой» интерес, процессуальными истцами⁴¹, или сторонами особого рода⁴². Впрочем, наша задача — показать, что такого рода стороны — это не «особые» стороны, а именно «стороны» во всей полноте процессуального смысла этого понятия, образующую неотъемлемую органичную составляющую правовой категории «сторона в процессе».

Как уже указывалось, лица, подавшие заявление в защиту законных интересов других лиц, пользуются всеми процессуальными правами и несут все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов (п. 2 ст. 45, п. 2 ст. 46 ГПК РФ).

Указанные исключения логически объяснимы и вполне укладываются в разрабатываемую нами концепцию понятия стороны в процессе. Действительно, не будучи материально заинтересованными, то есть не являясь стороной в споре, данные лица не имеют никакого права распоряжаться имуществом, являющимся предметом спора. И, с другой стороны, как лица, выступающие в защиту «чужих» интересов, они вполне справедливо освобождены от несения судебных расходов.

Таким образом, в ряде случаев мы имеем дело со «сложносочиненным» истцом, представляющим собой правовой «симбиоз» двух лиц: материально и процессуально заинтересованного и только процессуально заинтересованного. При этом это действительно симбиоз, поскольку отдельно друг от друга, подобно соистцам и соответчикам, данные «половинки стороны» существовать не могут, ибо процессуальная заинтересованность лица, выступающего в защиту интересов материально и процессуально заинтересованного лица, напрямую зависит и собственно порождается заинтересованностью материально и процессуально заинтересованного лица. То есть это значит, что истец в процессе один, хотя этот статус и представлен двумя лицами, каждое из которых является истцом, но, повторяем, действуют они в одном статусе. И судебное решение, которое в резолютивной своей части удовлетворяет заявленные требования либо отказывает в их удовлетворении, будет действительным по отношению к каждому такому истцу.

Отметим особо, что наше мнение о существовании «сложносочиненной стороны» в делах о защите гражданами чужих интересов исходит из единства материально и процессуально заинтересованного истца и истца процессуального как «истцовой» стороны в процессе. Процессуальный истец не является стороной в обычном смысле этого слова; для признания статуса стороны необходима совокупность материально-правовой и процессуально-правовой заинтересованности субъекта. Другое дело, что процессуальный истец в принципе не может существовать отдельно от «материально-процессуального» истца, как не может существовать отдельно защитник без защищаемого, иначе какой он тогда защит-

ник? В рассматриваемой нами категории дел не два истца, а всего один, но состоящий из двух функционально-различных субъектов. Итак, материально и процессуально заинтересованный истец как классическая сторона искового производства может и в подавляющем большинстве случаев успешно существует и функционирует в процессе самостоятельно, но процессуальный истец в силу односторонности своей юридической заинтересованности в исходе дела не может существовать в процессе обособленно от материально-процессуального истца и действует в одном с ним статусе⁴³.

Рассуждая о заинтересованности в процессе прокурора, органа местного самоуправления, О.А. Бахарева считает, что она «обусловлена государственным правом, административным, финансовым правом и т.д., то есть материальным по своему характеру. Все — это отрасли материального права. Поэтому, поскольку заинтересованность лиц, участвующих в деле, в том числе и органов местного самоуправления, обусловлена нормами материального права, и их юридическая заинтересованность в процессе по характеру является материально-правовой, которая лежит в основе их целенаправленной деятельности и обуславливает их процессуальную заинтересованность в судебном разбирательстве»⁴⁴. О.А. Бахарева опирается в своих рассуждениях на мысль М.А. Видука о том, что под материально-правовым отношением и материально-правовой заинтересованностью отдельные авторы, думается, понимают имущественные отношения и имущественный интерес, что нельзя признать верным⁴⁵. На наш взгляд, с данной точкой зрения нельзя согласиться. Материально-правовая заинтересованность в гражданском деле означает, по общему мнению, ожидание наступления определенного материально-правового результата, конечной целью которого является обладание материальным благом. Ни прокурор, ни органы местного самоуправления, участвующие в гражданском процессе с целью защиты прав и законных интересов других лиц, в результате процесса лично для себя не получают никаких материальных благ. Следовательно, они не являются материально-заинтересованными в процессе. Допустить же положение

О.А. Бахаревой – значит признать, во-первых, прокурора, орган местного самоуправления стороной в процессе и, во-вторых, признать наличие материально-правовой заинтересованности в деле у суда, экспертов, специалистов, переводчиков, свидетелей, ведь участие их в процессе также связано с нормами материального права (например, ст. 51 Конституции РФ: никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом). Таким образом, думается, неверно будет материально-правовой интерес выводить из материальных норм, очерчивающих правовой статус участника процесса. Материально-правовой интерес, на наш взгляд, есть ожидание обладания материальным благом посредством реализации судебного акта.

Рассматриваемые нами субъекты, в частности, могут выступать в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Как же в таком случае быть с утверждением О.А. Бахаревой о том, что юридический интерес таких субъектов находится в тесной связи с интересом лица, чьи права и интересы они защищают, так как при отсутствии юридического интереса у последнего нет юридического интереса и у заявителя иска? Как определить, есть ли интерес к процессу у неопределенного круга лиц? Нам кажется, что интерес к процессу у рассматриваемых субъектов именно личный, самостоятельный, процессуально-правовой. Материально-правовой же интерес принадлежит именно неопределенному кругу лиц, чьи права защищаются в судебном порядке. А вместе они образуют сторону в процессе.

Приведем мнение И.В. Решетниковой и В.В. Яркова. Они указывают, что «для защиты неопределенного круга лиц по российскому законодательству характерно следующее: во-первых, защита только публичного интереса, во-вторых, для защиты частных интересов каждому потерпевшему необходимо обратиться с отдельным требованием в суд, в-третьих, нормы о защите неопределенного круга лиц рассредоточены по отдельным материально-правовым актам и, в-четвертых, отсутствует процессуальный регламент в ГПК, который бы позволял рассматривать данные дела

по общим правилам. Тем самым новые прогрессивные положения материального законодательства не обеспечиваются процессуальными механизмами их реализации, что в конечном счете затрудняет осуществление конституционного права на судебную защиту»⁴⁶.

Итак, стороны как лица, участвующие в деле, характеризуются юридической заинтересованностью (материально-правовой и процессуально-правовой) в исходе дела. Именно поэтому стороны в гражданском процессе занимают особое правовое положение. Данный признак сторон является определяющим.

Как уже указывалось, наличие или отсутствие заинтересованности в деле может быть обнаружено судом уже после возбуждения производства по делу, т.е. в ходе судебного разбирательства. Поэтому ст. 41 ГПК РФ регламентирует порядок замены в процессе ненадлежащего ответчика. Замена, согласно положениям названной статьи, возможна при подготовке дела или во время его разбирательства, т.е. уже тогда, когда сторона как статус существует. Необходимым условием замены ненадлежащего ответчика является согласие на это истца. В случае, если согласие не получено, суд должен рассмотреть дело по предъявленному иску. Отметим также, что после замены ненадлежащего ответчика надлежащим подготовка и рассмотрение дела производятся с самого начала.

Кроме того, замена стороны в процессе возможна и в результате правопреемства. Статья 44 ГПК РФ «Процессуальное правопреемство» устанавливает, что в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Следовательно, основанием процессуального правопреемства является правопреемство в материальном правоотношении. Нужно отметить, что, в отличие от гражданского права, процессуальное правопреемство всегда имеет универсальный характер, сингулярное правопреемство в процессе невозможно. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства. Закон

установил, что все действия, совершенные до вступления правопреемника в процесс, обязательны для него в той мере, в какой они были бы обязательны для лица, которое правопреемник заменил (ч. 2 ст. 44 ГПК РФ).

Продолжая рассуждения о признаках сторон, отметим, что именно стороны персонифицируют процесс. Надо сказать, что ученые достаточно часто указывают на этот признак. В момент обращения к суду последнему достаточно сложно точно определить действительного правообладателя, поэтому судья исходит из предположения, что лицо, подающее заявление в суд, имеет правовой статус либо представителя (законного, договорного, государственного), либо непосредственного правообладателя. Процесс возбуждается в целях защиты прав и законных интересов именно правообладателя. Исключение из данного правила – рассмотренный нами выше случай «сложносочиненной стороны», когда правовой статус стороны составляют, по сути, два юридических субъекта, один из которых – правообладатель, другой – процессуальный правообладатель.

К признакам сторон относится и обязательность для них вступившего в законную силу решения суда со всеми процессуальными и материально-правовыми последствиями. Иными словами, судебное решение имеет для сторон силу закона. Отметим, что выделение данного признака в качестве свойства сторон искового процесса нам представляется спорным по той причине, что обязательность вступившего в законную силу судебного решения распространяется не только на стороны, но и на всех прочих лиц, вступивших в правоотношения с истцом или ответчиком. В этом состоит свойство обязательности судебного решения.

Стороны характеризуются также тем, что они выступают в процессе от своего имени, а также несут судебные расходы по делу.

Между тем перечисленные признаки, на наш взгляд, не могут считаться определяющими в силу того, что и другие участники гражданского судопроизводства выступают в процессе от своего имени, а из правила распределения судебных расходов существуют исключения. Говорить же о признаках какого-либо явления

имеет смысл лишь тогда, когда свойство указанного явления, определяемое как его признак, присуще исключительно данному явлению. Как мы показали в настоящем параграфе, таким признаком сторон искового производства (а также третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора) является их юридическая заинтересованность.

Таким образом, рассмотренные вопросы позволили нам сделать вывод о том, что юридическая заинтересованность в деле является основным исключительным признаком, характеризующим правовой статус сторон в гражданском процессе, присущим как истцу, так и ответчику. Поэтому представляется целесообразным внести в п. 1 ст. 131 ГПК РФ требование указать в исковом заявлении, в чем заключается материально-правовая заинтересованность заявителя. Процессуальная заинтересованность в разрешении дела не может быть заранее обоснована и презюмируется как в отношении истца, так и в отношении ответчика. Если в процессе судебного разбирательства суд придет к выводу о том, что одна из сторон не заинтересована в деле процессуально, в иске следует отказывать, либо решать дело заочно согласно положениям гл. 22 ГПК РФ. По нашему мнению, «сторона в процессе» – это не конкретное физическое или юридическое лицо, а категория, статус, роль, представлять которую может численно неограниченный круг физических и юридических лиц. В связи с этим, касаясь вопроса о праве субъектов, указанных в ст. 45, 46 ГПК РФ, обращаться в суд за защитой прав других лиц, полагаем, что ГПК РФ, предусматривая право прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан обращаться в суд с требованием о защите прав, свобод и законных интересов других лиц, в ряде случаев презюмирует возникновение гражданских процессуальных правоотношений со «сложносочиненной стороной», представляющей собой симбиоз двух лиц: материально и процессуально заинтересованного («выгодоприобретатель») и процессуально заинтересованного («процессуальный истец»). Полагаем, что «сторона» (как категория) в процессе одна, но представлена двумя самостоятельными субъектами с самостоятельными интересами.

Вопросы для самопроверки

1. Объясните природу термина «законный интерес». Существует ли его легальное определение? В чем различие между субъективным правом и законным интересом?
2. Тожественны ли понятия «юридическая заинтересованность» и «законный интерес»?
3. Назовите виды заинтересованности в деле.
4. Может ли сторона в процессе иметь исключительно процессуально-правовую заинтересованность в деле?
5. Что такое соучастие в гражданском процессе? Какие виды соучастия вы знаете? Что является основаниями соучастия?
6. Объясните сущность термина «процессуальный истец». Можно ли использовать данный термин, характеризуя правовое положение прокурора, участвующего в гражданском деле?

Примечания

¹ М.С. Шакарян правильно указывает, что внутренне согласованное процессуальное и связанное с ним материальное законодательство следует трактовать как объективные предпосылки доступности и эффективности правосудия. См.: Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 31 января – 1 февраля 2001 г. М.: Лиджист, 2001. С. 61.

² Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1981. С. 172.

³ Рожкова М. Защита законного интереса в арбитражном суде // Хозяйство и право. 2001. №6.

⁴ Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 9-10.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 293.

⁶ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб., 1911. С. 377.

⁷ Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 17-18.

⁸ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 20.

⁹ Грибанов В.П., Ем В.С. Гражданские правовые обязанности: содержание и факторы, его определяющие // Вестник МГУ. Серия № 11. Право. 1984. С. 240-241.

¹⁰ Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. №1. С. 31.

¹¹ Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. №4 (223). С. 67.

¹² Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Юрист, 2002. С. 377.

¹³ Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Вкут М.А. Стороны - основные лица искового производства. Саратов, 1968. С.8.

¹⁶ Там же. С.9.

¹⁷ Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. С. 17-18.

¹⁸ Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 224-225.

²⁰ Там же. С. 225-226.

²¹ См. по этому вопросу: Михайлова Е.В. Процессуальное соучастие в гражданском процессе РФ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Выпуск 31. Тольятти, 2003.

²² Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М., 1952. С. 98.

²³ Советское гражданское процессуальное право / Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1956. С. 73.

²⁴ Абова Т. Е. Соучастие в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 7; Советское гражданское процессуальное право / Под ред. М.А. Гурвича. М.: Высшая школа, 1964. С. 81.

²⁵ Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. С. 141.

²⁶ Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. С. 143.

²⁷ Ярков В.В. Гражданский процесс. М., 2001. С. 70.

²⁸ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 282-283.

²⁹ Советское гражданское процессуальное право / Под ред. К.С. Юдельсона. С. 76.

³⁰ Пелевин С.М. Участники гражданского процесса и проект нового ГПК РФ // Правоведение. 1994. № 4. С. 105.

³¹ Подробнее о формах участия прокурора в гражданском процессе РФ см. ст. 45 ГПК РФ и Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 27 января 2003 года № 8-15-2003.

³² Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.; Екатеринбург: НОРМА, 1999. С. 138.

³³ Ференс-Сороцкий А.А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 1992. № 4 / Интернет: <http://pravoved.jurfak.spb.ru/default.asp?cnt=349>.

³⁴ Там же.

³⁵ Бахарева О.А. Субъекты, защищающие от своего имени права других лиц в гражданском судопроизводстве (на примере участия органов местного самоуправления): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 34.

³⁶ Там же. С. 35.

³⁷ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-61/01.

³⁸ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. С. 138.

³⁹ См. по этому вопросу: Михайлова Е.В. К вопросу о понятии стороны в исковом судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Выпуск 32. Тольятти, 2003. Отметим также, что в современной юридической литературе термин «процессуальный истец» весьма широко используется (см., например, работы Г.Л. Осокиной, М.С. Шакарян).

⁴⁰ Пелевин С.М. Участники гражданского процесса и проект нового ГПК РФ // Правоведение. 1994. № 4.

⁴¹ См., например: Курылев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. С. 13, Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 445; Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 98.

⁴² Гражданский процесс / Под ред. доц. С. Н. Абрамова. М., 1948. С. 127; Строгович М.С. О системе науки процессуального права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 66 – 67.

⁴³ Подробнее по этому вопросу см.: Михайлова Е.В. К вопросу о понятии стороны в исковом судопроизводстве.

⁴⁴ Бахарева О.А. Субъекты, защищающие от своего имени права других лиц в гражданском судопроизводстве (на примере участия органов местного самоуправления): Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 27-28.

⁴⁵ Вкут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999. С. 62-63 (автор – М. А. Вкут).

⁴⁶ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. С. 141.

Тема 3.

Признаки сторон в производстве по делам, возника- ющим из публичных правоотношений

Не только исковое производство характеризуется наличием определенного правового конфликта и двух противоборствующих позиций. Подобная ситуация имеет место и в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений. Однако насколько пра-

вильно будет говорить об участниках указанного процесса как о сторонах в том смысле, в каком мы употребляем эту категорию применительно к исковому производству?

Многие авторы отмечают спорный характер производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Например, Д.М. Чечот говорит о спорности как о существенном признаке данного вида судопроизводства: «существенным признаком производства по делам, возникающим из административных правоотношений, является его спорный характер»¹. Аргументация проста: «Судебные органы всегда рассматривались как органы «спорной» юрисдикции»². В то же время ученый признает, что «характер материально-правового притязания, содержащегося в жалобе, отличается от характера гражданско-правового притязания, входящего в содержание иска. Все это определенным образом влияет на существенные процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел, что в конечном счете ведет к выделению дел, возникающих из административных правоотношений, в отдельный (отличный от искового) вид гражданского судопроизводства»³. Отметим, что такого же мнения придерживаются А.Т. Боннер⁴, А.А. Добровольский и С.А. Иванова⁵, М.С. Шакарян⁶ и др.

Но не все ученые полагают производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, спорным⁷.

Впрочем, нет единства в мнениях и среди тех авторов, кто все-таки признает тот факт, что в производстве из публичных правоотношений наличествует спор о праве. Одни ученые склонны рассматривать спорность производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в качестве весомого аргумента

в пользу мнения о ярко выраженном искомом характере данного вида гражданского процесса⁸, тогда как другие предпочитают говорить о его самостоятельном характере в виду специфичности предмета судебной защиты и, как следствие, определенных процессуальных особенностей⁹.

Необходимо отметить, что те ученые, которые отрицают наличие спора о праве в производстве по делам, возникающим из публично-правовых отношений, могут ссылаться на положение п. 3 ст. 247 ГПК РФ, которое гласит: в случае, если при подаче заявления в суд будет установлено, что имеет место спор о праве, подведомственный суду, судья оставляет заявление без движения и разъясняет заявителю необходимость оформления искового заявления. Однако существует следующая судебная практика.

С. обратилась в суд с жалобой на решение аттестационной комиссии УВД Тверской области, которым она была признана не соответствующей занимаемой должности и подлежащей увольнению из органов внутренних дел после проверки деятельности паспортно-визовой службы Кимрского ГОВД, начальником которого она работала. Кимрский городской суд Тверской области 22 марта 1999 года жалобу С. оставил без рассмотрения. При этом суд сослался на то, что имеется спор о праве, который подлежит рассмотрению в порядке искового производства в суде по месту нахождения ответчика. Данное заключение сделано на основе объяснений заявительницы в судебном заседании о несогласии с приказом об увольнении и намерении его обжаловать. Однако С. отказалась от оформления искового заявления и просила суд рассмотреть ее требования в том виде, в каком они заявлены. Судебная коллегия по гражданским делам Тверского областного суда решение оставила без изменения. Президиум Тверского областного суда оставил без удовлетворения протест прокурора области. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных постановлений в связи с существенным нарушением норм процессуального права и неприменением норм материального права, подлежащих применению. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ своим опреде-

лением постановила: данное дело относится к числу дел, возникающих из административно-правовых отношений и должно было рассматриваться по правилам, установленным по данной категории дел, при таких обстоятельствах суд был обязан рассмотреть жалобу по существу, не нарушая конституционного права заявительницы на судебную защиту. Таким образом, в определении прямо указывается, что в том случае, если заявитель откажется оформлять свои требования как исковые, суд не вправе оставить жалобу без рассмотрения¹⁰.

Очевидно, что судебная практика полагает правильным в некоторых ситуациях споры, подведомственные исковому производству, разрешать в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. В таком случае возникает вопрос о целесообразности выделения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в качестве самостоятельного вида гражданского процесса. Данный судебный акт можно рассматривать как один из аргументов в пользу мнения о том, что производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений, как минимум, является разновидностью искового процесса и, как максимум, самим исковым процессом. Представляется, что судебная практика может служить лишь основанием для решения вопроса о необходимости научного исследования возникающих в судебной деятельности проблем.

А обращаясь к конкретной судебной практике, отметим, что практические работники и судьи, сталкиваясь с производством по делам, возникающим из публичных правоотношений, в своей профессиональной деятельности используют одновременно термины «исковое заявление», «жалоба», «заявление». В частности, в деле по заявлению И.А. Коровина об отмене решения окружной избирательной комиссии по регистрации кандидата Г.С. Лиманского фигурирует «заявление», которое в судебном решении именуется «жалобой»¹¹.

В деле по заявлению Н.А. Бобровой, С.С. Асадуллиной об оспаривании решения Избирательной комиссии Самарской области № 129-11 от 30.11.01 г. фигурирует «исковое заявление», именуемое в судебном решении «жалобой»¹².

В деле по жалобе Е.А. Добриковой на решение ОИК Чапаевского избирательного округа № 20 от 5.12.01 г. рассматривается спор между «истцом» (Е.А. Добриковой) и «ответчиком» (ОИК Чапаевского избирательного округа)¹³.

В рассмотренном Самарским областным судом гражданском деле по заявлению А.П. Карасева об оспаривании решения избирательной комиссии Самарской области от 13.11.01 г. используются термины: «исковое заявление», основные лица — соответственно «истец» и «ответчик»¹⁴. Это, как показал анализ судебной практики Самарского областного суда, не единственный случай. Например, в деле по жалобе Н.А. Бобровой, О.И. Кузьминой, Н.Ф. Мусаткина об оспаривании решения избирательной комиссии Самарской области от 27 ноября 2001 г. № 128-11, наличествуют «истец» и «ответчик»¹⁵.

К материалам дела по заявлению С.П. Никологорского, В.В. Белова, В.В. Полева к Самарской губернской Думе, Избирательной комиссии Самарской области о назначении даты выборов депутата Самарской губернской Думы по Советскому избирательному округу № 3 приобщено «исковое заявление», заявители именуются «истцами», а Самарская губернская Дума и Избирательная комиссия Самарской области — «ответчиками». При этом рассмотрение дела по существу было прекращено «в связи с отказом заявителей от своих требований»¹⁶. Аналогичная ситуация имеет место в ряде других рассмотренных гражданских дел¹⁷.

Как видно, судебная практика страдает от повсеместной «терминологической путаницы», судьи в основном склонны определять природу дел, возникающих из административно-правовых и иных публичных правоотношений, как исковую, соответственно этому процессуальные документы имеют ярко выраженный исковой характер.

На наш взгляд, процессуальным средством защиты права в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, может являться иск как универсальное понятие, означающее требование о защите нарушенного или оспариваемого права, обращенное к суду. Но для этого необходимо четкое решение законодателя¹⁸.

Вследствие отмеченной близости правовой природы искового производства и производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, можно именовать лиц, участвующих в деле, сторонами.

По аналогии с исковым производством стороны производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, есть предполагаемые участники спорного правоотношения.

Л.В. Туманова верно замечает, что публичные правоотношения «не могут быть сведены только к собственно властным отношениям»¹⁹. К предмету регулирования публичного права она относит следующие объекты: устройство и функционирование государства и его институтов, институты гражданского общества, механизм и уровни самоуправления, основы правовой системы, правотворчества и правоприменения, принципы, нормы и институты межгосударственных отношений и международных организаций²⁰. Следует согласиться с тем, что «часть предметов регулирования публичным правом относится к его исключительной сфере, поскольку она охватывает преимущественно властеотношения как ядро правоотношений, другая часть предметов является как бы смежной, пронизывая все отрасли частного права»²¹.

Ю.Н. Стариков выделяет следующие основные признаки административно-правовых отношений: 1) они возникают в процессе государственного (публичного) управления (или в сфере государственного управления); 2) имеют в качестве обязательного субъекта орган государственного управления (или орган исполнительной власти), т.е. постоянным участником административно-правовых отношений является официальный и полномочный субъект государственного управления (субъект исполнительной власти), представляющий публично-правовой интерес, действующий от имени государства и реализующий свою управленческую компетенцию; 3) в некоторых случаях эти отношения могут быть горизонтального типа, например, административно — договорные отношения; 4) являются отношениями власти — подчинения и характеризуются юридическим неравенством сторон; 5) возникают для решения задач и осуществления функций управления

с целью удовлетворения публичных или индивидуальных интересов по инициативе любого из субъектов этих отношений; 6) являются организующим началом, формой воздействия государственного управления на соответствующие объекты управления; 7) имеют особый правовой режим обеспечения законности и правовой защиты²².

На наш взгляд, с учетом того, что в соответствии с ГПК РФ речь идет не об административно-правовых, а о публично-правовых отношениях, последние можно определить как правоотношения, возникающие между гражданином, с одной стороны, и государственным органом, с другой.

Выше мы установили, что основной предпосылкой права на предъявление иска является заинтересованность заявителя, следовательно, юридический интерес к делу, или заинтересованность в деле, есть тот существенный признак, или свойство, сторон искового производства, который позволяет говорить об их специфичности. Мы выделяли материально-правовую и процессуально-правовую заинтересованность сторон, указывая, что именно совокупное наличие этих самостоятельных интересов характерно для сторон искового процесса. Представляется, что решение вопроса о характере заинтересованности сторон производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, имеет первостепенную важность, так как позволит определить их правовой статус в сравнении с правовым статусом сторон искового производства.

Тот факт, что основными участниками производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, являются стороны, сомнению не подлежит на том основании, что, как это признается абсолютным большинством ученых, в таких делах наличествует спор о праве. Проблема же определения характера заинтересованности их в деле не является столь однозначной.

Процессуально-правовая заинтересованность в деле, рассматриваемая нами как ожидание вынесения судом первой инстанции подтверждающего либо опровергающего спорные правомочия заявителя судебного решения, свойственна любому обращающемуся

ся к суду лицу. Так как проверить ее наличие в реальности не представляется возможным (действительно, судья не может твердо знать, желает ли в самом деле заявитель вынесения судебного решения, или, быть может, рассчитывает выиграть у ответчика время, создать для него стрессовую ситуацию и проч.), то ее наличие презюмируется в момент обращения с иском заявлением к суду. Таким образом, заявитель по делам, возникающим из публично-правовых отношений, является лицом, процессуально заинтересованным в деле.

Процессуально-правовая заинтересованность ответчика презюмируется, если он не признает иск, то есть желает, в свою очередь, вынесения судом отрицательного решения, либо признает искомые требования, но суд не утверждает данное процессуальное действие на основании положения п. 2 ст. 39 ГПК РФ. Таким образом, процессуальная заинтересованность «ответчика» по делам, возникающим из публичных правоотношений (государственного органа), определяется аналогичным образом.

Материально-правовая заинтересованность в деле понимается нами как ожидание заявителем определенного материально-правового результата, или блага. Она заключается в том, что исполненное судебное решение позволит истцу приобрести некую материальную выгоду. Е.А. Трещева и Е.В. Меденцева справедливо указывают: «Стороны и третьи лица свои действия в процессе направляют к достижению «выгоды» - определенных материально-правовых последствий (истец, например, ожидает удовлетворения своих требований: получения, в конечном итоге, имущества, денег либо выполнения в свою пользу действий ответчиком)»²³.

В делах публично-правового характера материально-правовая заинтересованность в деле, понимаемая таким образом, на первый взгляд, отсутствует. Вместе с тем, имеет смысл проанализировать ситуацию публичного спора. Перечень дел, подлежащих рассмотрению и разрешению в порядке судебного производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, является открытым, так как ст. 245 ГПК РФ относит к ним и «иные дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные фе-

деральным законом к ведению суда». Таким образом, не все публичные споры подведомственны суду, а лишь те из них, которые прямо отнесены к судебной юрисдикции. Тем не менее, перечень, приведенный в ст. 245 ГПК РФ, не закрыт, что позволяет говорить о возможности рассмотрения судами общей юрисдикции более широкого, нежели очерченный в рассматриваемой статье, круга публичных споров. В этом контексте отметим следующее. Статья 245 ГПК РФ, на наш взгляд, по своей конструкции такова, что не позволяет определить основные признаки публично-правового спора. Представляется, что существует настоятельная необходимость совершенствования данной нормы таким образом, чтобы, имея общий характер, данное положение давало исчерпывающую характеристику публично-правовых отношений.

Проанализируем каждую правовую ситуацию конфликта (спора), которая, согласно ст. 245 ГПК РФ, может стать основанием для возбуждения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений.

1. Гражданин, обращаясь в суд с заявлением об оспаривании нормативно-правового акта, требует судебного признания его не соответствующим закону. Очевидно, что действует он не спонтанно, что имеется определенная причина такого обращения в суд. Нельзя не признать, что, находясь в сфере действия оспариваемого нормативного правового акта, гражданин претерпевает некие неблагоприятные материально-правовые последствия такого действия. Следовательно, если он добьется признания этого нормативно-правового акта не соответствующим требованиям закона, он сможет рассчитывать на получение той материально-правовой выгоды, которой он лишился в период действия оспариваемого акта. Допустим, неким нормативно-правовым актом запрещено занятие тем видом предпринимательской деятельности, которым гражданин успешно занимался до принятия такого акта. Безусловно, вступление в силу этого правового предписания лишает гражданина не только собственно права заниматься данным видом деятельности, но и, как следствие этого, определенного дохода, прибыли, извлекаемой им ранее из запрещенной теперь дея-

тельности. Добившись же признания данного нормативного правового акта не соответствующим закону, гражданин получит возможность вновь заниматься приносящей ему материальный доход деятельностью. Помимо этого, он избегает ответственности, которую неизбежно понес бы в результате осуществления запрещенной законом деятельности.

2. Обжалуя в суд решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, гражданине также материально заинтересованы в исходе дела, причем по тем же основаниям, что и в первом рассмотренном нами случае.

3. Подавая в суд заявление о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, гражданин, как представляется, не ищет материальной выгоды, он действует, защищая свои политические права. Однако можно предполагать, что и в данном случае путем «продвижения» определенных кандидатов и политических партий гражданин рассчитывает в дальнейшем на получение тех или иных материальных благ посредством реализации соответствующих политических программ, изданных нормативно-правовых актов и т. п. Будет неверно полагать, что в основе реализации избирательного права лежит исключительно расчет на получение материальной прибыли, так как, помимо имущественных интересов, публичное право обеспечивает гарантию соблюдения неимущественных, публичных интересов, берущих свое начало в стремлении каждого жить в свободном, просвещенном и демократическом обществе, но тем не менее нельзя не признать, что политический строй, как показывает мировая история, обуславливает строй экономический, а значит, определяет материальный уровень жизни каждого члена общества.

Что касается юридической заинтересованности в деле «ответчика», т. е. государственного органа, то в большинстве случаев она имеет процессуальный характер, однако по делам о взыскании убытков, причиненных действиями (бездействиями) государственных органов, налицо материально-правовая заинтересованность.

Таким образом, как и в исковом производстве, заявитель в производстве по делам, возникающим из публичных правоотноше-

ний, имеет материально-правовую заинтересованность в исходе дела. Однако в ряде случаев заинтересованность в деле «ответчика» носит процессуальный характер, что тем не менее не дает основания говорить об определенной специфике данного производства. Это мнение обосновывается нами тем, что, как мы указывали выше, сторона в гражданском процессе — есть роль, или категория, воплощать которую в правовой действительности может неограниченное число субъектов права. В случае, когда заинтересованность в деле «ответчика» (органа государственной власти) имеет лишь процессуальный характер, материально-правовая заинтересованность, необходимая для утверждения статуса стороны в процессе, свойственна государству в целом.

Таким образом, юридическая заинтересованность сторон производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, по нашему мнению, идентична юридической заинтересованности сторон искового производства.

Результатом судебной деятельности в таких делах выступает, во-первых, вынесение правосудного судебного решения и, во-вторых, защита публичных прав и интересов граждан Российской Федерации, причем последнее обусловлено известной спецификой публичных (т.е. общих для всех) интересов.

Особенность правового статуса сторон в рассматриваемом виде производства связана с тем, что в заявлении, подаваемом в суд, должно быть указано, какие решения, действия (бездействие) должны быть признаны незаконными, какие права и свободы лица нарушены этими решениями, действиями (бездействием) (п. 1 ст. 247 ГПК РФ). Иными словами, заявитель обязан легитимировать то административно-правовое (публичное) правоотношение, которое он заявляет в качестве предмета спора для того, чтобы суд мог определить предмет разбирательства.

Государственные органы выступают главным носителем функций государства, поэтому нелишне еще раз подчеркнуть их особое положение перед судом²⁴. Для этого необходимо выявить признаки, которые присущи органу исполнительной власти. Ю.Н. Старилов полагает, что, во-первых, орган является органичной час-

тью единой системы органов исполнительной власти, причем пределы единства определяются масштабами либо Федерации, либо ее субъекта; во-вторых, исполнительный орган обладает своим статусом; в-третьих, орган исполнительной власти действует от имени государства и выражает его обязательные повеления; в-четвертых, он наделен компетенцией и властными полномочиями, необходимыми для выполнения возложенных на него задач. Орган исполнительной власти является подзаконным органом, ориентированным на деятельность на основе и во исполнение закона. Дело здесь не только в правовой субординации, но и в самом характере постоянно осуществляемой специализированной деятельности. Кроме того, орган исполнительной власти действует на основе профессионализма и принципов государственной службы. Его персонал составляют государственные служащие, занимающие должности и выполняющие свои функции в соответствии с законодательством о государственной службе. Орган исполнительной власти является структурно организованным, в нем есть штатное расписание. Имеется необходимое материальное, финансовое и иное обеспечение органа (помещения, оргтехника, связь, транспорт и т. п.). Следует иметь в виду, что все названные свойства органа исполнительной власти связаны между собой²⁵.

Ю.А. Тихомиров также отмечает вышеуказанные признаки органа исполнительной власти: он является органичной частью единой системы органов исполнительной власти; обладает своим статусом; действует от имени государства и выражает его обязательные повеления; наделен компетенцией и властными полномочиями, необходимыми для выполнения возложенных на него задач; является подзаконным органом, ориентированным на деятельность на основе и во исполнение закона; действует на основе профессионализма и принципов государственной службы; является структурно организованным, в нем есть штатное расписание. Имеется необходимое материальное, финансовое и иное обеспечение органа. Все названные свойства органа исполнительной власти связаны между собой²⁶.

Как мы уже подчеркивали, в соответствии с положениями ст. 245 ГПК РФ граждане могут вступать в судебные споры не толь-

ко с органами исполнительной власти, но и с органами законодательной власти. Поэтому в таких случаях публичные правоотношения можно именовать государственно-правовыми отношениями.

Ю.К. Краснов указывает, что государственно-правовые отношения представляют собой определенный вид общественных отношений. Это общественные отношения, урегулированные нормами государственного права или возникшие на их основе, индивидуализированные общественные связи между субъектами государственного права. Содержанием этих отношений является социальное поведение (деятельность) субъектов государственного права, обеспечиваемое и направляемое государством путем определения их конкретных прав и обязанностей. Специфика государственно-правовых отношений состоит в том, что большинство из них не содержит поименной индивидуализации субъектов права, что индивидуализация связи между субъектами права выражается в определенной всеобщности прав и обязанностей, т.е. субъектами данных отношений провозглашаются все субъекты государственного права или вся определенная их группа²⁷.

Следует признать правильным мнение о том, что государство в собственном смысле слова - это политическая организация, которая функционирует для охраны естественных прав человека и сама действует на основе права, обеспечивая безопасность создавшего его народа²⁸. Однако государство вступает в правоотношения с гражданами в лице своих органов. Таким образом, необходимо определить понятие «государственный орган».

М.И. Байтин правильно пишет, что «не всякие государственные организации и учреждения могут рассматриваться в качестве государственного органа. Орган государства — это часть государственного механизма, его основная ячейка, имеющая специфические признаки»²⁹. Он выделяет следующие признаки государственного органа: он наделен государственно-властными полномочиями, т.е. юридически закрепленными полномочиями осуществлять государственную власть, принимать от имени государства юридически значимые решения и обеспечивать их реализацию; государственный орган как часть механизма государства обладает

определенной экономической и организационной обособленностью и самостоятельностью; каждый государственный орган выполняет свойственные ему функции соответственно его компетенции, роли и места в механизме государства; для выполнения своих функций государственные органы располагают необходимыми материальными средствами; физическим воплощением государственного органа являются люди – государственные служащие³⁰.

Поэтому М.И. Байтин делает следующий вывод: «Орган государства – это юридически оформленная, организационно и хозяйственно обособленная часть государственного механизма, состоящая из государственных служащих, наделенная государственно-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для осуществления в пределах своей компетенции задач и функций государства»³¹. С этим мнением можно согласиться.

Гражданин – это второй из участников производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Следует отметить следующее. Характеризуя публично-правовые отношения как властеотношения и указывая на доминирующее значение этого признака, предопределенного важнейшими приоритетами государственно-управленческой деятельности, Ю.М. Козлов справедливо предупреждает о недопустимости низведения этих отношений до отношений, основанных исключительно на государственном принуждении³². Поэтому правовое положение гражданина как участника процесса по таким делам, определяемое через призму субъекта гражданского процессуального правоотношения, идентично правовому положению стороны в исковом производстве, характеристику которой мы дали выше.

Государственное принуждение, отношения власти и подчинения, публичный характер материально-правовых отношений как бы теряют свое доминирующее значение как только возникает судебный процесс. В гражданских процессуальных правоотношениях субъектами являются суд и другие участники процесса, выполняющие, или «играющие» определенную «процессуальную роль». Схема взаимоотношений гражданина и государственного органа здесь утрачивает «вертикальный характер», т.к. оба субъекта имеют определенные права

и обязанности только перед судом. Указанные «вертикальные правоотношения» в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, являются предметом судебного исследования и, на наш взгляд, не влияют на процессуальное равенство сторон в гражданском процессе. Поэтому стороны производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, действуют в процессе в соответствии с общими принципами искового производства.

Вопросы для самопроверки

1. Дайте определение понятию «вид гражданского судопроизводства».
2. Предложите критерии классификации гражданского судопроизводства на виды.
3. Как вы понимаете правовую природу публично-правовых отношений?
4. Имеется ли заинтересованность в деле у участников производства по делам, возникающим из публичных правоотношений?
5. Что такое государственный орган? Какие признаки его характеризуют?

Примечания

¹ Чечот Д. М. Неисковые производства. М., 1973. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 5-6.

⁴ См.: Боннер А.Т. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений: Автореф. ... канд. юрид. наук М., 1966. С. 9, 10, 12.

⁵ По мнению А.А. Добровольского и С.А. Ивановой, «в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, суд также разрешает спор о праве, но о праве не гражданском, а административном... Поскольку в этих делах имеется спор о праве и имеются две стороны с противоположными интересами, то... это производство должно рассматриваться как исковое, осуществляемое с определенными процессуальными особенностями, которые обуславливаются характером спорного административно-правового отношения» (см.: Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 134-135).

⁶ М.С. Шакарян указывала, что в подобном споре есть стороны: гражданин (жалобщик, заявитель) и административный орган. И поскольку в этих делах суд разрешает спор между субъектами административного правоотношения, едва ли могут быть какие-либо серьезные возражения против того, чтобы административный орган именовался ответчиком по делу, так как он привлекается к ответу по заявлению или жалобе заинтересованного лица (жалобщика, заявителя) (см.: Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 124).

⁷ Например, С.Н. Абрамов полагал, что в делах о неправильностях в списках избирателей, о недоимках и штрафах отсутствует спор о праве, предметом судебного рассмотрения является проверка законности действий государственных органов (см.: Абрамов С.Н. В советском праве не может быть административного иска // Социалистическая законность. 1947. № 3). М. Масленников хотя и признает, что в производстве по жалобам тоже существует юридический спор, не урегулированный законом, но тем не менее подчеркивает, что этот спор может иметь место «только в тех случаях, когда закон неправильно применен к конкретному гражданину и для разрешения этого спора не требуется доказательств, доказывания и оценки доказательств, а необходимо только правильное понимание и применение закона к конкретному гражданину» (см.: Масленников М. Можно ли считать жалобу административным иском // Российская юстиция. 1998. № 5).

⁸ По мнению А.А. Мельникова, лица, участвующие в административных делах, являются сторонами в процессе, обладают правами и несут обязанности истцов и ответчиков за изъятиями, установленными законом (см.: Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. С. 180 – 181). В.А. Кирсанов отмечает: «С нашей точки зрения, основным признаком существования в деле спора является наличие двух заинтересованных в исходе дела сторон с противоположными обоснованными мнениями, высказываемыми в процессе судебного разбирательства по вопросу о существовании или отсутствии у одной из них определенного права. При этом каждая из сторон выдвигает и предоставляет суду аргументы в защиту своего мнения. Именно такая ситуация существует при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публично-правовых отношений» (см.: Кирсанов В.А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 83-84). В.М. Савицкий придерживается такого же мнения: «Общепризнано, что стороны участвуют в искомом производстве. Однако высказана обоснованная, на наш взгляд, точка зрения, что и в производстве по делам, возникающим из административных правоотношений, их участники являются сторонами» (см.: Права человека: Учебник для вузов / Под ред. Е.А. Лукашевой. М.: Изд-во «НОРМА» 2003. С. 360 (автор главы – В.М. Савицкий)). А.В. Юдин прямо указывает: «Производство, возникающее из административно-правовых и иных публичных правоотношений ... по своей

правовой природе является разновидностью искового производства и выделяется ... в самостоятельный раздел кодекса из соображений практической целесообразности» (см.: Юдин А.В. Виды судопроизводств в арбитражном процессе. Самара, 2002. С. 63). И.В. Решетникова и В.В. Ярков пишут: «В производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, как и в исковом, также имеется спор, и, следовательно, стороны с противоположными юридическими интересами, независимо от их современного наименования. Эти стороны пользуются равными процессуальными правами, процессуальные действия в ходе судопроизводства и доказывание осуществляются в целом по общему регламенту. Само исковое производство также никогда не отличалось «юридической чистотой», т. к. в нем рассматривается немало споров, связанных с оспариванием актов органов исполнительной власти и местного самоуправления, являющихся основанием для динамики гражданских правоотношений» (см.: Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург; М.: НОРМА, 1999. С. 184 (автор главы — В. В. Ярков)). И. Зайцев предлагает рассматривать требования административно-правового характера в исковом порядке, поскольку в административно-правовых отношениях возникает спор о праве, а иски всегда неразрывно связаны с таким спором (см.: Зайцев И. Административные иски // Российская юстиция. 1996. № 4). В. Тупиков полагает, что дела по административным спорам в вопросах доказывания и оценки доказательств не имеют существенных отличий от исковых. Он также указывает, что многие обращения в суд, содержащие жалобу на орган управления, подаются в форме исковых заявлений. Более того, суды не только принимают такие заявления, но и рассматривают их по существу в порядке искового производства, хотя в своем решении такие «иски» именуют жалобами либо заявлениями (см.: Тупиков В. Природа дел, возникающих из административно-правовых отношений // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 18-20).

⁹ Ю.А. Попова отмечает: «По делам, возникающим из публично-правовых отношений, суд...не рассматривает спор о субъективном материальном праве». Она указывает на известную специфику того правового интереса, который подлежит защите в суде в порядке производства из публично-правовых отношений: «Этот интерес можно рассматривать в широком и узком смысле, но его наличие у заявителя — обязательное условие судебной подведомственности». Ю.А. Попова пишет: «Поскольку по делам по спорам граждан с органами публичной власти и их должностными лицами не рассматривается спор о праве материальном, это сближает указанное производство с делами особого производства. Поэтому будет правильным и основных субъектов спора именовать так же, как и в особом производстве: заявитель и заинтересованные лица. Заявитель должен обладать следующими признаками: 1) это лицо, в чьих интересах возбуждается процесс; 2) это носитель юридического интереса, подлежащего судебной защите; 3) это лицо, чьи права и свободы предполагаются нарушенными» (см.: Попова Ю. А. Проблемы совершенствования отдельных институ-

тов гражданско-процессуального права в производстве по делам из публично – правовых отношений // Государство и право на рубеже веков: Материалы всероссийской конференции. М. 2001. С. 212, 215). Е.А. Трещева указывает: «Важно то, что во время рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений, суд имеет дело с особым предметом: спорные материально-правовые отношения по этим делам – отношения власти и подчинения. В делах этой категории суд должен установить законность или незаконность действий государственных (или иных) органов, выяснить, соответствуют ли совершенные действия компетенции этих органов ... Думается, не вызывает сомнений тот факт, что при разрешении ... судом дел этой категории между сторонами нет и не может быть гражданско-правового спора. Здесь мы имеем дело с особыми, административными отношениями, в которых стороны находятся в явно неравном положении» (см.: Трещева Е.А. Виды дел, разрешаемых арбитражными судами: Проблема разделения арбитражного процесса на виды судопроизводств // Правовые проблемы регулирования предпринимательской деятельности на современном этапе: Сб. научных статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 102-103).

¹⁰ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.10.2000. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. №5. С. 2. // Судебная практика по гражданским делам / Сост. Е.Н. Романенкова. М., 2004. С. 511.

¹¹ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-165/01.

¹² Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-160/01.

¹³ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-166/01.

¹⁴ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-161/01.

¹⁵ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-162/01.

¹⁶ Дело, рассмотренное Самарским областным судом, № 03-21/04.

¹⁷ Дела, рассмотренные Самарским областным судом, № 03-164/01, 03-35/01, 03-84/01 и др.

¹⁸ Отметим, что в юридической литературе неоднократно высказывалась идея о необходимости специализации судей по рассмотрению дел, возникающих из публичных правоотношений. Н.Ю. Хаманева, Н.Г. Салищева, например, указывают, что «естественным продолжением укрепления судебной власти как третьей власти в государстве было бы учреждение системы административных судов. Она может быть скопирована, например, с системы построения судов общей юрисдикции» (см.: Хаманева Н. Ю., Салищева Н. Г. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. М., 2001. С. 37-38).

¹⁹ Туманова Л.В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 19.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же.

²² Стариков Ю.Н. Административная юстиция. М.: НОРМА, 2001. С. 32 – 34.

²³ Трещева Е.А., Меденцева Е.В. Новый Арбитражный Процессуальный кодекс РФ о представителях сторон в исковом производстве // Юридический аналитический журнал. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. № 2(3). С. 72.

²⁴ Ранее, определяя концептуальный подход к понятию сторон как участников гражданского процесса РФ в делах искового производства, мы установили, что определить правовой статус сторон невозможно без определения их признаков как субъектов гражданских процессуальных правоотношений с судом. Поэтому и в данном случае считаем необходимым подчеркнуть данное обстоятельство.

²⁵ Старилов Ю.Н. Административная юстиция. М.: НОРМА, 2001. С. 155 – 156.

²⁶ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 205-206.

²⁷ Краснов Ю.К. Государственное право России: Учебное пособие. М.: Юрист. 2002. С. 29.

²⁸ Абдулаев М.И. Теория государства и права. СПб., ПИТЕР, 2003. С. 114.

²⁹ Байтин М.И. Механизм современного российского государства // Правоведение. 1996. № 3. // <http://pravoved.jurfak.spb.ru/default.asp?cnt=189>.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М., 1998. С. 152 – 183.

Понятие и характеристика процессуальных прав и обязанностей сторон в гражданском судопроизводстве

Тема 1.

Гражданская процессуальная правоспособность как предпосылка участия стороны в процессе. Гражданская процессуальная дееспособность как условие самостоятельного участия в процессе

Как уже отмечалось в настоящей работе, вне взаимодействия субъекта права и суда в лице его должностных лиц нет и не может быть гражданского процесса. Право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов — это конституционное право, гарантированное каждому гражданину РФ. В самых общих чертах речь идет именно

о правоспособности¹, то есть потенциальной возможности обратиться в суд и приобрести таким образом статус истца.

В.Г. Гусев справедливо отмечает, что «вопрос гражданской процессуальной правоспособности имеет и всегда имел большое практическое значение, т.к. он тесно связан с правом на судебную защиту и является одной из необходимых предпосылок данного права»².

Мы уже указывали, что субъектов российского гражданского процессуального права принято делить на три группы: 1) суд и его должностные лица; 2) граждане; 3) организации (предприятия, учреждения, иные юридические лица, как коммерческие, так и некоммерческие). Каждый из названных субъектов может стать участником гражданских процессуальных правоотношений по конкретному делу в определенном качестве — суда, стороны, третьего лица, свидетеля и т.п.³ Таким образом, не суще-

ствуется единого понятия правоспособности, ее следует рассматривать отдельно в отношении, во-первых, граждан и, во-вторых, организаций. Рассмотрим сначала эту категорию применительно к гражданам.

Е.В. Васьковский писал: «Предъявить иск может каждый: и восьмилетний ребенок, и сумасшедший, и лишенный всех прав состояния. Равным образом иск может быть направлен против каждого: и против новорожденного младенца, и против безвестно отсутствующего, и против запрещенного законом сообщества. Но для того, чтобы вести начатое дело дальше, чтобы оно не было прекращено в самом начале, а дошло до разрешения по существу, необходимо обладать: 1) способностью быть стороной в процессе, или, иначе, процессуальной правоспособностью, и 2) способностью самостоятельно вести процесс, т.е. процессуальной дееспособностью»⁴.

Таким образом, гражданская процессуальная правоспособность трактуется как способность быть стороной в процессе. Следовательно, наличие гражданской процессуальной правоспособности у лица является необходимым условием для приобретения статуса стороны в процессе. Именно поэтому мы должны исследовать данное понятие, рассматривая его как некое свойство стороны.

Согласно ГПК РФ гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов (ст. 36 ГПК РФ). Итак, гражданской процессуальной правоспособностью, согласно мысли законодателя, наделяются субъекты права, так как именно они могут обладать комплексом субъективных прав, органично включающих в себя, как это было рассмотрено выше, право на судебную защиту. В.Г. Гусев верно отметил: «Такие гражданские процессуальные понятия, как гражданская процессуальная правоспособность и гражданская процессуальная дееспособность непосредственно связаны с понятием субъекта гражданского процессуально-

го права, но гражданская процессуальная правоспособность предшествует состоянию субъекта права, т.е. гражданская процессуальная правоспособность – это не что иное, как потенциальная возможность обладать гражданскими процессуальными правами и обязанностями, которые подразумевают статику»⁵. Значит, нужно определить понятие «субъект права».

Субъект права – одна из важнейших категорий юридической науки и практики. В теории существует весьма распространенное мнение о том, что понятием «субъект права» следует обозначать не только действительных, но также и возможных участников правоотношения⁶. Согласно другой теории права, субъектом права считается лицо, участвующее или способное участвовать в правоотношении⁷. Данное определение, однако, приводит нас к истокам серьезной проблемы – проблемы отграничения понятий субъекта права и субъекта правоотношения. С.С. Алексеев пишет: «Субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, т.е. лицо, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений. А субъект правоотношений – это реальный участник данных правоотношений»⁸.

М.И. Абдулаев согласен с приведенной точкой зрения: «Например, все граждане обладают процессуальной правоспособностью, т.е. являются субъектами процессуального права. Однако лишь очень немногие из них реализуют ее когда-либо в своей жизни. Гражданин может быть участником правоотношений лишь будучи наделен правоспособностью и дееспособностью. Если гражданин наделен только правоспособностью, тогда это – субъект права, а не правоотношений. Лицо с момента рождения обладает правоспособностью, но становится дееспособным при достижении определенного возраста. Тогда он и может стать реальным участником правоотношений, иначе говоря, степень социальной зрелости определяет степень правовой зрелости (правовых обязанностей и ответственности)»⁹.

С.А. Комаров¹⁰ определил: «Субъект права – это социальный субъект – лицо, орган, организация, наделенные государством

способностью быть носителями юридических прав и обязанностей. Субъекты права — это граждане (физические лица) и юридические лица, которые наделяются государством способностью быть носителями юридических прав и обязанностей»¹¹. Встречается и такое определение: «К субъектам права относятся индивиды (физические лица) и организации, которые обладают признаваемыми правовыми нормами юридическими качествами, позволяющими им быть носителями субъективных прав и обязанностей»¹². На наш взгляд, все приведенные определения субъекта права сводимы к одной точке зрения, которая страдает от единственного, но существенного недостатка, на который указывала М.А. Виду. Она предпочитает исходить из понятия «субъекта права» как субъекта правоотношения, то есть действительного обладателя субъективного права, так как в тех случаях, когда под субъектом права понимается лицо, могущее быть участником правоотношения, это понятие сливается с понятием правоспособности¹³. Очевидно, что при подобном подходе не имеет смысла говорить о субъекте права, поскольку это понятие отождествляется с понятием субъекта правоотношения, и наоборот. Также получается, что само понятие права автоматически сводится к понятию правоотношения. То есть право понимается как «активное», «живое» право, как некая реализуемая людьми совокупность, можно даже сказать — набор правовых норм. И в этом случае исчезает понятие системы права, поскольку на определенном жизненном этапе человек вступает в некие отношения с другим человеком и реализует при этом не всю возможную совокупность правовых норм, установленных государством, а, разумеется, лишь некоторые из них, часто регламентирующие совершенно разные и самостоятельные, никак не связанные друг с другом общественные отношения. В результате есть хаотичное существование в обществе неких правил, носящих имя закона, и нет того, что, собственно, и изучает юрист, а именно целостного, логичного образования, поддающегося прогнозированию и моделированию — того правового организма, той системы права, которую С.А. Комаров опреде-

лил как «исторически сложившуюся, объективно существующую внутреннюю структуру права, определяемую характером регулируемых общественных отношений»¹⁴.

Указывают, что «система права отражает его внутреннее единство, которое обусловлено системой сложившихся общественных отношений. Ее первичным элементом является правовое предписание — норма права. Целостное множество норм права, взаимодействие между ними порождают новые качества, не присущие ее отдельным частям. Идеи общей теории систем могут быть с успехом применены при характеристике системы права. Важнейшими ее признаками являются: во-первых, целостность, единство норм права, во-вторых, системность права»¹⁵. Что очень важно, системность права — это его естественное, «натуральное» состояние. Л.И. Спиридонов пишет: «Понятие «система права» часто раскрывается как результат систематизации юридических норм, т.е. как продукт рациональной деятельности государственных органов. Наше правопонимание исключает характеристику системы права как искусственной конструкции и результата построения государством логически стройной структуры. Если право — продукт естественно-исторического развития, то и объективно присущая ему системность — того же самого происхождения. Оно изначально структурировано, упорядочено, и рассматривать его структуру (системность) в отрыве от него самого можно только условно, понимая, что речь идет лишь об искусственном препарировании для частных познавательных целей»¹⁶.

М.Н. Марченко прямо указывает: «В современной юридической литературе понятие «субъект права» чаще всего используется в качестве синонима терминов «субъект» или «участник правоотношений»¹⁷.

Право — продукт жизнедеятельности людей, искусственная идеальная субстанция, призванная регулировать общественные отношения, то есть объективно значимые отношения, складывающиеся между людьми. Это ясно хотя бы потому, что право по своей сути есть обязательная для всех нравственность. Це-

лый ряд ученых неоднократно пытались отождествить эти два понятия. Общеизвестно, что нравственные нормы современного общества запрещают убивать, воровать, наносить побои и т.п. Следовательно, нравственные нормы ограждают внешнюю свободу лиц от насилия и иных проявлений произвола¹⁸. Поэтому очевидно на первый взгляд, что субъект права — это прежде всего живой человек, который уже потому является субъектом права, что родился человеком. Он вовлечен в правовые отношения постоянно и вне зависимости от своего желания: «Даже если Я не приемлю право, Я все равно не смогу выйти за границы, им установленные, так как Я не могу (безнаказанно) убить, взять чужое и проч.».

Мы уже указывали выше на проблему смешения двух понятий, получивших в науке статус самостоятельных, а именно — понятий «правоспособность» и «субъект права». При рассмотрении общепризнанных определений указанных понятий неизбежен вывод о их взаимоисключающем характере. Например, А.В. Мицкевич, серьезно разрабатывавший данные вопросы, сделал следующие выводы. Он писал: «Правоспособность является одним из важнейших качеств субъектов права»¹⁹. Видно, что понятие правоспособности трактуется как более узкое, нежели понятие субъекта права, как некое свойство, присущее субъекту права наравне с другими, равноценными свойствами. Так как субъектами права ученый справедливо, на наш взгляд, признает «людей и их организации»²⁰, то неизбежен вывод — не все люди являются субъектами права, а лишь те из них, у кого есть особое качество, иначе, свойство правоспособности. Что же, по мнению А.В. Мицкевича, представляет собой это свойство? Правоспособность есть составляющая правосубъектности, понятия, означающего собственно правовой статус субъекта права²¹. Содержание понятия «правоспособность» составляют «общие гражданские права физических и юридических лиц»²². Соответственно, не все люди являются субъектами права, а только те из них, кто обладает общими гражданскими правами. Помимо этого неясно, что за «общие» права выделяются

в системе права, непонятно также, кого из людей следует исключить из числа носителей гражданских прав. Причем если исходить из смысла закона, то «общие» права — это основные, фундаментальные права, такие как право на жизнь и проч. А как в этой связи быть с положениями Конституции РФ, провозгласившей высшей ценностью человеческую жизнь, равенство всех перед законом?

С.Н. Братусь указывал: «Способность быть субъектом права есть свойство, гарантированное государством. Поэтому никто не может быть лишен гражданских прав или ограничен в правах иначе, как в случаях и порядке, определенных законом. Лишение гражданских прав может иметь место лишь в случаях, прямо указанных в законе. Гражданин может быть лишен не всех, а лишь отдельных гражданских прав на определенный срок»²³.

Еще ранее А.Х. Гольмстен писал: «Под процессуальной правоспособностью разумеется наличность в лице всех условий обладания процессуальными правами и обязанностями (быть истцом и ответчиком)»²⁴. Здесь та же самая проблема — чьи же права и законные интересы в таком случае не могут быть защищены? Причем далее А.Х. Гольмстен писал, что «все лица процессуально правоспособны, исключая лишенных всех прав состояния, которые с момента объявления им окончательного судебного о том приговора, не пользуются защитой тех прав, которых они лишены»²⁵, то есть, по смыслу, лица, лишенные по решению суда какого-либо частно-конкретного (с этим партнером, в этом случае, по этому поводу) правомочия, признавались А.Х. Гольмстеном неправоспособными. Мы не разделяем эту точку зрения и считаем ее неверной на том основании, что лицо, которому, допустим, отказано судом в иске о признании собственности, не лишается по суду провозглашенного Конституцией РФ права собственности, оно только утрачивает конкретное правомочие, права требования к конкретному лицу (или лицам), иначе говоря, лицо не лишается правоспособности путем лишения его конкретного права требования, просто изначально содержание права собственности не включает в себя того

элемента, на котором субъект права, обращающийся в суд, настаивает. Он по-прежнему правоспособен, ему только было указано, что в рамках правомочий собственника конкретного, спорного, правомочия не имеется.

С.Н. Братусь указывал: «Правоспособность — это право быть субъектом прав и обязанностей»²⁶. Здесь опять предельно откровенно понятие правоспособности сводится к понятию субъекта права.

В другой своей работе профессор С.Н. Братусь писал: «Правоспособность является необходимым условием для правообладания, т.е. необходимой предпосылкой субъективного права. Правоспособность, как способность или возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности, — это абстрактная способность или возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом»²⁷.

Интересно, что Н.Б. Зейдер в свое время высказал следующее суждение: «Субъект правоотношения, являясь носителем определенного права, не может не быть правоспособным»²⁸. Если условиться о том, что понятие субъект права всегда означает возможного, то есть потенциального субъекта правоотношения, получим — субъект права есть субъект правоотношения в потенции, следовательно субъект права всегда правоспособен. Далее, коль скоро законодатель не определяет группу несубъектов права, о них нет смысла даже и говорить, тогда, соответственно, нет смысла говорить и о правоспособности, так как это свойство, присущее всем без исключения субъектам права.

На основании изложенного можно сделать единственный, на наш взгляд, вывод: либо нужно оставить в теории понятие «субъект права» как действительно необходимое и «ликвидировать» понятие «правоспособность физических лиц» как не имеющее самостоятельного наполнения; либо детально разработать понятие «правоспособность», не допустив при этом рассмотренной нами коллизии. Мы склоняемся к первому решению проблемы и присоединяемся к мнению Т.И. Евстифеевой, которая

полагает, что «правоспособность не является общей или специальной для каждого субъекта предпосылкой правообладания (ввиду того, что правоспособность и субъективные права возникают одновременно), она не может трактоваться и как специфическое свойство личности или особое «право на право», либо как сумма общих прав, обуславливающих появления прав конкретных. Категория правоспособности не имеет самостоятельного значения, поскольку не содержит в себе ничего нового по сравнению с категориями субъективного права, юридической обязанности, юридического факта, а потому введение ее в научный оборот представляется неоправданным»²⁹.

Процессуальная правоспособность сторон, как уже отмечалось, в теории гражданского процессуального права признается рядом ученых наряду с судебной подведомственностью гражданского дела юридическим условием права на обращение в суд. Нам известно, что законные права и охраняемые законом интересы лица должны быть соблюдены независимо от его физического и психического состояния, поэтому данное право является безусловным и приобретает гражданином в момент рождения, а утрачивается со смертью. Таким образом, правоспособность есть не что иное, как способность лица (в смысле, его необусловленная возможность) к праву. Другими словами, это предусмотренная законом возможность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности. Она тесно связана с гражданской правоспособностью.

Е.В. Васьковский писал так: «Процессуальная правоспособность соответствует гражданской правоспособности: подобно тому, как последняя представляет собой способность быть субъектом юридических отношений, носителем гражданских прав и обязанностей, так и процессуальная правоспособность заключается в возможности быть субъектом процесса, стороной, обладать процессуальными правами»³⁰. И далее: «Процессуальная правоспособность – одно из проявлений гражданской правоспособности, именно отражение ее в процессе. В самом деле, раз за кем-либо признана способность вступать в юридические

отношения и обладать правами, то ему должна быть предоставлена и возможность обращаться к суду в случае надобности защитить свои права от нарушения: иначе его права не имели бы никакой цены, никакого реального значения, и самое существование их было бы поставлено в зависимость от доброй воли других лиц, которые могли бы безнаказанно нарушать их. Поэтому процессуальная правоспособность должна сопутствовать гражданской: каждое правоспособное лицо должно иметь право быть субъектом процесса. Вместе с тем, так как гражданская правоспособность не у всех лиц одинакова, то и процессуальная не может быть одинаковой: она не может идти дальше гражданской правоспособности. Допустить противное значило бы разрешить гражданам начинать процессы о таких правах, какими они не могут обладать и которых суд не может за ними признать, т.е., следовательно, напрасно обременять суды совершенно бесплодной работой. Отсюда следует, что каждый может быть стороной в процессе в пределах своей гражданской правоспособности»³¹.

С.Н. Абрамов полагал, что гражданская процессуальная правоспособность вытекает из гражданской правоспособности и потому имеет второстепенное значение³².

Е.А. Флейшиц считала, что субъект, обладающий гражданской правоспособностью, неизбежно признается одновременно способным обращаться к суду за защитой своих прав, значит, говорить о гражданской процессуальной правоспособности не имеет смысла³³, то есть ученый понятие гражданской процессуальной правоспособности сводит к понятию гражданской правоспособности. Признавая справедливость основных рассуждений, не согласимся, однако, с тем, что гражданская процессуальная правоспособность не может рассматриваться в качестве самостоятельного понятия, т.к. она имеет свое, отличное от гражданской правоспособности, содержание.

Н.Б. Зейдер писал, что «если правоспособность вообще — способность граждан, юридических лиц, госорганов, должностных лиц обладать правами и нести обязанности, то процессуальная правоспособность есть такая способность этих лиц в спе-

циальной области – в гражданском процессуальном праве. Однако констатация такой связи гражданской процессуальной правоспособности с общей правоспособностью не равнозначна делаемому иногда в нашей литературе утверждению, что гражданская процессуальная правоспособность неразрывно связана с гражданской правоспособностью, из нее вытекает и ею определяется. Прежде всего следует указать на то, что гражданская процессуальная правоспособность предполагает круг прав и обязанностей не только сторон и третьих лиц, которые могут быть участниками материальных гражданских отношений и, следовательно, носителями гражданских прав и обязанностей, но также процессуальные права и обязанности прокурора, участвующего в деле, государственных органов, дающих заключение по делу, представителей общественности, сообщающих суду мнение общественных организаций и коллективов трудящихся, свидетелей, экспертов и переводчиков. Очевидно, что круг этих прав и обязанностей отнюдь не связывается с гражданско-правовой правоспособностью этих лиц, проявляющейся по данному делу»³⁴.

Хочется, однако, отметить, что гражданско-правовая правоспособность соответственно традиционному ее определению является понятием всеобъемлющим и проявления ее в различных правоотношениях нельзя считать различными по своей правовой природе.

Гражданская процессуальная правоспособность рассматривается М.А. Гурвичем в качестве понятия, более широкого, нежели гражданская правоспособность, на том основании, что «возможно проявление процессуальной правоспособности по спорам в области таких правоотношений, которые исключены из сферы гражданско-правовой деятельности данного лица. Мы имеем в виду здесь юридические лица. Как известно, в области гражданского права юридические лица обладают не общей, а специальной правоспособностью, установленной их уставами и положениями в соответствии с задачами их деятельности. ... Понятие специальной правоспособности в процессе неприменимо»³⁵.

М.К. Треушников утверждает, что, несмотря на тесную связь гражданской процессуальной правоспособности с гражданской правоспособностью, их не следует отождествлять. В порядке гражданского судопроизводства защищаются различные права и охраняемые законом интересы, вытекающие из жилищных, авторских, брачно-семейных и других отношений. Поэтому гражданская правоспособность не может иметь определяющего значения для всех дел³⁶. То есть, исходя из данного высказывания, понятие гражданской процессуальной правоспособности значительно шире понятия гражданской правоспособности просто на том основании, что жилищные, авторские, семейные и прочие перечисленные правоотношения не включаются М.К. Треушниковым в сферу собственно гражданских правоотношений. Между тем, хочется напомнить, что вопрос о теоретической самостоятельности данных ветвей российского права не решен однозначно и, оппонировав ученому, отметим тот факт, что и семейное, и жилищное, и авторское право оперируют категориями и понятиями именно гражданского права (это неудивительно — именно на основе цивилистики эти науки были сформированы) и, на наш взгляд, такое противопоставление гражданской процессуальной правоспособности и гражданской правоспособности с теоретической точки зрения просто не имеет смысла. Полагаем, что эти два понятия по крайней мере имеют очень много общего, а по большому счету неразделимы, так как способность быть участником гражданских правоотношений логически обуславливает способность (и возможность) защитить свои права в суде. Следовательно, гражданская процессуальная правоспособность производна от гражданской правоспособности, хотя имеет, конечно, иное содержание (комплекс законодательно допускаемых прав и обязанностей). Именно по этой причине мы и будем в дальнейшем именовать ее как гражданскую процессуальную правоспособность.

В.Г. Гусев, например, высказал следующую точку зрения: «Вряд ли можно согласиться с тем, что гражданско-процессуальная правоспособность — одно из проявлений гражданской

правоспособности. Думается, что хотя они и связаны, но и гражданская правоспособность, и гражданская процессуальная правоспособность имеют самостоятельное значение и являются частью общей правоспособности. Под общей правоспособностью понимается суммарное выражение отраслевых правоспособностей»³⁷. Отметим, что данное мнение представляется спорным на том основании, что, как мы уже писали, субъективному гражданскому (в широком смысле) праву изначально в качестве неотъемлемой составляющей присуще правомочие на принудительное его осуществление (об этом говорил еще А.Х. Гольмстен). С этим трудно спорить, так как право – ничто без соответствующей обязанности, а обязанность, в свою очередь, – ничто без возможности принуждения. Следовательно, гражданская процессуальная правоспособность определяется гражданской правоспособностью, она «вкладывается» в гражданскую правоспособность в момент возникновения права. Она не может быть шире гражданской правоспособности, ибо нельзя требовать больше, чем имеешь. Самостоятельный же характер гражданской процессуальной правоспособности заключается в ином, по сравнению с гражданской правоспособностью, содержании. Права и обязанности, являющиеся содержанием правоспособности, различаются именно по отраслевому признаку.

В.Г. Гусев делает следующий вывод: «говорить о тесной связи гражданской правоспособности и гражданской процессуальной правоспособности можно лишь в тех случаях, когда речь идет о процессуальной правоспособности сторон и третьих лиц, и то только в спорах, вытекающих из гражданских правоотношений. Но даже в этом случае можно говорить всего лишь о более тесной связи, но отнюдь не о подчиненности гражданской процессуальной правоспособности по отношению к гражданской правоспособности»³⁸. Отметим, что, хотя целью настоящей работы является анализ правового положения сторон в гражданском судопроизводстве, мы трактуем понятие гражданской процессуальной правоспособности как всеобъемлющее, специальная гражданская правоспособность других лиц, участвующих

в деле, является, по нашему мнению, проявлением общей гражданской процессуальной правоспособности данных лиц.

Р.О. Халфина придает понятию «правоспособность» статус характеристики, отграничивающей понятие участника правоотношения как более узкое и конкретное от понятия субъекта права³⁹, то есть, согласно этой точке зрения, не всякий субъект права способен стать участником конкретного правоотношения. Думается, однако, что логичнее было бы говорить о способности лично участвовать в правоотношении, то есть о дееспособности.

М.С. Шакарян писала: «Гражданская процессуальная правоспособность — это установленная законом возможность иметь гражданские процессуальные права и обязанности. ... Гражданское процессуальное законодательство не допускает никаких ограничений процессуальной правоспособности. Все лица, обладающие субъективным материальным правом, должны иметь возможность обращения за его защитой, т.е. гражданскую процессуальную правоспособность. Гражданская процессуальная правоспособность связана с правоспособностью в материальном праве (гражданском, трудовом, семейном, земельном, кооперативном, административном), когда определяется возможность быть стороной или третьим лицом. Судебная защита предполагает, что лицо, обращающееся за ней, способно обладать оспариваемым правом. Поэтому гражданская процессуальная правоспособность возникает одновременно с правоспособностью в материальном праве. Процессуальная правоспособность граждан возникает с момента рождения и прекращается со смертью. Но если правоспособность в материальном праве возникает с определенного возраста (например, трудовая, брачная), то соответственно и процессуальная правоспособность наступает с этого момента»⁴⁰. Г.Л. Осокина также полагает, что возникновение у граждан целого ряда субъективных прав и обязанностей, например трудовых, семейных (право вступать в брак), гражданских (право заниматься предпринимательской деятельностью, отвечать за причиненный ущерб), приурочива-

ется не к дате появления физического лица на свет, а к дате достижения этим лицом определенного возраста; момент возникновения гражданской процессуальной правоспособности в этом случае определяется моментом возникновения материальной правоспособности⁴¹.

Обратим внимание прежде всего на то, что М.С. Шакарян в приведенном высказывании сначала говорит о том, что гражданская правоспособность возникает в момент рождения и прекращается со смертью гражданина — и это вполне соотносится с положениями ст. 17 ГК РФ, затем о том, что гражданская процессуальная правоспособность возникает одновременно с возникновением правоспособности в материальном праве, и, хотя ГПК РФ в ст. 36 ничего на этот счет не указывает, мы согласимся с этим утверждением, далее — что гражданская правоспособность относительно трудовых и брачных правоотношений, оказывается, наступает с момента достижения гражданином определенного возраста. И именно здесь мы находим расхождение этого мнения с действующим законодательством, где закреплено: способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Более того, М.С. Шакарян указывает, что гражданская процессуальная правоспособность наступает одновременно с правоспособностью в материальном праве и по сути ею определяется и что гражданское процессуальное законодательство не допускает никаких ограничений процессуальной правоспособности, а это значит, что и в сфере гражданской правоспособности ограничения недопустимы, и это вытекает из смысла ст. 17 ГК РФ. Представляется, что лицо уже с момента рождения обладает и трудовой, и семейной правоспособностью, т.е. в принципе может вступить в брак и в принципе может работать по трудовому договору, но осуществить указанные права можно только лично, и никак иначе, такова специфика этих прав — они не допускают представительства, т.е. по достижении определенного возраста. Об этом же говорит закон, а именно ст. 21 ГК РФ: способность гражданина своими действиями приобре-

тать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста. Кроме того, закон указывает, что гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак (п. 2 ст. 21 ГК РФ). А ст. 18 ГК РФ дает открытый перечень правомочий любого правоспособного лица, куда с успехом можно отнести и занятие трудовой деятельностью, и право вступать в семейные (брачные) правоотношения. Вообще смысл законодательного закрепления понятия дееспособности (и материальной, и процессуальной) в том, что лицо до достижения определенной социальной зрелости не в состоянии самостоятельно реализовать свою правоспособность. И в этом смысле понятие дееспособности действительно очень ценно и с практической, и с теоретической точек зрения, в отличие от понятия правоспособности, которое, не будучи разработано законодательно, не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки и, как следствие, не имеет практической значимости.

Остановимся также на мнении В.Г. Гусева. Он полагает, что гражданская процессуальная правоспособность не является качеством всеобъемлющим и равновеликим в отношении всех субъектов права и может быть ограничена. Он пишет: «Очевидно, что один и тот же гражданин не может одновременно обладать специальной правоспособностью судьи, эксперта и прокурора. Отсюда можно сделать вывод о необходимости утверждения, что гражданская процессуальная правоспособность может быть ограничена. Она ограничивается как естественным образом, например, не все граждане станут должностными лицами и соответственно не все будут иметь возможность выступать в гражданском процессе в качестве должностного лица, чьи действия обжалуются в порядке гл. 24-1 ГПК РСФСР. Она ограничивается и правовыми запретами, например, судья по закону лишен возможности выступать представителем в суде. Таким

образом, очевидно, что правоспособность, в силу того, что каждое лицо в течение жизни не способно обладать всем комплексом предусмотренных законодательством прав и обязанностей, различается по объему. Она зависит от интеллекта, возраста и даже случая (человека против его воли сделали свидетелем по гражданскому делу) и т.д., а следовательно, то положение законодательства, что гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами, а также за государственными предприятиями, учреждениями, организациями, колхозами, иными кооперативными организациями, их объединениями, другими общественными организациями, пользующимися правами юридического лица, - нельзя признать соответствующим действительности, т.к. это противоречит здравому смыслу и нормам права. Данное положение закона является непродуманным стремлением социалистического государства всех везде и во всем уравнивать»⁴².

Однако еще раньше Н.Б. Зейдер указывал на наличие в юридической литературе указанной классификации правоспособности. «Проводится различие между общей правоспособностью лица и правоспособностью специальной или конкретной. Под первой из них понимается общая способность быть субъектом права, общая, абстрактная возможность к приобретению прав, под второй – способность обладать данного рода правами»⁴³. Далее он писал: «В гражданском процессуальном праве правоспособность всегда имеет специальный, конкретный характер. Это объясняется тем, что различные субъекты гражданского процессуального права занимают различное положение, каждый из них в своей сфере деятельности совершает свои, только лишь ему присущие действия. Так, положение суда резко отлично от положения всех других участников процессуальных отношений, положение сторон – от положения прокурора, третьих лиц и других, положение свидетелей - от положения сторон, прокурора и т. д. Конечно, ряд действий, совершаемых различными субъектами процессуальных отношений, одинаков, но в этот ряд входят далеко не все действия, которые может со-

вершать тот или иной участник гражданских процессуальных отношений. В их совокупности действия, совершаемые одними участниками этих отношений, обособлены от действий, совершаемых другими их участниками, и представляют собою самостоятельную группу действий. Общее же понятие процессуальной правоспособности не может иметь ни научного, ни практического значения»⁴⁴.

Данной точки зрения придерживается также Г.Л. Осокина. Она отмечает: «Гражданская процессуальная правоспособность граждан в зависимости от цели их участия в гражданском судопроизводстве может определяться материальной правоспособностью, определенным уровнем психофизического развития, включая полную дееспособность, наличием специальной компетенции или соответствующих познаний. В связи с этим необходимо различать два вида гражданской процессуальной правоспособности: общую, возникновение которой связывается с фактом рождения гражданина, и специальную, возникновение которой обуславливается иными юридическими фактами»⁴⁵.

Мы не разделяем данное мнение. Гражданская процессуальная правоспособность есть способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности (ст. 31 ГПК РСФСР⁴⁶). Статья 46 Конституции РФ гласит: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Следовательно, гражданской процессуальной правоспособностью обладает каждый (ст. 36 ГПК РФ), в том числе и судья, и прокурор.

Мы уже говорили, что специальная гражданская процессуальная правоспособность судьи, эксперта и прокурора не означает отсутствия у них общей гражданской правоспособности. Указанные лица обладают гражданской процессуальной правоспособностью в полном объеме и в установленных в законе случаях свободно ее реализуют, в частности, судьи, следователи, прокуроры могут представлять в процессе интересы соответствующих органов и выступать в деле в качестве законных представителей (ст. 51 ГПК РФ). Так называемая специальная правоспособность указанных лиц есть выражение общей правоспо-

собности. Надо отметить, что, на наш взгляд, говорить о специальной гражданской процессуальной правоспособности должностных лиц некорректно. Судья, прокурор в гражданском процессе, выполняющие свои должностные обязанности, не реализуют собственную гражданскую процессуальную правоспособность, они действуют в пределах своей компетенции, предоставленной им соответствующими властными структурами, от лица государства. Существенной особенностью гражданских процессуальных правоотношений, как мы отмечали выше, является участие в них государства в лице суда. Таким образом, судья вершит правосудие не как частное лицо, в связи с чем можно было бы говорить о его специальной гражданской процессуальной правоспособности, а как представитель государства, как само государство.

Далее В.Г. Гусев замечает: «Думается, что теория естественного права, а следовательно, и взгляд на правоспособность как на неотъемлемое, присущее каждому гражданину качество или свойство не лишены здравого смысла»⁴⁷. И еще: «То положение, что конкретный гражданин не может одновременно обладать правоспособностью судьи и прокурора в гражданском процессе, не умаляет того, что правоспособность признается в равной мере за всеми субъектами гражданского процесса в потенциальном абстрактном понимании этого вопроса»⁴⁸; «у всех граждан и организаций формально равная правоспособность»⁴⁹. Налицо дуализм в рассуждениях.

В.Г. Гусев иллюстрирует свои рассуждения таким примером: «Например, машиностроительный завод как субъект гражданского процессуального права не может выступать в качестве прокурора в гражданском процессе, а следовательно, и обладать специальной гражданской процессуальной правоспособностью прокурора»⁵⁰. Отметим, что это действительно так. Машиностроительный завод, без сомнений, не может быть прокурором в гражданском процессе. Не может потому, что гражданская правоспособность машиностроительного завода уже, чем гражданская правоспособность гражданина. Не может потому, что про-

курор уполномочен государством исполнять свои обязанности в процессе, а завод — нет.

Теперь нам необходимо рассмотреть вопрос о гражданской процессуальной правоспособности организаций. Он, по нашему мнению, решается следующим образом.

Во-первых, сначала необходимо обратиться к материальному законодательству. ГК РФ в главе 4 «Юридические лица» оперирует понятиями «юридические лица» и «организации». Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету. Ясно видно, что понятие «организация», по мысли законодателя, более широкое, чем «юридическое лицо». Между тем, термин «организация» в тексте закона часто подменяет собой термин «юридическое лицо» (см., напр., п. 1 ст. 50 ГК РФ «Коммерческие и некоммерческие организации»: юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации). Таким образом, важно определить существенные признаки юридического лица и организации. В соответствии со ст. 51 ГК РФ, юридическое лицо подлежит государственной регистрации в органах юстиции; юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации. Пункт 1 ст. 52 ГК РФ закрепил, что юридическое лицо действует на основании устава, либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. Пункт 1 ст. 53 ГК РФ гласит: юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои

органы. Пункт 1 ст. 61 указывает: ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам. Можно сделать вывод о том, что юридическое лицо – это организация, возникшая с момента государственной регистрации, действующая на основании определенных в законе учредительных документов через свои органы и прекращающая свое существование в момент внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации данного юридического лица.

Теперь необходимо выяснить правовую природу термина «организация». Это тем более необходимо, так как процессуальное законодательство использует именно этот термин. Вероятно, это связано с тем, что, закрепив право юридических лиц на судебную защиту, законодатель ограничил бы в данном праве некоторый круг субъектов, ибо мы уже определили, что по смыслу ГК РФ понятие «организация» шире понятия «юридическое лицо». Таким образом, ГПК РФ подтверждает справедливость наших рассуждений. ГК РФ говорит о двух видах организаций – коммерческих и некоммерческих (ст. 50 ГК РФ). В основе данной классификации лежат основные цели деятельности организации. Представляется, что понятие «организация», как более широкое по сравнению с понятием «юридическое лицо», означает всякое законное объединение граждан с той или иной целью. Этимология слова «организация» указывает на то, что такое объединение должно строиться в определенном порядке. Организаций «в чистом виде» ГК РФ не позиционирует. Это видно из положения п. 2 ст. 1 ГК РФ: граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. По нашему мнению, это связано с закреплением основного принципа гражданского права – принципа свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ), то есть граждане могут договориться и объединиться как в предусмотренные ГК РФ организации (юридические лица), так и не в предусмотренные организации (собственно организации). Таким образом, организацией будет считаться основанное на

договоре объединение граждан в целях осуществления деятельности (коммерческой либо некоммерческой), не противоречащей принципам ГК РФ. Именно поэтому, как представляется, нецелесообразно было бы давать перечневой список организаций в тексте закона, так как ввиду многовариантности таких возможных объединений граждан предусмотреть все случаи невозможно. Однако предлагается все же изменить трактовку п. 2 ст. 1 ГК РФ на следующую: граждане (физические лица) и организации приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

Исходя из вышеуказанного, мы будем рассматривать понятия «организация» и «юридическое лицо» как одноуровневые.

Вопросы гражданской правоспособности юридических лиц урегулированы в ст. 49 ГК РФ. Юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, и нести связанные с этими целями обязанности, то есть гражданская правоспособность юридического лица носить как общий, так и специальный характер. Пункт 3 ст. 49 ГК РФ гласит: правоспособность юридического лица возникает в момент его создания и прекращается в момент завершения его ликвидации.

Гражданская процессуальная правоспособность организаций возникает, соответственно, в момент возникновения гражданской правоспособности последних, то есть неправоспособным юридическое лицо, как и гражданин, по определению быть не может, потому что тогда не будет самого юридического лица, самой организации. Юридическое лицо, до момента государственной регистрации выступающее в качестве только некой простой совокупности граждан, испрашивающее у государства регистрации, т.е. создания, представляет последнему перечень своих будущих правомочий, и если государство на данном этапе усматривает правовые нарушения, оно в регистрации отказывает. Отказ в регистрации юридического лица, конечно, можно обжаловать в судебном порядке, но обжаловать его будет не юридическое лицо (его нет), а гражданин или граждане. В от-

ношении организаций понятие право- и дееспособности большинством ученых отождествляется, нам же представляется более правильным говорить только о дееспособности граждан, а в отношении юридических лиц употреблять только понятие правоспособности. Именно в отношении организаций понятие «правоспособность» имеет смысловую нагрузку, обозначая круг полномочий данного юридического лица. На это указывает п. 1 ст. 49 ГК РФ: юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законом, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии). Таким образом, как уже указывалось, гражданская правоспособность юридического лица может иметь специальный характер. Говорить о дееспособности юридического лица не имеет смысла, ибо в момент государственной регистрации организации юридическое лицо автоматически становится дееспособным. Юридические лица создает, таким образом, непосредственно государство, и один только факт такого создания вполне означает право организаций иметь предусмотренные уставными документами права и, безусловно, реализовывать их. Что касается процессуальной правоспособности юридических лиц, то данное юридическое свойство возникает у организаций в момент их создания и в полном объеме, так как ст. 36 ГПК РФ прямо приравнивает гражданскую процессуальную правоспособность граждан и гражданскую процессуальную правоспособность организаций. Из этого положения следует важный вывод: в случае обращения к суду организации с просьбой защиты либо подтверждения некоего материального права, правообладание которым данному юридическому лицу не предусмотрено его материальной правоспособностью, установленной в соответствии с учредительными документами указанного юридического лица, суд, исходя из положений ст. 36 ГПК РФ, не имеет права отказать в принятии такого искового заявления и должен рас-

смотреть дело по существу заявленных требований, вынеся отрицательное решение по делу. Однако в соответствии со ст. 134 ГПК РФ суд отказывает в принятии искового заявления, если в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя. Налицо противоречие в рамках одного законодательного акта, во избежание которого следует, по нашему мнению, четко определить понятие правоспособности на законодательном уровне с выделением гражданской процессуальной правоспособности граждан и гражданской процессуальной правоспособности юридических лиц.

Возможна ситуация, когда предъявлен иск к организации, основанием которого является юридический факт, не соответствующий гражданской правоспособности ответчика. В этом случае, на наш взгляд, в принятии искового заявления истцу должно быть отказано, так как организация не обладает гражданской процессуальной правоспособностью в этом смысле. Таким образом, исходя из того, что юридические лица обладают с момента государственной регистрации специальной материальной правоспособностью, что выражается в более узком спектре возможных правомочий данного юридического лица, а также потому, что гражданская процессуальная правоспособность, как мы показали выше, полностью совпадает с гражданской правоспособностью в смысле объема, а не содержания, делаем следующий вывод: ст. 134 ГПК РФ нуждается, на наш взгляд, в некотором расширении, а именно включении в ее содержание положения об отказе в принятии искового заявления, поданного против организации, не правоспособной относительно основания иска. Например, представим себе следующую правовую ситуацию. В суд общей юрисдикции обращается гражданин-заявитель с иском к ответчику-организации с требованием о признании недействительным заключенного между ним и данной организацией договора. При этом основанием иска являются факты, подтверждающие отсутствие у ответчика права на заключение договора такого рода ввиду несо-

ответствия данного правомочия правомочиям, указанным в его учредительных документах. Очевидно, что начинать исковой процесс нецелесообразно, потому что в соответствии со ст. 168 ГК РФ сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна. При этом ничтожные сделки являются ничтожными независимо от признания их таковыми судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ). Таким образом, исковой процесс в данном случае будет противоречить принципу процессуальной экономии, он просто бессмысленен. Предлагается либо отнести подобные дела к особому производству, либо, что более приемлемо, расширить ст. 134 ГПК РФ указанным образом. Представляется, что уже на этапе принятия искового заявления судья может и должен делать определенные профессиональные выводы о юридической обоснованности иска, а вернее, о возможном полном и бесспорном отсутствии оной.

Мы считаем важным отметить, во-первых, что гражданское процессуальное законодательство не содержит легального определения понятия гражданской процессуальной правоспособности. Необходимо или, как мы предложили, совсем отказаться от его употребления и применять это понятие исключительно к юридическим лицам, либо четко закрепить его в нормах ГПК РФ. Во-вторых, нужно на законодательном уровне четко соотносить понятие гражданской процессуальной правоспособности с понятием стороны в процессе таким образом, чтобы ясно показать процессуальную правоспособность как условие допуска в процесс лица в качестве стороны. На сегодняшний день нет никакой законодательно установленной правовой связи гражданской процессуальной правоспособности и возможности граждан и организаций быть допущенными в процесс.

Можно дать следующее определение гражданской процессуальной правоспособности. Гражданская процессуальная правоспособность – это безусловное конституционное право, гарантирующее гражданам РФ возможность в судебном порядке отстаивать собственные субъективные гражданские права и охраняемые законом интересы либо права и охраняемые законом

интересы других лиц и представляющее собой абстрактную предпосылку обладания всей совокупностью процессуальных прав и обязанностей, характеризующих правовое положение стороны в гражданском процессе РФ, основанную на комплексе возможных гражданских правообязанностей субъекта.

Для полной характеристики правового статуса стороны в гражданском процессе, однако, недостаточно только определить понятие гражданской процессуальной правоспособности. Следует дать определение гражданской процессуальной дееспособности, так как только процессуально дееспособное лицо может выступать в процессе самостоятельно.

Гражданская процессуальная дееспособность определяется как способность стороны своими личными действиями приобретать процессуальные права и осуществлять процессуальные обязанности, т.е. лично совершать процессуальные действия, порождающие юридические последствия⁵¹.

М.А. Вукот указывает, что гражданская процессуальная дееспособность — необходимое условие для юридической действительности обращения к суду истца⁵².

Е.В. Васильковский писал: «Процессуальная дееспособность аналогична гражданской дееспособности и состоит в возможности самостоятельно осуществлять свою правоспособность как личными действиями, так и через посредство уполномочиваемых на это лиц. Говоря иначе, процессуальная дееспособность представляет собой признанную законом за данным лицом способность осуществлять принадлежащие ему процессуальные права»⁵³. Далее он совершенно справедливо отмечал, что «процессуальная правоспособность не всегда сопровождается процессуальной дееспособностью»⁵⁴. На наш взгляд, правовая категория «дееспособность» действительно имеет свой собственный смысл и является категорией, чье существование практически и теоретически оправдано. Мы абсолютно согласны с Е.В. Васильковским, писавшем: «Разница между дееспособными и недееспособными в процессуальном отношении лицами состоит не в том, что первые могут лично совершать юридические действия,

а вторые действуют через представителей. Дееспособные лица тоже могут иметь представителей. Дело не в этом, а в том, что дееспособные лица могут действовать как лично, так и уполномочивать на это других лиц, а недееспособным не предоставлено ни то, ни другое: они всегда заменяются законными представителями, избрание которых не зависит от их воли»⁵⁵.

А.Х. Гольмстен отмечал: «Под процессуальной дееспособностью разумеется наличность в лице всех условий, необходимых для самоличного осуществления своих процессуальных прав и обязанностей, иначе говоря, для исполнения процессуальных действий в качестве стороны»⁵⁶.

Это означает, что, если наличие гражданской процессуальной правоспособности является обязательным условием для участия в процессе в качестве стороны, то наличие гражданской процессуальной дееспособности необходимо лишь для самостоятельного ведения процесса.

«Следует говорить о процессуальной дееспособности всех субъектов гражданских процессуальных отношений. Дееспособность участника гражданского правоотношения не может не дополняться такой же способностью этого последнего в области защиты права в суде или арбитраже и иных органах (т.е. процессуальной дееспособностью). Поэтому в этих случаях возникновение, ограничение и прекращение процессуальной дееспособности происходит в том же порядке и по тем же основаниям, что и возникновение, ограничение и прекращение общегражданской дееспособности», — писал профессор Н.Б. Зейдер⁵⁷.

Гражданская процессуальная дееспособность действительно тесно связана с гражданской дееспособностью, что обуславливает тот факт, что теории гражданского процессуального права известно понятие частичной (ограниченной) дееспособности.

Частичная гражданская процессуальная дееспособность состоит в том, что в случаях, предусмотренных законом, несовершеннолетние имеют право лично защищать в суде свои права и охраняемые законом интересы.

Привлечение к участию в таких делах родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних зависит от усмот-

рения суда. Что касается граждан, признанных ограниченно дееспособными, а также несовершеннолетних в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, то их интересы защищаются в суде их родителями, усыновителями или попечителями, однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних или граждан, признанных ограниченно дееспособными. Остальные лица, т.е. не достигшие пятнадцати лет (в законодательстве они называются малолетними), и лица, признанные недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия, не обладают гражданской процессуальной дееспособностью. Их права защищаются в суде родителями, усыновителями или опекунами.

Полностью поддерживая приведенную точку зрения, отметим, что если гражданская процессуальная правоспособность и гражданская правоспособность различаются, как мы уже указывали, единственно своим правовым содержанием, то гражданская процессуальная дееспособность и гражданская правоспособность являются, на наш взгляд, родственными понятиями исходя из того, что представляют собой обязательное правовое свойство субъекта права, направленное на самостоятельное осуществление правомочия. Единственное, не принципиальное, на наш взгляд, различие гражданской процессуальной дееспособности и гражданской правоспособности кроется в правовой природе самого правомочия, ибо в первом случае это гражданская процессуальная правоспособность, а во втором — гражданская правоспособность. Принципиальным, скорее, является различие между гражданской процессуальной правоспособностью как безусловным правом и гражданской процессуальной дееспособностью, обусловленной, как известно, наступлением определенного возраста, психическим состоянием личности и в ряде случаев вступлением в силу судебного решения (эмансипация несовершеннолетних).

Итак, дадим определение гражданской процессуальной дееспособности. Гражданская процессуальная дееспособность — это обусловленное законом право субъекта путем личного учас-

тия в процессе в качестве стороны реализовать собственные, субъективные права и обязанности, направленные на защиту личных прав и охраняемых законом интересов, либо указанные права и обязанности иных лиц.

Проще говоря, гражданская процессуальная правоспособность — это безусловная правовая возможность обладания гражданской процессуальной дееспособностью, а гражданская процессуальная дееспособность — это обусловленная личная реализация гражданской процессуальной правоспособности.

Таким образом, условием приобретения статуса стороны в процессе *для гражданина* является гражданская процессуальная дееспособность, совпадающая с понятием гражданской дееспособности, условием вступления в процесс *организации* в качестве стороны является гражданская процессуальная правоспособность, совпадающая с гражданской специальной правоспособностью данной организации.

Подытоживая сказанное, полагаем, что концепция научного подхода к выявлению объема и содержания процессуальных прав и обязанностей сторон в гражданском процессе предполагает обязательное определение условий, при наличии которых субъекты могут приобрести указанные права. Главными условиями, на наш взгляд, являются гражданская процессуальная право- и дееспособность. Придя к выводу о том, что не существует единого понятия гражданской процессуальной правоспособности, мы полагаем, что его следует рассматривать отдельно применительно к физическим лицам и организациям. Считаем, что понятие «гражданская правоспособность» определяет понятие и пределы «гражданской процессуальной правоспособности»; данные понятия совпадают по моменту возникновения и прекращения, однако имеют различное содержание. Наш вывод о том, что в отношении физических лиц употребление понятия «гражданская процессуальная правоспособность» не логично, так как по смыслу материального и процессуального законодательства все граждане с момента рождения до момента смерти в полной мере правоспособны, подтверждается указаниями самого законодателя (см. ст. 17 ГК РФ, ст. 36 ГПК

РФ). В отношении же организаций следует употреблять понятия «гражданская правоспособность» и «гражданская процессуальная правоспособность», так как в соответствии с ГК РФ гражданская правоспособность организаций имеет специальный характер. Поэтому считаем, что ст. 134 ГПК РФ нуждается в некотором расширении, а именно включении в ее содержание положения об отказе в принятии искового заявления, поданного против организации, не правоспособной относительно основания иска.

Вопросы для самопроверки

1. Покажите соотношение понятий «субъект права», «правоспособность», «субъект правоотношения».
2. Как соотносятся понятия «гражданская правоспособность» и «гражданская процессуальная правоспособность»?
3. Что означает термин «специальная гражданская процессуальная правоспособность»?
4. Являются ли понятия «юридическое лицо» и «организация» тождественными?
5. Может ли организация быть не правоспособной?

Примечания

¹ См. по этому вопросу: Михайлова Е.В. К вопросу о понятии и содержании гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности // Юридический аналитический журнал. Самара: Изд-во «Самарский государственный университет», 2003. № 3(7).

² Гусев В.Г. Гражданская процессуальная правоспособность: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С.10.

³ Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: ЯГУ, 1975. С.42, 45.

⁴ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 160.

⁵ Гусев В.Г. Гражданская процессуальная правоспособность... С. 35.

⁶ Юридический словарь. М., 1963. С. 65.

⁷ Абдулаев М.И. Теория государства и права. СПб.: Питер, 2003. С. 159-160.

⁸ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 140.

- ⁹ Абдулаев М. И. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁰ Интересно, что С.А. Комаров понятие субъекта права даёт в контексте рассуждений на тему субъекта правоотношения, что представляется следствием смешения двух самостоятельных понятий — права и правоотношения.
- ¹¹ Комаров С.А. Теория государства и права. М., 1997. С. 293.
- ¹² См.: Общая теория государства и права / Под общей ред. проф. В.А. Кучинского. Минск, 2002. С. 442.
- ¹³ См.: Вукот М.А. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968.
- ¹⁴ Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 272.
- ¹⁵ Там же. С. 272.
- ¹⁶ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 166-167.
- ¹⁷ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 645.
- ¹⁸ Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001. С. 81.
- ¹⁹ Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 5.
- ²¹ Там же. С. 16.
- ²² Там же. С. 20.
- ²³ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 49.
- ²⁴ Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1899. С. 85.
- ²⁵ Там же. С. 85.
- ²⁶ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юриздат, 1947. С. 29-32.
- ²⁷ Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 30.
- ²⁸ Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1965. С. 39.
- ²⁹ Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 112.
- ³⁰ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1913. С. 577.
- ³¹ Там же. С. 577 - 578.
- ³² Гражданский процесс / Под ред. С.Н. Абрамова. М., 1948. С. 86.
- ³³ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 277.
- ³⁴ Зейдер Н.Б. Указ. соч. С. 42.
- ³⁵ Там же. С. 54-55.
- ³⁶ Гражданский процесс: Учебник / Под ред. проф. М.К. Треушникова. М., 2001. С. 103.
- ³⁷ Гусев В.Г. Гражданская процессуальная правоспособность: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 13-14.

- ³⁸ Гусев В.Г. Указ. соч. С. 48.
- ³⁹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 116.
- ⁴⁰ Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 76-77 (автор главы – М.С. Шакарян).
- ⁴¹ Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 36.
- ⁴² Гусев В.Г. Указ. соч. С. 22-23.
- ⁴³ Зейдер Н.Б. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Осокина Г.Л. Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁶ ГПК РФ не содержит легального определения гражданской процессуальной правоспособности, поэтому мы пользуемся дефиницией, закреплённой в ст. 31 ГПК РСФСР. – Е. М.
- ⁴⁷ Гусев В.Г. Указ. соч. С. 24.
- ⁴⁸ Там же. С. 27.
- ⁴⁹ Там же. С. 28.
- ⁵⁰ Там же. С. 23-24.
- ⁵¹ Гражданский процесс / Под ред. доц. С. Н. Абрамова. М., 1948. С. 88.
- ⁵² Викут М.А. Стороны - основные лица искового производства. Саратов, 1968. С. 103.
- ⁵³ Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. М., 1913. С. 582.
- ⁵⁴ Там же. С. 582.
- ⁵⁵ Там же. С. 582.
- ⁵⁶ Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1899. С. 85.
- ⁵⁷ Зейдер Н.Б. Указ. соч. С. 45.

Тема 2.

Понятие и правовая природа процессуальных прав сторон в гражданском судопроизводстве

Нашей задачей является определение понятия субъективных гражданских процессуальных прав сторон, а также исследование вопроса их классификации и специфики реализации. Для этого напомним, что обладание комплексом прав стороны – это

качество субъекта гражданского процессуального правоотношения. В начале настоящей работы мы указывали, что одной из главных характеристик таких отношений является правовая форма их существования. Следствием этого является строгая определенность прав и обязанностей субъектов гражданских процессуальных правоотношений, закрепленных в нормах гражданского процессуального права. Еще А.Х. Гольмстен отмечал, что «юридической связью субъектов процессуального отношения с его объектами являются права и обязанности»¹.

Понятие «гражданское процессуальное право» невозможно определить без общего понятия права как такового.

Права человека формировались из многократно воспроизводимых актов деятельности людей, повторяющихся связей и устойчивых форм отношений. В процессе человеческой деятельности, включающей множество индивидов со своими потребностями, целями, неизбежно столкновение и противоборство их интересов. Однако при всем разнообразии поступков участников общественного взаимодействия кристаллизуются определенные устойчивые нормы, эталоны, ценности, которые способны упорядочивать этот процесс, сочетать интересы различных индивидов в рамках исторически складывающегося бытия с его способом производства, духовной культурой, государственностью. Каждый человек имеет притязания на определенный объем благ и условий жизни (материальных и духовных), получению которых должны содействовать общество и государство. Эти блага условно могут быть названы правами человека².

Трудно, однако, согласиться с тем, что именно блага (материальные и духовные) следует именовать правами. Представляется, что упомянутые блага есть объекты тех или иных прав. Кроме того, вызывает возражение употребление термина «притязание». «Притязание» - означает действие, требование, претензия, т.е. активно реализуемая волевая деятельность субъекта. Между тем право – это не всегда одновременно и волеизъявление. Человек, обладая всем комплексом гражданских и гражданских процессуальных прав, в течение жизни может не воспользоваться большинством из них. Поэтому правильнее будет говорить, что право – есть возможность притязания на обладание определенными благами.

М.Н. Марченко пишет: «К настоящему времени в отечественной и зарубежной научной литературе выработано множество различных определений права. И все они (не считая субъективных, умозрительных построений) в той или иной степени адекватно отражают реальную правовую действительность. Однако трудность выработки устойчивого, а тем более «всеобщего» понятия, охватывающего все стороны правового бытия, заключается прежде всего в сложности, многоуровневости и сильной подвижности во времени (различные эпохи) и пространстве (различные страны и правовые культуры) правовой материи»³.

Он указывает, что еще римские юристы, пытаясь понять, что такое право и какова его роль в жизни общества, обращали внимание на то, что оно не исчерпывается одним каким-либо смыслом. Право употреблялось по меньшей мере в двух смыслах. Во-первых, право – это то, что «всегда является справедливым и добрым», т.е. естественное право. Во-вторых, право – это то, что «полезно всем или многим в каком-либо государстве, каково гражданское право»⁴.

М.Н. Марченко раскрывает сущность основных подходов в определении понятия «право»: «Если сравнивать определения понятия права и подходы к его изучению, характерные для советского периода, с определениями понятия права и подходами к его познанию в постсоветский период, то нетрудно заметить,

что важнейшей особенностью тех и других подходов является или категоричное признание, или столь же решительное отрицание классового характера права. Первые строятся на строго классовых постулатах, на представлении о государстве и праве как средствах, орудиях в руках господствующего класса или классов. Вторые же, молчаливо отвергая классовость, апеллируют к общечеловеческим ценностям и интересам или же к «общим и индивидуальным интересам населения страны»⁵.

Автор понимает право как «систему общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни»⁶.

Л.И. Спиридонов считает, что предпосылками права были, во-первых, правила, которые сложились и функционировали в человеческом сообществе в виде обычаев; во-вторых, появление обмена как средства объединения людей в новый тип общества и, следовательно, замена личных отношений родства общественными; личная свобода как первое условие товарообмена, подлежащее юридической защите, и частная собственность – второе условие существования рынка, которое требует правового закрепления и охраны, равенство участников рыночных связей. Таким образом, рынок, по мнению Л.И. Спиридонова, есть предпосылка возникновения права в его развитых формах⁷.

Говоря о признаках права, Л.И. Спиридонов отмечает его «нормативность, общеобязательность и обеспечение реализации возможностью государственного принуждения»⁸.

М.И. Абдулаев указывает, что «термин «право» во всех языках мира довольно многозначен, поэтому так или иначе отражает многообразные проявления этого многостороннего и, можно сказать, многоликого феномена общественной жизни»⁹.

Ученый пишет, что «в обыденной жизни нередко право сводят к законам государства»¹⁰. И далее: «Нетрудно понять, что в таком отождествлении права и закона, приказа «свыше» все-

гда заинтересованы те, кто осуществляет власть. ... На практике трактовка права как норм, установленных государством, т.е. якобы им порожденных и от него зависимых, постоянно приводит и приводит к оправданию любых актов государственной власти, законов, санкционирующих произвол со стороны тех, кто политически господствует, вне зависимости от того, идет ли речь об элите, бюрократии, партии или диктаторе. Сводя право к закону, мы, по существу, можем оказаться среди тех, кто оправдывает произвол»¹¹.

М.И. Абдулаев делает следующий вывод: «Право возникает только тогда, когда признается свободная автономная личность, ее права и свободы, права и свободы малых народов и национальных меньшинств, а значит и разнообразие в человеческом обществе. Поэтому право есть равная мера для всех»¹².

С.А. Комаров пишет: «Право есть особая система норм, которая возникает на известной, весьма ранней ступени развития общества в силу потребности охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Право возникает вместе с государством, неразрывно с ним связано, является результатом его деятельности при сложившихся экономических и классовых условиях. С появлением государства формируются новые правила поведения, неизвестные прежде обществу (новые обычные нормы, которые более конкретны в отличие от старых)»¹³.

С.Н. Егоров, рассуждая о сущности понятия «право», указывает: «Первый признак, который приходит в голову, это то, что право выражает собой правила, которые либо обязывают, либо запрещают что-то делать. ... Со словом «право» мы интуитивно связываем некое, исходящее извне повеление, предписание совершения или, наоборот, запрета каких-либо действий, т.е. обязанность. При этом всякая обязанность, как одна сторона медали, подразумевает наличие другой стороны – чьего-либо права. Отсутствие одной из сторон делает бессмысленным суще-

ствование другой. Нет должника без кредитора, как нет и кредитора без должника. Нет права собственности, если некому посягнуть на это право. Следовательно, право может существовать только в совокупности разумных существ, т.е. в обществе. ... С другой стороны, общество разумных существ не может существовать без права. Невозможно представить себе такое собрание людей, в котором никто не признавал бы за своим соседом никаких прав, в том числе ни права на жизнь, ни права на имущество и т.п. ... Говоря о человеческом обществе, мы подразумеваем, что оно состоит из разумных и свободных граждан. Разумных в том смысле, что каждый из них в состоянии, как минимум, понять обращенное к нему требование. Свободных только в том смысле, что каждый из них обладает внутренней свободой, свободой выбора соблюсти или нарушить чужое право. ... Именно внешняя свобода является важнейшим элементом права, без которого оно существовать не может. ... Право – это внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой»¹⁴.

Существует мнение, что «в правах и обязанностях не только фиксируются образцы, стандарты поведения, которые государство считает обязательными, полезными, целесообразными для нормальной жизнедеятельности социальной системы, но и раскрываются основные принципы взаимоотношений государства и личности»¹⁵.

Как видно, основные точки зрения по вопросу определения понятия «право», высказанные в литературе, принципиально различаются по субъекту формирования права. Так, одни ученые полагают, что право создает, закрепляет и обеспечивает государство; другие склоняются к тому, что сама природа бытия наделяет человека с рождения комплексом «естественных», неотчуждаемых прав, что не всякое веление государства потому является правом.

Теория естественных прав человека, обоснованная еще Ж-Ж Руссо, безусловно, очень демократична и привлекательна с точки зрения своей исчерпывающей правовой природы. Однако, на наш взгляд, она страдает существенным недостатком,

который заключается в том, что, исходя из ее положений, невозможно определить конкретные неотчуждаемые права человека. Связано это с тем, что, во-первых, неясно, какие права существуют в действительности. Кроме права на жизнь и свободу, трудно определить, на что еще человек имеет право просто в силу своего рождения. Допустим, право частной собственности можно с успехом отнести к естественным правам, но в то же время его реализация может существенно ограничить аналогичное право другого человека. Во-вторых, неясна природа возникновения естественных прав человека, следовательно, неясен механизм их защиты. В качестве иллюстрации можно обратиться к «вечной» дискуссии об институте смертной казни. Как известно, противники ее применения в качестве аргумента, подкрепляющего свою позицию, используют тезис о том, что государство не вправе лишать человека жизни, т.к. право на жизнь есть естественное право, дарованное не государством, а самой природой.

Таким образом, следует признать, что теория естественных прав человека, представляя несомненную ценность с общетеоретической точки зрения, не может использоваться в целях выработки единого, устойчивого понятия права.

Государство, как политический институт, призвано обеспечивать общественный порядок путем установления общеобязательных правил поведения, государство — единственный субъект права, который обладает возможностью творить право. Изданный законодательным органом государства абсолютно любой закон, даже такой, который будет разрешать гражданам убивать друг друга, будет законом, обеспечивающим соответствующее право. И только тогда, когда этот закон будет отменен, перестанет существовать право. Отменен же закон может быть лишь правящим институтом, т.е. государством — этим или другим, созданным после свержения первого. Именно государство обеспечивает право, устанавливая соответствующие обязанности; право всегда выступает в виде пары «право-обязанность», независимо от того, идет ли речь об отдельном правоотношении или о праве в целом¹⁶.

Право, на наш взгляд, есть санкционированная государством возможность притязания на обладание определенным материальным либо нематериальным благом, закрепленная в правовых нормах от имени государства и обеспечиваемая его принудительной силой.

Говоря о гражданских процессуальных правах, часто ограничиваются простым их перечислением и не дают всеобщего понятия. В частности, Е.В. Васьковский писал: «Закон предоставляет тяжущимся целый ряд процессуальных прав»¹⁷.

А.А. Мельников определял субъективное гражданское процессуальное право как установленную и обеспеченную нормами гражданского процессуального законодательства и готовую к немедленному осуществлению возможность участника гражданского процесса действовать определенным образом и требовать определенных действий от суда и через суд от иных участников процесса в собственных, общественных, государственных интересах или интересах других лиц¹⁸.

М.А. Вукот критиковала данное определение, указывая, что «из приведенного определения следует, что суд всегда выступает как носитель процессуальных обязанностей, корреспондирующих процессуальным правам участников гражданского судопроизводства. ... Процессуальным правам участников гражданского судопроизводства всегда корреспондируют процессуальные обязанности суда, которые обуславливаются законом — обязанностью суда как органа государства осуществлять правосудие по конкретному гражданскому делу. Однако суд как субъект различных гражданских процессуальных правоотношений обладает и широким кругом гражданских процессуальных прав. ... Не следует смешивать субъективные процессуальные права суда как субъекта конкретного процессуального отношения с обязанностями суда — органа правосудия — установить истину по делу и осуществить защиту нарушенного (оспоренного) права и охраняемого законом интереса. Эти обязанности составляют содержание другого правоотношения, существующего между судом и государством за пределами производства

по гражданскому делу. Поскольку суд одновременно оказывается субъектом двух правоотношений, его права в гражданском процессуальном правоотношении являются в то же время обязанностями перед государством. ... Нельзя согласиться с тем, что субъективное право — это право требовать определенных действий от суда и через суд от иных участников процесса. ... Поскольку между сторонами не возникают процессуальные правоотношения, стороны не связаны взаимными процессуальными правами и обязанностями»¹⁹.

Представляется, что существует необходимость разработки не одного, а двух понятий субъективного гражданского процессуального права, т.к. право на судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ, одновременно включает в себя целый комплекс гражданских процессуальных прав более частного характера, выводимых из общего, родового понятия гражданского процессуального права.

Мы согласны с мнением М.А. Вукот, которая указывала, что «существуют субъективные гражданские процессуальные права двух видов: особые (общие), составляющие содержание общих правоотношений или, как их называют, «правоотношений первого порядка», и конкретные субъективные процессуальные права, носителями которых являются участники судопроизводства по конкретному делу»²⁰. Соответственно, «право на обращение в суд за судебной защитой в порядке гражданского судопроизводства в любой его разновидности есть особое (общее) субъективное гражданское процессуальное право. ... Субъективное гражданское процессуальное право участника гражданского судопроизводства — это установленная и гарантированная гражданским процессуальным законодательством возможность одной стороны в гражданском процессуальном правоотношении действовать в личных, государственных, общественных интересах или интересах других лиц и требовать соответствующего поведения от другой стороны в правоотношении»²¹.

Мы признаем справедливость предложенной М.А. Вукот классификации субъективных гражданских процессуальных

прав и предлагаем определение понятия «гражданское процессуальное право» в двух смыслах – широком (общем) и узком (конкретном). Поскольку субъективные гражданские процессуальные права принадлежат не только сторонам в процессе, но и другим участникам гражданского судопроизводства, необходимо, на наш взгляд, выработать определение более общего характера, чем это сделала М.А. Видух.

Исходя из выведенного нами выше общего определения права, следует признать, что гражданское процессуальное право в широком смысле – это возможность субъективного притязания на судебную защиту материальных и нематериальных прав, закрепленное в законодательстве РФ и обеспечиваемое принудительной силой государства.

Гражданское процессуальное право в конкретном (или в узком) смысле – это возможность притязания на определенный порядок судебной защиты материальных и нематериальных прав, закрепленное в законодательстве РФ и обеспечиваемое принудительной силой государства.

Можно дать и общее определение гражданского процессуального права, ассимилирующее оба данных определения.

Гражданское процессуальное право есть определенная в законе возможность притязания на судебную защиту, осуществляемую в установленном законом порядке, гражданских прав и законных интересов, гарантированная и обеспечиваемая государством.

Прежде чем перейти к вопросу классификации гражданских процессуальных прав, считаем необходимым подчеркнуть специфику их реализации.

Существенной особенностью реализации ряда гражданских процессуальных прав является такое их качество, как диспозитивность.

По общему правилу, субъективное право предполагает свободное распоряжение таковым и установленную законом защитой. Для осуществления защиты нарушенного права участникам процесса должно быть обеспечено беспрепятственное пользо-

вание предоставленными им законом правовыми возможностями. Это обеспечивается благодаря принципу диспозитивности, занимающему наиболее существенное и значимое место в системе основных идей гражданского процессуального права.

Несмотря на то, что гражданский процесс — это судебное производство частноправового характера, большей частью зависящее от воли участвующих в нем сторон, процесс постепенного возрождения прежних частноправовых процессуальных принципов и общепризнанных стандартов начался только в конце 80-х — начале 90-х годов, с началом демократических преобразований в области политики и экономики в бывшем СССР. В результате этого применение принципа диспозитивности в гражданском процессе существенно расширилось²².

Следует отметить, что диспозитивность присуща не только гражданским процессуальным правам, но и гражданским правам. Пункт 2 ст. 1 ГК РФ гласит: граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

В ГПК РФ, в отличие от ГК РФ, принцип диспозитивности не прописан в тексте отдельной статьи, однако закон буквально «пронизан» духом диспозитивности²³.

Е. В. Васьковский писал: «Отличительная черта гражданских прав состоит в том, что они предоставлены в полное распоряжение своих обладателей. ... Каждый волен осуществлять свое частное право или не осуществлять, сохранять его за собою или отречься от него, требовать признания его обязанными лицами или мириться с неисполнением ими соответствующих его праву обязанностей. Государство несколько не заинтересовано в том, чтобы домохозяева взымали наемную плату с квартирантов, а не позволяли им жить в своих домах даром; чтобы литераторы получали гонорар от издателей журналов, а не сотрудничали безвозмездно; чтобы наследники принимали оставленное им наследство, а не отрекались от него. Кто хочет осуществить свое право, должен сам заботиться об этом. ... Из этой частноправовой автономии вытекают по отношению к про-

цессу следующие последствия. Во-первых, если обладатель гражданского права волен совершенно отказаться от него, то тем более он может переносить нарушение своего права другим лицом. Иначе говоря, от самого обладателя права должно зависеть разрешение вопроса, обратиться ли к суду за защитой своего права или молча терпеть его нарушение. Это положение выражается афоризмами: «никто не может быть принужден к предъявлению иска против своей воли» и «нет судьи без истца». ... На том же основании обладателю права предоставляется определять и размер требуемой им от суда защиты. Государству опять-таки безразлично, взыщет ли кредитор с должника всю сумму долга или только часть ее, ибо от кредитора зависит и совсем не требовать уплаты долга. Это положение выражается афоризмом: «суд не должен выходить за пределы требований сторон». ... Затем, если обладатель гражданского права может свободно распоряжаться им до процесса и вне процесса, если он может даже совершенно отказаться от него, то нет основания лишать его такого же свободного распоряжения во время процесса. Поэтому за истцом следует признать право мириться с ответчиком. Наконец, если от обладателя права зависит, добиваться ли его защиты путем процесса, то в его свободном распоряжении должны находиться и те процессуальные средства, которые ведут к достижению этой цели. Он волен начать дело, не начинать его или, начав, прекратить в любой момент. Следовательно, ему должно быть дано также право оспаривать возражения противника или согласиться с ними, обжаловать судебное решение в высшую инстанцию или подчиниться ему, обжаловать его целиком или в части, подать жалобу на решение суда и отказаться затем от нее. ... Это право распоряжения сторон в процессе носит название принципа диспозитивности»²⁴.

М.А. Гурвич принцип диспозитивности гражданского процесса определял как «правило, в силу которого возникновение процесса и дальнейшее его движение зависят от волеизъявлений лиц, обращающихся за судебной защитой своего права или охраняемого законом интереса»²⁵.

Е.В. Васьковский различал принцип материальной диспозитивности и принцип формальной диспозитивности сообразно тому, рассматривается ли он в применении к объекту процесса или к средствам процессуальной борьбы²⁶.

Немецкий процессуалист Гюннер полагал, что характерное, специфическое свойство материального гражданского права — его диспозитивность, т.е. исключительное право уполномоченного носителя субъективного гражданского права свободно распоряжаться своими правами, — исключает возможность государственной защиты, если ее не требует заинтересованная сторона²⁷.

М.К. Треушников пишет, что «принцип диспозитивности отличает по характеру гражданский процесс от уголовного. Принцип диспозитивности заключается в возможности участвующих в деле лиц и в первую очередь сторон распоряжаться своими материальными и процессуальными правами. ... Начало диспозитивности пронизывает все гражданское судопроизводство от возникновения конкретного гражданского дела до исполнительного производства. ... Стороны сами выбирают способ защиты. Суд без обращения к нему с иском (заявлением) заинтересованных лиц не возбуждает гражданского дела. ... Диспозитивность гражданского процесса предопределяется наличием одноименного принципа в регулятивных (материальных) правоотношениях, являющихся объектом судебного рассмотрения и разрешения»²⁸.

А.Т. Боннер пишет: «Принцип диспозитивности — один из наиболее специфичных принципов гражданского судопроизводства. Данный принцип определяет механизм движения гражданского судопроизводства. Он является отражением принципа диспозитивности в цивилистических отраслях права. ... Основным движущим началом гражданского судопроизводства служит инициатива участвующих в деле лиц. ... Таким образом, под принципом диспозитивности следует понимать нормативно-руководящие положения гражданского судопроизводства, определяющие в качестве движущего начала процесса главным образом инициативу заинтересованных в исходе дела лиц»²⁹.

Л.М. Орлова указывает: «Диспозитивность субъективных гражданских и других материальных прав предопределяет диспозитивность гражданского процесса. Решающей для формирования гражданского процессуального права является отрасль гражданского права. Поэтому специфика регулируемых ею общественных отношений является фактором, определяющим принципы гражданского процесса»³⁰.

«Принцип диспозитивности представляет собой нормативно-руководящее положение, пронизывающее всю систему норм гражданского процессуального права, в соответствии с которым возникновение, изменение, развитие и прекращение процесса по конкретному гражданскому делу обуславливаются инициативой сторон и иных заинтересованных лиц, реализуемой в пределах, установленных законом и под контролем суда», — пишет Г.Л. Осокина³¹.

А.А. Ференс-Сороцкий также указывает, что принцип диспозитивности «выявляет связь гражданского процесса с материальным правом»³².

Однако В.А. Рязановский полагает, что применение принципа диспозитивности к гражданскому судопроизводству не создает принципиального различия между гражданским процессом и уголовным и административным процессами, как полагает господствующая доктрина³³.

Отметим мнение Е.Р. Русиновой. Она считает, что «источник диспозитивности гражданского процессуального права не находится в области гражданского (или иного материального) права и диспозитивность гражданского процессуального права самостоятельна от диспозитивности материально-правовой. Источник диспозитивности в гражданском процессе видится в праве на судебную защиту как самостоятельном субъективном праве лица»³⁴.

Е.Е. Бондарева пишет: «Поскольку гражданский процесс представляет собой форму защиты не только гражданских прав, принцип процессуальной диспозитивности не может быть выведен из автономного характера последних»³⁵.

Как видно, большинство ученых указывает на тесную связь гражданской диспозитивности и гражданской процессуальной диспозитивности. Отметим, что, как представляется, это правильно.

Между тем важно, на наш взгляд, разграничивать два самостоятельных понятия, а именно — правовой принцип и метод правового регулирования той или иной отрасли права. Согласно традиционным воззрениям, принцип есть основополагающее начало, фундаментальное положение, основная идея права³⁶. Метод же обычно определяют как способ воздействия права на регулируемые общественные положения. В ряде случаев действительно они совпадают, и метод правового регулирования опирается на принцип права. В частности, это имеет место в цивилистических отношениях. В сфере гражданской юрисдикции субъекты вполне свободны в выборе — осуществлять или не осуществлять свое право, а если осуществлять, то каким образом (вспомним, что стороны договорных отношений вправе самостоятельно регулировать свои взаимоотношения друг с другом и заключать как предусмотренные гражданским законодательством договоры, так и не предусмотренные, а равным образом смешанные договоры). Таким образом, метод гражданского права вполне можно определить как диспозитивный. В сфере гражданского судопроизводства такая свобода ограничена. Лицо, обратившееся к суду за защитой права или охраняемого законом интереса, обязано действовать в соответствии с требованиями гражданской процессуальной формы, одной из черт которой является ее императивность. Следовательно, говорить об императивно-диспозитивном методе гражданского процессуального права можно, но метод его, в отличие от метода гражданского права, более императивный³⁷. Лицо, обратившееся к суду, лишено права выбора, гражданское судопроизводство в Российской Федерации осуществляется в строго установленной законом форме. Все субъекты процесса имеют только те права, которые им предоставлены законом и реализация которых предусмотрена в строгих рамках. Но для отдельных участ-

ников гражданского судопроизводства ГПК РФ допускает возможность диспозитивности поведения, т.е. выбора тех или иных процессуальных средств, вариантов поведения, которые, однако, изложены в законе. М.К. Треушников прямо указывает: «В арбитражном процессе суд, стороны, другие участники могут совершать те действия, которые предусмотрены арбитражными процессуальными нормами»³⁸. Это справедливо применительно не только к арбитражному, но и гражданскому процессу. Видно, что гражданская процессуальная диспозитивность существенно ограничена в сравнении с гражданской диспозитивностью. Если в сфере гражданского законодательства функционирует принцип «разрешено то, что не запрещено», то в сфере гражданского процессуального законодательства — «запрещено то, что не разрешено». Следовательно, метод гражданского процессуального права в большей мере императивный, чем диспозитивный. Принцип же диспозитивности в гражданском процессе имеет строго определенное содержание.

Гражданская процессуальная диспозитивность есть основополагающее начало гражданского процесса, в соответствии с которым определенные участники его (исключение составляют, например, свидетели, эксперты, специалисты) вправе в законодательно установленных случаях сделать выбор в пользу того или другого варианта правового поведения. Число этих вариантов, в отличие от гражданского права, нормативно ограничено. Собственно, оно исчерпывается двумя аспектами: во-первых, право свободного обращения к суду и, во-вторых, право выбора процессуальных средств защиты права, указанных в законе. Свободное обращение к суду за защитой своего субъективного права или охраняемого законом интереса, или диспозитивность гражданского права, и предопределяет относительно свободное распоряжение процессуальными средствами его защиты; последняя свобода, таким образом, есть продолжение первой.

Как видно, диспозитивность гражданского процесса действительно определяется диспозитивностью гражданского права.

Как верно писал С.Н. Абрамов, свобода участников гражданского процесса заключается прежде всего в свободе распоряжения в процессе субъективным гражданским правом³⁹. Диспозитивный метод гражданского права, тождественный принципу гражданской диспозитивности, определяет принцип диспозитивности гражданского процессуального права: субъект вправе приобретать гражданские права, обращаться за их защитой к суду и защищать их наиболее оптимальным, по его мнению, способом, который допускает гражданское процессуальное законодательство. Эта та активность или начало личной инициативы, о которой писал М.А. Гурвич⁴⁰. Однако сама защита прав и законных интересов происходит в жесткой, нормативной гражданской процессуальной форме.

Как мы показали, существует и другая точка зрения, согласно которой гражданская процессуальная диспозитивность не может определяться диспозитивностью материальной. Надо отметить, что данная позиция не нова и активно обосновывалась многими учеными, в частности, Н.Б. Зейдером, Р.Е. Гукасян, П.П. Гуреевым.

Следует учитывать, что гражданское право и гражданское процессуальное право неразрывно связаны между собой; по меткому выражению К. Маркса, процесс есть форма жизни права. Действительно, не будь гражданского (в широком смысле) права как объекта защиты, не нужен был бы и гражданский процесс. В свою очередь, если бы не была предусмотрена возможность каждого отстоять в судебном порядке свои гражданские права и потребовать их принудительного осуществления, не было бы, по сути, самого права, как верно писал еще в XIX в. видный российский ученый Е.В. Васьковский. Таким образом, нельзя, на наш взгляд, отрицать очевидное — то, что положения гражданского права и положения гражданского процесса находятся в теснейшей связи и постулаты первого определяют природу второго. Причем аналогичная ситуация складывается и между уголовным правом и уголовным процессом; административным правом и административным процессом. Иначе го-

вора, объект судебной защиты определяет правила его защиты, т.е. правила судопроизводства.

В самом деле, если бы, исходя из духа субъективного гражданского права, обязанность осуществить в случае необходимости принадлежащее X. право частной собственности лежала на Z., то, очевидно, Z. также был бы обязан защищать в суде право собственности X. Однако, согласно положениям ГК РФ, каждый приобретает и осуществляет свои гражданские права своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Значит, и защищать свои гражданские права каждый может и должен своей волей и в своем интересе. Следовательно, гражданский принцип диспозитивности (и диспозитивный метод правового регулирования гражданских правоотношений) определяет принцип диспозитивности гражданского процессуального права.

Действительно, любая правовая возможность может обеспечиваться двумя путями: во-первых, обязанностью других лиц и, во-вторых, собственными действиями правонаделенного субъекта. Например, право на жизнь обеспечивается обязанностью других субъектов воздерживаться от посягательств на объект права непосредственного его обладателя. При этом сам правообладатель вправе самостоятельно распоряжаться объектом своего права, т.е. своей собственной жизнью. Практически все, что относится к сфере уголовного права, характеризуется тем, что права в данной области обеспечиваются действиями (бездействием) других лиц. Напротив, сфера частного, гражданского права специфична тем, что реализация гражданских прав ставится в прямую зависимость от действий самого правообладателя. Иными словами, никто не обязан предпринимать никаких мер для того, чтобы N. стал собственником имущества. Только собственными волевыми действиями N. может реализовать свое право частной собственности. Это справедливо, т.к. прожить жизнь без собственного имущества, вероятно, возможно, а вот прожить жизнь без жизни, здоровья, свободы — затруднительно. Аналогично приведенному примеру никто не обязан обратиться в суд с иском к X., если X. нарушил право Y., Y. сам должен сделать это, если посчитает необходимым.

На наш взгляд, диспозитивность гражданского процесса, понимаемая в качестве единого понятия, включает в себя два аспекта: право выбора варианта поведения в допроцессуальных отношениях (иначе говоря, обращаться ли к суду) и право распоряжения процессуальными средствами защиты права (иначе говоря, как защищать свое право в суде)⁴¹. Можно утверждать, что гражданская процессуальная диспозитивность есть право отдельных участников процесса (в первую очередь речь, конечно, идет о сторонах) свободно распоряжаться субъективным гражданским правом (предметом судопроизводства) в законодательно очерченных границах.

Таким образом, принцип диспозитивности выполняет прикладную роль по отношению к гражданскому процессуальному праву, он конкретизирует его смысл и означает право субъекта реализовать ту или иную правовую возможность в случае такой необходимости. Поэтому значение принципа диспозитивности трудно переоценить.

Необходимо отметить, что принцип диспозитивности относили к безусловным началам судопроизводства еще в начале XX века, но уже тогда гражданские процессуалисты понимали, что полная свобода распоряжения процессуальными правами, несмотря на характер судопроизводства, в большинстве случаев повлечет нарушение прав других лиц, участвующих в деле. Поэтому в качестве золотой середины была определена позиция, в соответствии с которой право свободного распоряжения сторон в процессе строго очерчено определенными границами, внутри которых свобода реализации этого права абсолютна⁴².

Например, Е.В. Васьковский писал: «Принцип диспозитивности принадлежит к числу безусловных и непреложных начал гражданского процесса. ... Но безусловность не обозначает беспредельности»⁴³.

А.Г. Плешанов указывает: «Государство заинтересовано в организации процесса. Оно не может допустить, чтобы гражданский процесс служил только формальной истине, чтобы правосудие, этот оплот правопорядка, расходилось с задачами

правопорядка и было подчинено интересам отдельных лиц. Обладателю субъективного гражданского права принадлежит автономия в распоряжении своим правом до процесса, но если он обратился к суду, то и должен считаться с организацией процесса, созданной государством не только в его личных интересах, а прежде всего в интересах целого, в интересах всего государства. А интересы целого требуют, чтобы процесс служил целям охраны правопорядка, раскрытия материальной истины. Таким образом, от интересов субъекта права зависит, обратиться или нет к суду, далее уже дело государства — организовать процесс наиболее целесообразно для охраны правопорядка»⁴⁴.

М.К. Треушников отмечает: «Свобода действий сторон, но в пределах закона, в регулятивных отношениях определяет и сущность принципа диспозитивности гражданского процесса»⁴⁵.

В.А. Рязановский также считает, что «принцип диспозитивности нельзя рассматривать как безусловное и непреложное начало процесса, вытекающее из сущности гражданских прав, не допускающее отступлений без воли заинтересованных сторон»⁴⁶. Это утверждение представляется верным, однако традиционный подход к ограничению принципа диспозитивности, как мы покажем далее, зачастую приводит к нарушению основ диспозитивности гражданского процесса.

Е.Р. Русинова диспозитивность определяет как «свободный выбор лицами, защищающими свои права, свободы и законные интересы, вариантов поведения, связанных с приобретением, осуществлением процессуальных прав и распоряжением ими, в пределах, установленных гражданским процессуальным законом»⁴⁷.

Таким образом, гражданская процессуальная диспозитивность как право субъекта гражданского процесса свободно распоряжаться объектом судебного разбирательства и процессуальными средствами его защиты законодательно ограничивается необходимостью соблюдения прав других лиц и положений действующего законодательства.

В литературе широко распространена классификация гражданских процессуальных прав сторон на общие и специальные (распорядительные)⁴⁸.

Общие гражданские процессуальные права сторон получили такое наименование потому, что принадлежат не только сторонам, но и всем другим участникам процесса. К ним относятся: право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам; заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств, давать объяснения суду в устной и письменной форме, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле; обжаловать судебные постановления и использовать предоставленные законодательством о гражданском судопроизводстве другие процессуальные права (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Специальные (распорядительные) гражданские процессуальные права могут принадлежать только сторонам гражданского процесса, характеризуя их как лиц, имеющих юридическую заинтересованность в деле. К ним относятся: право истца изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска; право ответчика признать иск; право сторон окончить дело мировым соглашением (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ).

В контексте рассмотрения данной классификации отметим, что вследствие специфики юридической заинтересованности в деле сторон производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, заключающейся в том, что она может носить только процессуально-правовой характер, а также вследствие специфики материально-правовой природы предмета судебного разбирательства круг гражданских процессуальных прав сторон производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, несколько сужен. В частности, отказ лица, обратившегося в суд, от своего требования не влечет за собой прекращение производства по делу. Признание требования органом государственной власти, органом местного самоуправле-

ния или должностным лицом, принявшим оспариваемый нормативный правовой акт, для суда необязательно (п. 3 ст. 252 ГПК РФ).

Отметим, что приведенная классификация не вызывает у нас возражений.

Остановимся лишь на условиях реализации сторонами распорядительных прав и соотношении данных условий с принципом диспозитивности гражданского процесса.

Пункт 2 ст. 39 ГПК РФ гласит: суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц. Таким образом, реализация ряда распорядительных прав сторон ставится законодателем в зависимость от усмотрения суда. Последний не допускает реализацию данных прав в двух случаях: 1) если это противоречит закону и 2) если это нарушает права и законные интересы других лиц.

В отношении первого условия реализации сторонами распорядительных прав трудно возражать, т.к. это обусловливается ограниченным характером гражданской процессуальной диспозитивности и вполне согласовывается с функциями суда по укреплению законности и правопорядка (ст. 2 ГПК РФ).

Что касается второго условия реализации сторонами распорядительных прав, то оно представляется не вполне соответствующим принципу диспозитивности гражданского процесса.

В том случае, если истец отказывается от иска, ответчик признает иск или стороны желают окончить дело мировым соглашением, а суд, в свою очередь, не принимает отказ от иска, признание иска или не утверждает мировое соглашение по мотиву нарушения реализацией данного распорядительного действия прав и законных интересов других лиц, имеет место иное понимание принципа диспозитивности в том его выражении, которое Е.В. Васьковский определял формулой «нет судьи без истца».

Когда истец отказывается от иска или ответчик признает иск, сторона желает выйти из процесса, окончить его. И если суд не позволяет ей этого сделать, то, по сути, инициатором граждан-

ского судопроизводства становится сам суд, принуждающий сторону далее участвовать в тяжбе. Таким образом, суд в данном случае, во-первых, как бы сам инициирует процесс, во-вторых, тогда, когда суд делает вывод о том, что реализацией определенного распорядительного действия стороной нарушаются права и законные интересы других лиц, он в принудительном порядке, невзирая на соображения того лица, чьи права и законные интересы якобы нарушаются, защищает права и интересы данного лица, что, на наш взгляд, не вполне соответствует ст. 3 ГПК РФ, которая предусматривает, что судебная защита прав и законных интересов лица осуществляется по его воле. Допустим ситуацию, когда гражданин предъявляет иск в суд о признании права собственности на недвижимое имущество. В ходе процесса сам истец приходит к выводу о том, что заявленные им требования необоснованны, и решает отказаться от иска. Однако на иждивении истца находится нетрудоспособный супруг. Безусловно, если бы истец добился удовлетворения своего требования, последний также мог бы рассчитывать на проживание в присужденной квартире и пользование ею. Таким образом, суд вполне может посчитать, что отказ от иска нарушает права нетрудоспособного супруга.

Между тем очевидно, что лица, права и законные интересы которых нарушены реализацией распорядительных прав той или иной стороной, в соответствии с принципом процессуальной диспозитивности должны сами искать защиты своего права. Возлагать эту обязанность на суд — значит не вполне следовать принципам диспозитивности, состязательности и равноправия сторон.

Таким образом, нельзя безоговорочно принять существующую правовую ситуацию, при которой отказ от иска — это осуществляемое под контролем суда одностороннее волеизъявление истца, направленное на ликвидацию процесса⁴⁹.

М. Тупчиев указывал: «Термин «отказ от иска» имеет два существенно отличных содержания: с одной стороны — это отказ от продолжения процесса, и в этом смысле указанный термин

является понятием только процессуальным; с другой — он может включать в себя (правда, не всегда), наряду со стремлением к ликвидации процесса, и отказ от субъективных прав, т.е. в этом случае отказ от иска является понятием не только процессуальным, но и материально-правовым»⁵⁰.

На наш взгляд, термин «отказ от иска» является строго процессуальным, т.к. отказ от судебной защиты права означает для государства отказ лица от права (истец, отказавшись от иска, лишается права на обращение в суд за защитой этого права вторично). Действительно, правообладатель вне стен суда может требовать от обязанной стороны исполнения своих обязательств, но такое требование уже не может быть обеспечено принудительной силой государства, а значит, исходя из выведенного нами выше определения права, не может признаваться таковым. Таким образом, отказ истца от иска есть в первую очередь отказ от субъективного права и далее — от его судебной защиты. То же касается признания иска.

Заключение сторонами мирового соглашения — еще одно предусмотренное гражданским процессуальным законодательством распорядительное право сторон. Согласно ГПК РФ, реализация его также подконтрольна суду.

«Мировые судебные сделки — это соглашения сторон о прекращении на определенных условиях спора, заключенные в суде, утвержденные судом и приобретающие после этого силу судебного решения», — указывал К. Анохин⁵¹.

М. Тупчиев мировое соглашение рассматривал как «двустороннюю сделку, совершаемую в судебном процессе»⁵². По его мнению, в отличие от отказа от иска мировое соглашение сторон всегда содержит в себе элементы процессуальные и материально-правовые, т. е. оно направлено не только к прекращению процесса, но и к ликвидации возникшего спора⁵³.

Л.М. Орлова понимала мировое соглашение как «сделку о ликвидации находящегося на рассмотрении суда спора о гражданском праве, которая заключается в судебном заседании и утверждается судом»⁵⁴.

М. Тупчиев писал: «Суды отказ от иска нередко понимают как мировое соглашение. Одной из распространенных ошибок, которую допускают суды, является прекращение производства по делу якобы в связи с примирением сторон, в то время как имеет место признание иска ответчиком»⁵⁵.

К. Анохин указывал, что «роль суда, получившего заявление о достигнутом мировом соглашении, не должна быть сведена к простой регистрации факта достижения соглашения. Получив заявление о достигнутом мировом соглашении, суд обязан проверить как мотивы, так и условия (содержание) мировой сделки. Суд обязан удостовериться: не вредит ли эта сделка явно интересам государства, не заключена ли она в нарушение или в обход закона, не ущемляются ли права одной из сторон или третьих лиц, не носит ли она фиктивный характер с целью заключения, под видом мировой сделки, незаконной сделки и т.п. Только после этого суд может утвердить мировую сделку и прекратить производство по делу. ... Если же суд придет к выводу, что мотивы и условия мирового соглашения противоречат закону или ущемляют права одной из сторон, он должен отказать в утверждении такой сделки и рассмотреть дело по существу спора»⁵⁶.

Р.Е. Гукасян также отмечал, что «принимая меры к мирному урегулированию спорного вопроса, суд способствует решению спора на взаимоприемлемых для сторон условиях»⁵⁷.

На наш взгляд, помимо того, что при отказе суда в утверждении мирового соглашения наступают процессуальные последствия, идентичные последствиям непринятия судом отказа от иска и признания иска, т.е. процесс продолжается вопреки воле сторон; положение, при котором суду подконтрольны судебные мировые сделки, противоречит принципу свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Бесспорно, что мировое соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, т.е. сделку.

А.Д. Корецкий указывает, что «несмотря на распространенность термина «договор», в юридической науке отсутствует еди-

ный подход к определению его понятия, свойств и природы»⁵⁸. Он выделяет юридические договоры, т.е. такие, в которых «личный интерес как бы «укладывается» в «прокрустово ложе» юридической нормы и видоизменяется согласно ее требованиям»⁵⁹, и фактические договоры, которые «отражают личные представления своих участников о должном, правильном, справедливом, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с представлениями законодателя на этот счет»⁶⁰.

Законодатель, как видно, требует от сторон заключения именно юридического договора, т. е. совершения сделки, полностью подчиняющейся требованиям законодательства. Это справедливо⁶¹.

Нельзя, однако, согласиться с указанным выше мнением К. Анохина о том, что суд обязан проверить мотивы и тем более условия мировой сделки. Судебный контроль должен заканчиваться тогда, когда стороны соблюли соответствующую правовую форму договора. Кроме того, непонятно, каким образом суд проверяет мотивы заключения сторонами мирового соглашения. Вероятно, суд при этом руководствуется внутренним убеждением. При этом в том случае, когда суд ошибочно полагает, что одна из сторон заключила мировое соглашение под влиянием заблуждения, угрозы и т.д., обе стороны, желающие окончить процесс, вынуждены претерпевать неблагоприятные последствия – мировой договор не вступил в силу, процесс продолжается. Что касается условий заключения договора, то стороны самостоятельно их определяют и, как представляется, не должны ни перед кем в этом отчитываться.

Таким образом, следует согласиться с мнением О.А. Папковой: «Определение пределов судейского усмотрения – проблема предотвращения злоупотребления суда соответствующим правом. ... Пределы применения усмотрения судьей при рассмотрении конкретного гражданско-правового спора составляют: а) предписания закона; б) обстоятельства дела; в) правила толкования норм права; г) начала целесообразности; д) категория справедливости»⁶². Причем «справедливость выступает в качестве предела судейского усмотрения»⁶³.

Нельзя не отметить другой основополагающий принцип гражданского процесса – равноправие сторон – и, соответственно, тот факт, что истец и ответчик в процессе обладают равными гражданскими процессуальными правами.

Право на судебную защиту, как справедливо отметила Г.В. Молева, идентично для истца и для ответчика⁶⁴.

«К процессуальным средствам защиты ответчика в процессуальной теории относят возражения и встречный иск», – указывает Г.В. Молева⁶⁵.

Отметим, что иногда говорят об отрицании как о средстве защиты прав ответчика, однако, на наш взгляд, отрицание является внутренней составляющей возражения либо его упрощенной формой.

«По вопросу о понятии встречного иска существует в основном единое мнение, согласно которому встречный иск – это тот же иск, но заявленный ответчиком в уже возникшем процессе с целью защиты против иска или просто для совместного рассмотрения с первоначальным иском. В отношении же понятия возражения в юридической литературе нет не только единого, но и сколько-нибудь определенного мнения», – писала Л.Анисимова⁶⁶.

Однако многие ученые разделяют мнение о том, что возражения могут носить как материально-правовой, так и процессуальный характер. Материально-правовые возражения ответчика направлены против исковых требований. Процессуально-правовые возражения имеют своей целью опровергнуть правомерность процесса, его возникновения, продолжения⁶⁷.

Л. Анисимова возражения ответчика определяет как требования об отклонении судом иска вследствие отсутствия условий для возникновения процессуального отношения между судом и спорящими сторонами или отсутствия условий для возникновения и развития самого спорного материального правоотношения, из которого истец выводит свои исковые требования⁶⁸.

Таким образом, можно предложить классифицировать гражданские процессуальные права сторон на права истца (право отказаться от иска, изменить предмет или основание иска, уве-

личить или уменьшить искивые требования), права ответчика (право предъявить встречный иск, заявлять возражения против иска) и права, общие как для истца, так и для ответчика (право на судебную защиту, право заключить мировое соглашение, права, перечисленные в п. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Приведем также классификацию гражданских процессуальных прав сторон, предложенную еще Е.В. Васьковским. Он предлагал права сторон разделить на две группы. В одну входят те, которые заключаются в возможности влиять своими волеизъявлениями на деятельность суда и, следовательно, судьбу процесса, в другую – те, которые направлены на содействие суду при исполнении им своих функций по производству дела⁶⁹. Но она достаточно спорна, в частности, потому, что Е.В. Васьковский не признавал существование обязанностей у сторон гражданского процесса.

Подводя итог этой части работы, отметим, что гражданское процессуальное право (как субъективная категория) есть определенная в законе возможность притязания на судебную защиту, осуществляемая в установленном законом порядке, гарантированная и обеспечиваемая государством. Характеризуя права сторон в любом виде производства, невозможно обойти вниманием вопрос о том, в рамках какой процессуальной формы реализуются указанные права. На наш взгляд, главным, определяющим моментом здесь является форма, очерченная рамками диспозитивного (по выражению М.А. Гурвича, двигательного) начала в гражданском процессе. Мы полагаем, что принцип диспозитивности в гражданском процессе определяется одноименным гражданско-правовым методом и принципом. Диспозитивность гражданского процесса есть смысловой, т.е. не закрепленный прямо в тексте закона, а вытекающий из смысла всей совокупности гражданско-процессуальных норм, принцип гражданского процессуального права. Он выполняет прикладную роль по отношению к субъективному гражданскому процессуальному праву, конкретизирует его смысл и означает право субъекта свободно распоряжаться субъективным правом, служащим предметом судебного разбирательства.

Диспозитивность гражданского процесса, понимаемая в качестве единого понятия, включает в себя два аспекта: право выбора варианта поведения в допроцессуальных отношениях (иначе говоря, обращаться ли к суду) и право свободного распоряжения процессуальными средствами защиты права (иначе говоря, как защищать свое право в суде). Таким образом, принцип гражданской процессуальной диспозитивности влияет, во-первых, на право субъекта распоряжаться субъективным гражданским (в широком смысле) правом путем обращения за его защитой к суду; во-вторых, на право субъекта самостоятельно избирать вариант судебной защиты своего права в случае реализации первого правомочия, а также вариант поведения во время разбирательства дела. Следует признать справедливость классификации гражданских процессуальных прав сторон на общие и специальные (распорядительные). Можно также предложить классифицировать права сторон на права истца (право отказаться от иска, изменить предмет или основание иска, увеличить или уменьшить исковые требования), права ответчика (право предъявить встречный иск, заявлять возражения против иска) и права, общие как для истца, так и для ответчика (право на судебную защиту, право заключить мировое соглашение, а также права, перечисленные в п. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Вопросы для самопроверки

1. Дайте определение субъективного гражданского процессуального права.
2. Что представляет собой диспозитивное начало гражданского процесса?
3. Классифицируйте гражданские процессуальные права сторон.

Примечания

¹ Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Типография М. Меркушева. Невский пр., № 8, 1907. С. 129.

- ² Права человека: Учебник для вузов / Под ред. Е.А. Лукашевой. М.: НОРМА, 2003. С. 13.
- ³ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. М., 2001. С. 319-320.
- ⁴ Там же. С. 320.
- ⁵ Там же. С. 328.
- ⁶ Там же. С. 331-332.
- ⁷ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 83-87.
- ⁸ Там же. С. 97.
- ⁹ Абдулаев М. И. Теория государства и права. СПб.: ПИТЕР, 2003. С.109.
- ¹⁰ Там же. С.110.
- ¹¹ Там же. С. 110-111.
- ¹² Там же. С. 114-115.
- ¹³ Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. М., 1997. С. 36.
- ¹⁴ Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001. С. 74-79.
- ¹⁵ Права человека: Учебник для вузов / Под ред. Е.А. Лукашевой. М.: НОРМА. 2003. С. 91 (автор главы – И.А. Ледях).
- ¹⁶ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. С. 98.
- ¹⁷ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 176.
- ¹⁸ Мельников А.А. Субъективные права участников гражданского процесса // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 40.
- ¹⁹ Вукот М.А. Субъективные гражданские процессуальные права: Понятие и виды // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж: Межвуз. научн. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С.4-7.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 11-12.
- ²² Михеева Е. Без истца нет суда. Реализация принципа диспозитивности в отечественном гражданском процессе // Internet. <http://www.yurpractika.com/article.php?id=10001204>.
- ²³ Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. С. 34.
- ²⁴ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 95-97.
- ²⁵ Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. С. 18.
- ²⁶ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. С. 95-97.
- ²⁷ Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Изд-во «НОРМА», 2002. С. 13.
- ²⁸ Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушниковой. М., 2003. С. 77 (автор главы – М.К. Треушников).
- ²⁹ Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 52-53 (автор главы – А.Т. Боннер).
- ³⁰ Орлова Л.М. Права сторон в гражданском процессе. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина.1973. С. 26-28.

³¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист, 2003. С. 138.

³² Гражданский процесс: Учебник / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: Проспект. 2001. С. 39 (автор главы - А.А. Ференс-Сороцкий).

³³ Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С. 55.

³⁴ Русинова Е.Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13.

³⁵ Бондарева Е.Е. Реализация распорядительных прав сторон в арбитражном процессе (в суде первой инстанции): Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 60-61, 67.

³⁶ Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. С. 63.

³⁷ С.С. Алексеев, рассматривая типы правового регулирования, также определял императивность правового регулирования главным образом тем, что она главным своим содержанием имеет не запреты определенного поведения, а права субъектов. Этим определяется чёткая упорядоченность, организованность поведения субъектов, этим обеспечиваются интересы субъектов, реально осуществляется свобода их поведения. По его мнению, особенно ярко это выражается в деятельности органов, разрешающих юридические дела (см.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 163-168).

³⁸ Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2003. С. 30 (автор главы – М.К. Треушников).

³⁹ Абрамов С.Н. Гражданский процесс. М.: Гос. изд-во. юрид. лит-ры, 1950. С. 12.

⁴⁰ См.: Гурвич М.А. Судебное решение: Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. С. 18.

⁴¹ Т.Е. Абова также полагает, что выбор варианта допроцессуального поведения зависит только от самих сторон и не должен быть ограничен, например, обязательным досудебным претензионным порядком разрешения спора. Несмотря на то, что профессор Т.Е. Абова высказывает это мнение применительно к арбитражному процессу, представляется, что это положение справедливо применительно к любому виду процессуальной деятельности, в т. ч. и к гражданскому процессу (см.: Абова Т.Е. Обеспечение юридическим и физическим лицам права на судебную защиту // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 31 января – 1 февраля 2001 г. М.: Лиджист, 2001. С. 157-158). Противоположного мнения придерживается М. И. Клеандров, считающий, что необходимо переносить тяжесть в урегулировании споров с судебной фазы на досудебные стадии. Однако это положение высказано учёным применительно только к арбитражному судопроизводству (см.: Клеандров М.И. Досудебные формы защиты прав хозяйствующих субъектов // Там же. С. 162-165, 170).

⁴² Михеева Е. Указ. соч.

⁴³ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 97-98.

- ⁴⁴ Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: НОРМА. 2002. С. 23-24.
- ⁴⁵ Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. С. 77 (автор главы – М.К. Треушников).
- ⁴⁶ Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С. 55.
- ⁴⁷ Русинова Е.Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 11.
- ⁴⁸ См. по этому вопросу: Осокина Г.Л. Указ. соч. С. 166-169; Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. С. 121-122 (автор главы – С.А. Иванова); Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 80-81 (автор главы – М.С. Шакарян) и др.
- ⁴⁹ Орлова Л.М. Права сторон в гражданском процессе. Минск, 1973. С. 85.
- ⁵⁰ Тупчиев М. Отказ от иска и мировое соглашение как основание прекращения производства по делу // Советская юстиция. 1963. № 23. С. 10.
- ⁵¹ Анохин К. Судебные мировые сделки // Советская юстиция. 1959. № 9. С. 52.
- ⁵² Тупчиев М. Указ. соч. С.10.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Орлова Л.М. Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁵ Тупчиев М. Указ. соч. С. 9.
- ⁵⁶ Анохин К. Указ. соч. С. 52-53.
- ⁵⁷ Гукасян Р.Е. О мировых соглашениях // Правоведение. 1965. № 4. С. 95.
- ⁵⁸ Корецкий А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре. СПб., 2001. С. 10.
- ⁵⁹ Там же. С. 17.
- ⁶⁰ Там же. С. 17-18.
- ⁶¹ Важно отметить, что И.А. Ясеновец, занимаясь актуальными проблемами мирового соглашения в арбитражном процессе, делает ряд справедливых выводов, в числе которых хочется указать тот факт, что к мировому соглашению как материально-правовой сделке следует предъявлять ряд требований (требования к предмету, субъектному составу и содержанию) (см.: Ясеновец И.А. Мировое соглашение в арбитражном процессе: актуальные проблемы теории и практики: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 57-59.
- ⁶² Папкова О.А. Пределы судейского усмотрения в гражданском процессе // Журнал российского права. 1998. № 2. С. 99-100.
- ⁶³ Там же. С. 106.
- ⁶⁴ Молева Г.В. Право на судебную защиту ответчика: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993. С. 46.
- ⁶⁵ Там же. С. 64.
- ⁶⁶ Анисимова Л. Возражения против иска // Советская юстиция. 1959. № 11. С. 20.
- ⁶⁷ Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. С. 232 (автор главы – С.А. Иванова).
- ⁶⁸ Анисимова Л. Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁹ Васьяковский Е.В. Указ. соч. С. 177-178.

Тема 3.

Понятие процессуальных обязанностей сторон в гражданском судопроизводстве

Вопрос о гражданских процессуальных обязанностях сторон гражданского процесса нельзя не рассмотреть уже потому, что, как правильно указывает Й. Виг, «чрезмерное внимание к правам и оттеснение на второй план обя-

занностей человека, так же как и осуществление прав любой ценой, неблагоприятно влияют на отношения индивида и общества»¹. Рассуждая об основных обязанностях человека, Й. Виг говорит о том, что «в случае столкновения, неосуществимости (невыполнимости) прав индивид не может применять насилие, а должен попытаться реализовать свои права с помощью переговоров, компромиссов или при помощи государства»².

Ранее мы определили гражданское судопроизводство (независимо от его вида) как гражданское процессуальное правоотношение. Структура любого юридического отношения в качестве содержания включает в себя права и обязанности. Это обусловлено рассмотренной нами спецификой природы любого права. Мы отметили, что праву одного субъекта всегда корреспондирует обязанность другого лица; установленные государством санкции за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей есть гарант существования любого права, в том числе гражданского процессуального права. Впрочем, В.А. Масленников указывал, что «некоторые теоретики права и представители отраслевых юридических дисциплин отмечают возможность и целесообразность существования юридических обязанностей без корреспондирующих им прав»³. Однако, как представляется, такое суждение как минимум спорно. В литературе не приводят примеры таких прав, поэтому мы в своей работе исходим из традиционного взгляда на правовую природу правоотношения, подразумевающего необходимую триаду: субъект – объект – содержание (права и обязанности). Согласимся с Й. Виг, писавшим: «Права и обязанности составляют единое целое, одной стороной которого является право, а другой - обязанность»⁴.

Абсолютно прав В.А. Бабаков: «Изначально важным представляется указание на неразрывную связь прав и обязанностей. Эта связь четко выражена, в частности, в статьях 2, 6, 17 Конституции России»⁵.

Далее В.А. Бабаков отмечает: «Известно, что нарушения в работе механизма гражданского процессуального регулирования приводят не только к осложнениям по поводу оспариваемого материального права, но и к более глубоким следствиям, связанным с формированием и деформациями общественного сознания и общественных отношений в целом. Отсюда принципиальная важность и значимость отграничения от материально-правового отношения сторон самостоятельного гражданского процессуального отношения по предмету спора. Юридическая процессуальная обязанность предстает здесь важнейшим и необходимым средством обеспечения функционирования всего правового механизма судопроизводства»⁶.

Прав Н.В. Кузнецов, указывавший: «Одной из важнейших категорий механизма правового регулирования является юридическая обязанность как элемент соответствующего правоотношения. Ей корреспондирует определенное субъективное право и, наоборот, каждому субъективному праву — юридическая обязанность»⁷.

В.А. Бабаков также полагает, что «наряду с правом юридическая обязанность — базовый, наиболее эффективный нормативно-правовой регулятор, обеспечивающий функционирование всей совокупности систем общественных отношений как на макро-, так и на микроуровне»⁸.

Справедлив и В.А. Масленников, который писал, что «права личности не могут быть охарактеризованы достаточно полно вне их связи с ее обязанностями и ответственностью. Ведь без установления взаимных обязанностей субъектов правового общения невозможно и осуществление имеющихся у них прав. ... Личность — субъект не только значительного числа прав, но и носитель ряда обязанностей, перечень и содержание которых диктуются интересами как общества, так и личности на основе их сочетания.

... По сравнению с проблемами прав и свобод вопрос о юридических обязанностях личности разработан в ... литературе в меньшей степени»⁹.

Таким образом, установив, что существование любого субъективного права одновременно означает существование корреспондирующей ему юридической обязанности, и определив выше целый круг гражданских процессуальных прав сторон в гражданском процессе, необходимо, во-первых, признать существование гражданских процессуальных обязанностей и, во-вторых, определить понятие «гражданская процессуальная обязанность».

Следует отметить следующее. В тексте ГПК РФ применительно к сторонам спора не используется термин «обязаны», говорится лишь о долженствовании. Это связано, вероятно, с действием принципа диспозитивности в гражданском процессе, существо которого мы раскрыли выше. Поэтому мы присоединяемся к мнению В.А. Бабакова, который считает, что «в Гражданском процессуальном кодексе термин обязанность законодатель использует достаточно сдержанно. Но это, на наш взгляд, является скорее отражением способа нормативного выражения и юридической этики, нежели свидетельством «вязкости» императивной формы гражданской процессуальной нормы»¹⁰.

«Гражданская процессуальная обязанность» есть разновидность юридических обязанностей вообще. Термин «юридическая обязанность», в свою очередь, тесно связан с термином «санкция». В.П. Грибанов, В.С. Ем правильно указывали: «Требование, заключенное в обязанности и составляющее ее содержание, означает для обязанного субъекта необходимость действовать в интересах управомоченного субъекта, так как оно оказывается обеспеченным санкцией за неисполнение обязанности, соответственно имплицитным запретом»¹¹. Именно наличие санкции позволяет говорить о существовании правовой обязанности. Следовательно, для того, чтобы определить сущность термина «обязанность», следует выяснить правовую природу термина «санкция».

Термин «санкция» есть, в свою очередь, органическая составляющая термина «юридическая ответственность». Б.Т. Базылев писал: «Институт юридической ответственности регулирует те негативные отношения, которые возникают только на основании правонарушений, т.е. виновно совершенных противоправных деяний. ... Все институты ответственности в праве, независимо от их отраслевой принадлежности, регулируют общественные отношения, возникающие вследствие правонарушений. Другими словами, в качестве своего предмета регулирования институты ответственности имеют отношения определенного рода (или типа) и регулируют данные отношения в принципе одними и теми же методами — наказания и воспитания правонарушителей»¹². Метод института юридической ответственности и есть, на наш взгляд, санкция. Исходя из приведенных рассуждений Б.Т. Базылева, санкция — это наказание и воспитание.

С.В. Курылев указывал: «На наш взгляд, под санкцией как элементом юридической нормы следует понимать те неблагоприятные юридические последствия, которые закон связывает с правонарушением»¹³. Таким образом, мнения Б.Т. Базылева и С.В. Курылева вполне согласуются между собой и позволяют говорить о санкции как о методе института юридической ответственности, представляющем собой наказание субъекта за правонарушение, заключающееся в необходимости претерпеть неблагоприятные последствия совершенного правонарушения и таким образом имеющем своей целью воспитание личности.

На наш взгляд, наиболее удачное определение санкции дал в свое время Н.М. Коркунов: «Юридические нормы как веления, обращенные к сознательной воле человека, могут быть им и не соблюдаемы и потому для своей силы нуждаются в особых обеспечениях их действительного соблюдения. Необходимо каким-нибудь образом понудить к исполнению юридических норм, иначе они остались бы мертвою буквой. Средства понуждения к исполнению юридических норм называются их санкцией»¹⁴.

Итак, санкция есть составляющий элемент юридической нормы обязывающего характера, заключающийся в угрозе наступления неблагоприятных последствий для правообязанного субъекта вследствие совершения последним правонарушения. Следует отметить, что наличие санкции однозначно указывает на обязывающий характер правовой нормы и, следовательно, на наличие обязанности. Кроме того, применение санкции возможно лишь в случае правонарушения.

В.А. Бабаков отмечает: «Результатом неисполнения любой обязанности является возникновение нового, не существовавшего ранее правоотношения, регулируемого охранительной нормой. Охранительное предписание может быть исчерпано усилиями самих субъектов. Когда же охранительная норма по тем или иным причинам не обеспечивается, ее предписания проводятся в жизнь с помощью мер государственного принуждения. С этого момента охранительное предписание выступает в качестве санкции гражданской процессуальной нормы»¹⁵.

Итак, санкция есть органическая составляющая понятия «юридическая обязанность», гарант ее осуществления. Теперь необходимо определить правовую природу юридических обязанностей.

Анализ юридической литературы позволил выявить следующие основные определения юридической обязанности.

Н.Г. Александров рассматривал юридическую обязанность как «требуемые законом вид и меру должного поведения»¹⁶.

Г.В. Мальцев писал, что правовая обязанность есть возможность поведения, имеющая необходимый характер¹⁷. На наш взгляд, определять возможность через необходимость противоречит законам логики. Поэтому представляется, что более точен С.Ф. Кечекьян, полагавший юридическую обязанность «необходимостью определенного поведения»¹⁸.

Н.В. Кузнецов писал: «Категория «юридическая обязанность» относительно самостоятельна по отношению к категории «субъективное право», так как имеет свои свойства и качества. В общей теории права давались различные определения юри-

дической обязанности. Одни авторы определяют ее как меру должного поведения, закрепленного в законе. Другие считают, что это — мера необходимого поведения. Третьи — видят в юридической обязанности меру должного (необходимого) поведения, закрепленного в законе, то есть допускают неоправданное смешение двух терминов, считая их равнозначными по смысловому значению. ... На наш взгляд, точка зрения авторов, которые рассматривают юридическую обязанность как меру необходимого поведения, предпочтительнее. ... Обязанность через долженствование выводить не следует, такая формула будет тавтологией»¹⁹.

Таким образом, Н.В. Кузнецов сделал следующий вывод: юридическая обязанность есть установленные законом вид и мера необходимого поведения (в рамках общих или конкретных правоотношений), отвечающего интересам общества, управомоченного, а также правообязанного лица и обеспечиваемого в случае нарушения возможностью государственного принуждения. Эти положения, выработанные наукой общей теории права, применимы и для науки гражданского процессуального права²⁰.

По мнению Р.Е. Гукасян, «юридическая обязанность представляет собой должное поведение лица, обеспечиваемое в конечном итоге государственным принуждением. Обязанность в правоотношении активного характера состоит в совершении действий, как правило, в интересах управомоченного лица; в правоотношениях пассивного типа — в воздержании от действий, препятствующих управомоченному лицу реализовать субъективное право. Действия и воздержание от действий являются волевыми актами и, следовательно, их непосредственным источником служит осознанная заинтересованность. У обязанного лица, в связи с тем, что действия совершаются им, как правило, в интересах управомоченного лица, такой внутренней заинтересованности нет. Необходимы внешние социальные стимуляторы, которые, будучи осознанными, вызвали бы субъективную заинтересованность в общественно необходимом пове-

дении. Таким правовым стимулятором является возможность применения государством принудительных мер, что служит главным признаком, отличающим юридическую обязанность от субъективного права»²¹. С этим мнением нельзя, на наш взгляд, не согласиться.

В.А. Масленников указывал: «В самом общем виде юридическая обязанность может быть представлена как установленные законом вид и мера общественно необходимого поведения, обеспечиваемые возможностью государственного принуждения»²². Так же, как и Р.Е. Гукасян, он всю совокупность юридических обязанностей подразделял на две части: обязанность совершать положительные действия, чтобы обеспечить субъективные права управомоченного лица (позитивные обязанности) и обязанности воздержаться от совершения известных действий, чтобы таким образом содействовать осуществлению корреспондирующих им прав (негативные обязанности)²³. Впрочем, добавляет В.А. Масленников, «абсолютную грань между позитивными и негативными обязанностями личности провести не всегда возможно: в некоторых случаях правовые нормы об обязанностях личности трудно отнести к той или иной их разновидности»²⁴.

По мнению В.А. Бабакова, «обязанность — не только юридическая, но и этическая категория. Она отражает нравственно-правовое сознание общества и личности, выступает в единстве с требованиями морали. ... Не случайно законодатель при формировании юридических обязанностей использует в конституции моральные категории типа долг, честь, добро, достоинство, уважение, согласие, любовь, справедливость»²⁵.

Представляется, однако, что моральные категории и ценности не могут рассматриваться в качестве обязанностей личности даже при том, что, безусловно, мораль лежит в основе права. Мы уже говорили, что юридическая обязанность характеризуется наличием санкции как средства государственного принуждения. Мораль же потому и является материей, доступной лишь цивилизованным и просвещенным личностям, что может быть нарушена и ничто, кроме внутреннего чувства долга, не может

принудить человека поступать в соответствии с требованиями морали.

Мы установили, что наличие правовых санкций конституирует юридическую обязанность. Значит, выявление факта наличия либо отсутствия гражданских процессуальных санкций будет однозначно свидетельствовать о наличии либо отсутствии гражданских процессуальных обязанностях сторон.

Е.В. Васьковский, ссылаясь на отсутствие гражданских процессуальных санкций, утверждал: «Тяжущиеся имеют только процессуальные права, но не несут никаких процессуальных обязанностей»²⁶.

М.А. Гурвич также полагал, что участвующие в деле лица, в том числе и стороны, юридических обязанностей в процессе не несут, даже и тогда, когда закон их поведение называет обязанностями. Свою точку зрения М.А. Гурвич обосновывает тем, что юридической обязанностью является только такая обязанность, нарушение которой вызывает возможность применения правовой санкции – государственного принуждения²⁷.

А.А. Мельников, критикуя данную позицию, отмечал, что в качестве гражданской процессуальной санкции надо рассматривать все неблагоприятные последствия, которые наступают для стороны в случае неисполнения ею своих обязанностей (отказ в приеме заявления, например)²⁸.

И.В. Решетникова считает, что «независимо от того, рассматривается ли получение неблагоприятного решения по делу (в результате неисполнения обязанности по доказыванию) в качестве своеобразной санкции или иным образом, очевидно, что это наказание той стороне, которая не выполнила возложенную на нее обязанность. В связи с этим стоит согласиться с теми авторами, которые под санкцией правовой нормы понимают любые юридически неблагоприятные последствия, в том числе неблагоприятное судебное решение»²⁹. Отметим, что В.А. Бабakov также поддерживает данную точку зрения³⁰.

Однако в поддержку мнения Е.В. Васьковского говорит тот факт, что получение неблагоприятного решения по делу может

иметь место и в отношении той стороны, которая добросовестно исполняла свои процессуальные обязанности. Однако, как представляется, это не будет являться санкцией.

Мы уже указывали, что лицо, обращающееся в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения. Это связано с тем, что только в результате судебного процесса можно установить, являются ли стороны истинными участниками правоотношения и обладателями тех прав, защиты которых добиваются. Конституционное право на судебную защиту (право на иск в абстрактном смысле) означает возможность заинтересованного лица обратиться к суду с требованием о защите права или охраняемого законом интереса, причем содержание этого права составляет в том числе и возможный отказ в иске. Таким образом, отказ в иске не всегда связан напрямую с процессуальными правонарушениями; вне зависимости от того, выполняет ли субъект свои гражданские процессуальные обязанности или нет, отказ в исковых требованиях может, в конечном итоге, служить выражением реализации права на судебную защиту. Из этого следует, что отказ в иске вообще нельзя рассматривать как процессуальную санкцию.

Однако вынесение по делу неблагоприятного для одной из сторон решения (отказ в иске, удовлетворение иска) вследствие процессуального бездействия либо противозаконного действия данной стороны следует рассматривать именно как санкцию.

Для того, чтобы ответить на вопрос — есть ли в гражданском процессе санкции, необходимо обратиться к анализу норм и положений ГПК РФ. Статья 35 ГПК РФ называется «Права и обязанности лиц, участвующих в деле». Поскольку стороны, безусловно, относятся к лицам, участвующим в деле, они несут ряд обязанностей. В пункте 2 данной статьи указывается, что при неисполнении процессуальных обязанностей наступают последствия, предусмотренные законодательством о гражданском судопроизводстве. Здесь закон говорит именно о санкциях. Поэтому однозначно можно утверждать — санкции в гражданс-

ком процессуальном праве есть, мнение Е.В. Васьковского законодатель проверяет. Следовательно, можно говорить о гражданских процессуальных обязанностях сторон.

Н.В. Кузнецов так определил понятие гражданской процессуальной обязанности: «Гражданская процессуальная обязанность – это мера необходимого поведения, установленная нормами гражданского процессуального права, отвечающего интересам осуществления правосудия и лиц, участвующих в деле, на всех стадиях гражданского процесса, и обеспеченного в случае нарушения возможностью государственного принуждения»³¹.

На наш взгляд, гражданская процессуальная обязанность – это правило поведения лица в гражданском процессе, закрепленное в нормах ГПК РФ.

Н.В. Кузнецов предлагал классифицировать гражданские процессуальные обязанности на генеральные (пронизывающие всю процессуальную деятельность суда и лиц, участвующих в деле при разрешении гражданского дела), локальные (обуславливающие деятельность субъектов гражданских процессуальных отношений на определенных стадиях гражданского процесса) и частные (направленные на достижение определенного правового результата путем совершения одного процессуального действия)³².

В.М. Семенов различал общие и конкретные обязанности сторон, относя к первым обязанность добросовестно пользоваться правами, а также обязанность доказывания, состоящую из конкретных обязанностей; обязанность явки в суд, по его мнению, является конкретной³³.

В.А. Бабаков выделил шесть критериев классификации гражданских процессуальных обязанностей: атрибутивный, принципобразующий, функциональный, генеративный, обязанность как структурный элемент подсистемы надежности гарантий защиты субъективных прав, обязанность как структурный элемент подсистемы юридических санкций³⁴.

Мы полагаем, что будет правильно классифицировать гражданские процессуальные обязанности сторон по аналогии

с классификацией гражданских процессуальных прав, представленной выше.

В контексте рассмотрения вопроса о гражданских процессуальных обязанностях сторон нельзя не затронуть такую дискуссионную проблему, как сущность бремени доказывания. М.А. Гурвич указывал: «Определенную трудность в юридической литературе и на практике вызывает вопрос о том, какова правовая сущность обязанности доказывания ... является ли она в полном смысле слова юридической обязанностью»³⁵.

В рамках состязательного судопроизводства обозначенная проблема сегодня приобретает большую актуальность. Несмотря на то, что указанная проблема достаточно хорошо разработана в теории, на сегодняшний день так и не выработано единого мнения – бремя доказывания есть право или обязанность стороны? «Если определение предмета доказывания означает решение вопроса о том, что подлежит доказыванию, то вопрос об обязанностях доказывания – это вопрос о том, кто и какие факты, образующие предмет доказывания, должен доказывать», – писал С.В. Курылев³⁶.

Отметим, что последние научные исследования, сделанные в гражданском процессуальном праве, часто не дают возможности определить позицию авторов по проблеме бремени доказывания. В частности, В.А. Бабаков, занимаясь вопросом определения гражданских процессуальных обязанностей, не говорит однозначно – бремя доказывания есть право или обязанность? Поэтому необходимо обратиться к работам отечественных ученых, положившим начало многолетней дискуссии по вопросу о правовой природе бремени доказывания.

Исследуя проблемы доказательственного права в гражданском процессе, С.В. Курылев писал: «Согласно господствующему ... взгляду, «бремя доказывания» нельзя рассматривать ни в качестве юридической обязанности, ни в качестве юридического права; бремя есть «бремя» (тяжесть). ... другие юристы, стоящие на этой же позиции, пытаются конкретизировать понятие «бремя», указывают, что оно представляет собой «фактическую

необходимость» как средство к достижению процессуальной цели — получению решения в свою пользу. ... Одни из ... авторов расценивают «бремя» как юридическое право, другие — как юридическую обязанность, третьи — как право и одновременно как обязанность»³⁷.

В юридической литературе существует, таким образом, три точки зрения. Согласно первой, «бремя доказывания» представляет собой юридическую обязанность сторон и иных участников процесса. С.В. Курьлев активно отстаивал эту позицию и отмечал: «В силу того, что возможные неблагоприятные последствия недоказанности выражаются в утрате права, их следует рассматривать в качестве юридических последствий, составляющих санкцию правовой нормы, а «бремя доказывания» — в качестве юридической, процессуальной обязанности»³⁸.

Н.В. Кузнецов также указывал, что «в гражданском процессуальном праве действуют свои, присущие только этой отрасли права меры государственного принуждения. Поэтому сюда нельзя чисто механически переносить выводы о мерах государственного принуждения, которые были сделаны в отношении материального права»³⁹.

С.В. Курьлев утверждал, что «неосуществление обязанности доказывания приводит не только к недостижению цели, но и к иным последствиям юридического характера — к невозможности вторичного обращения в суд с тем же иском, к невозможности вторичного выдвижения проверенных ранее судом возражений ответчика, даже к невозможности требовать пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на новые, не рассмотренные ранее доказательства. Субъективное материальное право стороны, если оно существовало, в этом случае утрачивается при вступлении постановления суда в законную силу»⁴⁰.

С.В. Курьлев, таким образом, различает «необходимость» (например, уплатить пошлину) и «обязанность» (доказывания) по признаку юридических последствий в виде утраты права. Такого же мнения придерживался В.П. Мозолин⁴¹.

Интересно, что С.В. Курылев отмечал, что «бремя доказывания» как обязанность субъекта существует не у любой стороны в гражданском процессе, а лишь у той, утверждения которой о фактах справедливы по существу. Говорить о наличии обязанности доказывания фактов, которых в действительности не существовало, это все равно, что утверждать об обязанности введения суда в заблуждение»⁴².

И.В. Решетникова указывает: «Бесспорно, обязанность доказывания обеспечивается интересом получить благоприятное решение. Но если бы это был только интерес, а не обязанность, то ему не корреспондировались бы нормы права, уполномочивающие суд действовать в отношении стороны, не выполнившей соответствующую обязанность, неблагоприятным образом. Процессуальное право, как отмечается в науке, обладает очень специфическими санкциями: отмена незаконного и необоснованного решения, наступление невыгодных процессуальных последствий. ... Суд может реагировать на неисполнение стороной обязанности доказывания, но не подменяя собой сторону, а наказывая ее, хотя и довольно специфическим образом»⁴³.

М.А. Гурвич, однако, критиковал указанные аргументы: «Долженствование доказывания — институт процессуальный, регулирующий отношения сторон (и других лиц, участвующих в деле) с судом, а не между собой. При этом условия материально-правовые последствия несоблюдения бремени доказывания не могут рассматриваться как санкция за невыполнение обязанности перед судом. Противное означало бы, что и любые другие действия в процессе, например, явка в суд, всегда представляют собой обязанности, так как неявка или иное бездействие может повлечь затруднения в установлении истины и отказ в иске. ... По этим соображениям взгляд В.П. Мозолина и С.В. Курылева на обеспеченность процессуальной обязанности доказывания принуждением не может быть принят»⁴⁴.

О.В. Баулин, не соглашаясь с мнением С.В. Курылева, пишет: «Сторона в процессе, исполняя доказательственную «обязанность», может доказывать активно, но все равно получить

в результате «санкцию» в виде невозможности повторного обращения в суд»⁴⁵.

Г.Л. Осокина прямо трактует термин «бремя доказывания» как «обязанность»: «Бремя доказывания, т.е. обязанность представления доказательств и доказывания фактов, имеющих юридическое значение для дела, лежит на сторонах, а также иных участвующих в деле лицах. Что же касается суда, то суд лишь создает условия для выполнения участвующими в деле лицами своих обязанностей как субъектов доказывания»⁴⁶.

М.С. Шакарян также рассматривает «бремя доказывания» в качестве юридической обязанности сторон, что явствует из смысла следующего высказывания: «Стороны обязаны добросовестно исполнять свои процессуальные обязанности. Они несут бремя утверждения фактов, на которые ссылаются в обоснование своих требований и возражений, и обязанность доказывания этих фактов путем представления необходимых доказательств»⁴⁷.

М.К. Треушников в работе «Арбитражный процесс» использует следующую формулировку: «Обязанность доказывания лежит на лицах, участвующих в деле»⁴⁸.

Существо второй точки зрения заключается в том, что «бремя доказывания» позиционируется как право стороны. Ее обосновал еще Е.В. Васьковский. Он писал: «Бремя доказывания» — технический термин, неравнозначный с термином «обязанность доказывания»: такой обязанности не существует, ибо вообще у сторон нет процессуальных обязанностей: стороны вольны не совершать никаких процессуальных действий. ... Под «бременем доказывания» понимается необходимость для данной стороны установить обстоятельства, невыясненность которых может повлечь за собою невыгодные для нее последствия»⁴⁹. С.В. Курылев по этому поводу отмечал: «У понятий «бремя», «фактическая необходимость» отсутствует юридический характер, законодательство же и юридическая теория оперируют понятиями «право и «обязанность»⁵⁰.

Сторонники третьей точки зрения «бремя доказывания» рассматривают в качестве некой промежуточной между понятия-

ми «право» и «обязанность» категории. В частности, М.А. Гурвич писал: «В теории ... вполне основательно принято считать, что исполнение юридической обязанности непременно обеспечивается государственным принуждением. Между тем, известно, что принудить сторону или иное лицо, участвующее в деле, к представлению доказательств, подтверждающих обоснованность иска или возражений, невозможно. Все же закон, хотя и недостаточно ясно, говорит об обязанности»⁵¹.

М.А. Гурвич, однако, делает следующий вывод: «Представляется теоретически правильным и практически необходимым рассматривать деятельность сторон и других лиц, участвующих в деле, по доказыванию ... не только как их право, но и юридическую обязанность, хотя и не санкционированную принуждением, но обеспеченную иными мерами. Она выполняет важную регулирующую роль, входит в объем процессуальной формы как устойчивый и необходимый элемент процессуального правопорядка и процессуальной дисциплины»⁵².

М.Г. Авдюков также придерживается данного мнения: «Доказывание, как известно, в одних случаях есть обязанность стороны, а в других — ее право»⁵³.

М.К. Треушников тоже склоняется к такому пониманию термина «бремя доказывания»: «Право доказывания есть возможность представления доказательств, участия в их исследовании, предварительной оценке, гарантированная совокупностью процессуальных норм и реализуемая самими заинтересованными лицами лично в соответствии со своими процессуальными интересами и выбором меры поведения. Право реализуется по воле самих управомоченных лиц. Обязанность доказывания в отличие от права есть необходимость совершения комплекса действий по доказыванию, определяемая не выбором или усмотрением субъекта доказывания, а угрозой наступления неблагоприятных последствий в случае их невыполнения или иными мерами воздействия, например, отказом суда признать существовавшим факт, утверждаемый стороной, в случае невыполнения обязанности по его доказыванию. Следовательно, спе-

цифика процессуальных отношений такова, что о доказывании можно говорить одновременно и как о праве, и как об обязанности лиц, участвующих в деле, прежде всего сторон»⁵⁴.

О.В. Баулин пишет: «На наш взгляд, «обязанность» доказывания не отвечает традиционному пониманию обязанности в праве в том случае, если речь идет о доказывании материально-правовых фактов. Доказывание процессуальных фактов имеет некоторые особенности, которые позволяют при определенных условиях рассматривать доказывание как обязанность участника процесса. Например, если сторона ходатайствует об обеспечении иска, она должна доказать наличие оснований для этого, в противном случае суд сошлется на их отсутствие, и в удовлетворении ходатайства будет отказано. Этот отказ уже может рассматриваться как процессуальная санкция»⁵⁵.

Ученый справедливо указывает, что «если обязанность – это мера должного поведения, то в таком смысле понятие не применимо к доказыванию в целях рассмотрения спора по существу. При детальном рассмотрении выясняется, что участник процесса в доказательственной деятельности ничего и никому не должен. Это проявляется, в частности, в том, что к исполнению «обязанности» доказать обстоятельства, на которые лицо ссылается, нельзя понудить»⁵⁶. Данная точка зрения, на наш взгляд, подкрепляется положениями п. 3, 4 ст. 57 ГПК РФ: в случае неизвещения суда, а также в случае невыполнения требования суда о представлении доказательства по причинам, признанным судом неуважительными, на виновных должностных лиц или на граждан, не являющихся лицами, участвующими в деле, налагается штраф. Наложение штрафа не освобождает соответствующих должностных лиц, владеющих истребуемым доказательством, от обязанности представления его суду. Таким образом, исходя из смысла данной нормы, бремя доказывания есть право, а не обязанность стороны, обеспечиваемое принудительными мерами государства (суда).

«Сказанное позволяет сделать вывод о том, что юридической обязанности для стороны доказывать обстоятельства мате-

риально-правового характера, на которые она ссылается, не существует. ... Сторона, поскольку она имеет заинтересованность в исходе дела, «обременена» необходимостью для реализации своего интереса совершить действия по утверждению фактов и их доказыванию. Если же сторона этих действий не совершит, она, скорее всего, не достигнет искомой цели, что, безусловно, не является санкцией. ... Термин «бремя доказывания» уместен также и потому, что охватывает ситуации, когда доказывание процессуальных фактов является юридической обязанностью стороны»,⁵⁷ — резюмирует О.В. Баулин.

Выше мы указывали, что наличие санкции однозначно указывает на обязанность. Следовательно, необходим анализ положений гл. 6 ГПК РФ «Доказательства и доказывание» на предмет выявления наличия либо отсутствия гражданских процессуальных санкций.

Пункт 1 ст. 68 ГПК РФ гласит: в случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны. Приведенное положение ценно тем, что оно, во-первых, говорит об обязанности доказывания, во-вторых, обязанность доказывания распространяет как на истца, так и на ответчика и, в-третьих, обязанность доказывания ставит в прямую зависимость от определенных обстоятельств, в частности от наличия в собственном распоряжении необходимых доказательств. Это вполне согласуется с общей концепцией юридической обязанности и принципом вины.

Отметим, что указанная норма может и должна толковаться расширительно, т.е. в случае невыполнения стороной обязанности доказывания она лишается права в дальнейшем ссылаться на необоснованность мотивировки судебного решения.

Сделанные выводы подтверждает законодатель — в п. 2 ст. 339 ГПК РФ указано: ссылка лица, подающего кассационную жалобу, или прокурора, приносящего кассационное представление, на новые доказательства, которые не были представле-

ны в суд первой инстанции, допускается только в случае обоснования в жалобе, представлении, что эти доказательства невозможно было представить в суд первой инстанции.

На основании факта существования данных норм можно, на наш взгляд, говорить об обязанности доказывания. Также следует признать справедливость представленных выше мнений о специфической природе гражданских процессуальных санкций, заключающихся в возможности наступления в отношении сторон, неисполняющих либо исполняющих ненадлежащим образом свои гражданские процессуальные обязанности, неблагоприятных последствий в виде вынесения судом неблагоприятного решения по делу (отказ в иске, удовлетворение иска).

Нельзя не отметить и следующее. ГПК РФ предусматривает специфическую обязанность сторон, а именно до начала судебного разбирательства раскрыть имеющиеся у них доказательства, т.е. ознакомить противоположную сторону с их содержанием (см. ст. 149 ГПК РФ). Поэтому предлагаем, во-первых, определить эту обязанность не в качестве желательного действия сторон, совершаемого при подготовке дела к судебному разбирательству, а в качестве составляющей общей обязанности доказывания, установленной в ст. 56 ГПК РФ. На наш взгляд, ч. 1 указанной статьи следует дополнить фразой: «Стороны обязаны ознакомить друг друга и других лиц, участвующих в деле, с имеющимися у них доказательствами». Следует также законодательно закрепить положение о том, что невыполнение сторонами этой обязанности влечет за собой неблагоприятные юридические последствия. Статью 56 ГПК РФ, на наш взгляд, следует дополнить частью третьей следующего содержания: «При разрешении дела по существу суд не принимает к исследованию те доказательства, с которыми не были ознакомлены все лица, участвующие в деле. Новые доказательства принимаются судом только при условии, что сторона обоснует невозможность их представления до начала судебного разбирательства. В этом случае суд предоставляет лицам, участвующим в деле, возможность ознакомиться с представленными доказательствами».

Рассмотренные вопросы позволяют сделать следующие выводы. Мы уже отмечали в начале настоящей работы, что исследование и прав, и обязанностей сторон может быть осуществлено только в рамках гражданских процессуальных правоотношений. Поэтому мы специально указываем, что существование любого субъективного права одновременно означает существование корреспондирующей ему юридической обязанности. Определив круг гражданских процессуальных прав сторон в гражданском процессе, необходимо признать существование гражданских процессуальных обязанностей. Для выявления понятия обязанностей сторон в гражданском процессе необходимо определить последствия неисполнения таких обязанностей. С этой целью следует дать определение гражданской процессуальной санкции, под которой мы понимаем составляющий элемент юридической нормы обязывающего характера, заключающийся в угрозе наступления неблагоприятных последствий для правообязанного субъекта вследствие совершения последним правонарушения. Наличие санкции однозначно указывает на обязывающий характер правовой нормы и, следовательно, на наличие обязанности. Существование гражданских процессуальных санкций подтверждается положениями п. 2 ст. 35 ГПК РФ. Анализ действующего гражданского процессуального законодательства показывает, что гражданские процессуальные санкции имеют специфический характер и выражаются в возможности наступления в отношении сторон, не исполняющих либо исполняющих ненадлежащим образом свои гражданские процессуальные обязанности, неблагоприятных последствий в виде вынесения судом неблагоприятного судебного акта по делу (отказ в иске, удовлетворение иска, прекращение производства по делу и т.п.). Общее определение гражданской процессуальной обязанности как правила поведения лица в гражданском процессе, закрепленного в нормах ГПК РФ, дает основание говорить о том, что любая норма гражданского процессуального права так или иначе посвящена определению рамок поведения стороны в процессе. Это и является главной обязанностью стороны — соблюдать установленные правила поведения. Наряду с этим мы установили, что в ГПК РФ есть

и специальные нормы, определяющие конкретные обязанности сторон. Так, гражданской процессуальной обязанностью, присущей только сторонам в процессе, является обязанность доказывания как разновидность общей юридической обязанности. Новеллой ГПК РФ 2002 года является положение о том, что наряду с этой обязанностью у сторон появилась и специфическая обязанность — до начала судебного разбирательства раскрыть имеющиеся у них доказательства.

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте сущность правовой природы гражданских процессуальных обязанностей.

2. Что можно рассматривать в качестве гражданской процессуальной санкции?

3. Классифицируйте гражданские процессуальные обязанности сторон.

4. Какие существуют взгляды на проблему определения природы «бремени доказывания»? Какой позиции придерживаетесь вы и почему?

Примечания

¹ Виг Й. Соотношение прав и обязанностей человека и проблемы преступности // Государство и право. 1995. № 7. С. 45.

² Там же. С. 48.

³ Масленников В.А. Юридические обязанности и ответственность личности // Права личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1981. С. 128.

⁴ Виг Й. Указ. соч. С. 44.

⁵ Бабаков В.А. Гражданская процессуальная обязанность: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 16.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Кузнецов Н.В. Гражданская процессуальная обязанность // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. С. 24.

⁸ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 12.

- ⁹ Масленников В.А. Указ. соч. С. 114.
- ¹⁰ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 44.
- ¹¹ Грибанов В.П., Ем В.С. Гражданско-правовые обязанности: содержание и факторы, его определяющие // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1984. № 6. С. 4.
- ¹² Базылев Б.Т. Об институте юридической ответственности // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 111.
- ¹³ Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. С. 99.
- ¹⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 171.
- ¹⁵ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 50-51.
- ¹⁶ Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 88, 112.
- ¹⁷ Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 74.
- ¹⁸ Кечекьян С.Ф. Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 24, 25.
- ¹⁹ Кузнецов Н.В. Указ. соч. С. 24-25.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Гукасян Р.Е. Соотношение субъективных прав и обязанностей граждан // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1975. С. 4.
- ²² Масленников В.А. Указ. соч. С. 115.
- ²³ Там же. С. 117.
- ²⁴ Там же. С. 119.
- ²⁵ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 27-28.
- ²⁶ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 177.
- ²⁷ Гурвич М. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. № 5. С. 14.
- ²⁸ Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. С. 138.
- ²⁹ Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: НОРМА, 2000. С. 154.
- ³⁰ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 129.
- ³¹ Кузнецов Н.В. Указ. соч. 29.
- ³² Там же. С. 30.
- ³³ Мельников А.А. Указ. соч. С. 138.
- ³⁴ Бабаков В.А. Указ. соч. С. 68.
- ³⁵ Гурвич М. Указ. соч. С. 14.
- ³⁶ Курылев С.В. Указ. соч. С. 97.
- ³⁷ Там же. С. 97-98.
- ³⁸ Там же. С. 100.
- ³⁹ Кузнецов Н.В. Указ. соч. С. 26.
- ⁴⁰ Курылев С.В. Указ. соч. С. 100-101.
- ⁴¹ Мозолин В.П. Гражданско-процессуальное правоотношение по советскому праву: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1954.

- ⁴² Курылев С.В. Указ. соч. С. 110.
- ⁴³ Решетникова И.В. Указ. соч. С. 155.
- ⁴⁴ Гурвич М. Указ. соч. С. 15.
- ⁴⁵ Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004. С. 93.
- ⁴⁶ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 571.
- ⁴⁷ Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 81 (автор главы – М.С. Шакарян).
- ⁴⁸ Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2003. С. 31 (автор главы – М.К. Треушников).
- ⁴⁹ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 243.
- ⁵⁰ Курылев С. В. Указ. соч. С. 97.
- ⁵¹ Гурвич М. Указ. соч. С. 14.
- ⁵² Там же. С. 16-17.
- ⁵³ Авдюков М.Г. Распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 49.
- ⁵⁴ Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 52.
- ⁵⁵ Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. Городец, 2004. С. 90.
- ⁵⁶ Там же. С. 91.
- ⁵⁷ Баулин О.В. Указ. соч. С. 99.

Темы, рекомендуемые для выполнения курсовых и дипломных работ

1. Право на судебную защиту по Конституции РФ.
2. Принципы гражданского процессуального права.
3. Принцип диспозитивности в гражданском процессе.
4. Принцип состязательности в гражданском процессе.
5. Принцип законности в гражданском процессе.
6. Гражданские процессуальные правоотношения.
7. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений.
8. Суд как субъект гражданских процессуальных правоотношений.
9. Виды судопроизводств в гражданском процессе.
10. Общая характеристика исковой формы защиты права.
11. Лица, участвующие в деле: общая характеристика.
12. Правовое положение сторон в гражданском процессе.
13. Третьи лица в гражданском процессе.
14. Участие прокурора в гражданском процессе.
15. Представительство в суде.
16. Законное представительство.
17. Договорное представительство.
18. Участие адвоката в гражданском процессе как представителя.
19. Иск как средство защиты права.
20. Предпосылки права на предъявление иска.
21. Условия осуществления права на предъявление иска.
22. Учение об элементах иска.
23. Изменение элементов иска.
24. Виды исков в гражданском процессе.
25. Способы защиты против иска.
26. Понятие судебного доказывания.
27. Мирное соглашение в гражданском процессе.
28. Производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений.

29. Судебное оспаривание нормативных правовых актов полностью или в части.
30. Правовая природа третейского судопроизводства.

Список рекомендуемых нормативных актов

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ.
3. Гражданский кодекс РФ. Части 1 и 2.
4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР.
5. Конституция РФ. М., 1993.
6. Проект ГПК РФ. М., 1997.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2003 года №3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 года № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2003 года № 23 «О судебном решении».

Список дополнительной литературы

1. Авдюков М.Г. Виды судопроизводств в советском гражданском процессуальном праве // Вестник МГУ. Серия «Право». 1956. № 2.
2. Анисимова Л. Возражения против иска // Советская юстиция. 1959. № 11.

3. Аносова С.В. Замена ненадлежащей стороны в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Московского университета, 1960.

4. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004.

5. Бутнев В.В. Сущность и порядок реализации гражданской процессуальной ответственности. Ярославль, 1989.

6. Викут М.А. Стороны - основные лица искового производства. Саратов, 1968.

7. Гражданский процесс / Ответ. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Ярков. М.: Изд-во «БЕК», 2001.

8. Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечинной, Д. М. Чечота. М.: Проспект, 2001.

9. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушников. М., 2003.

10. Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.

11. Гукасян Р.Е. О мировых соглашениях // Правоведение. 1965. № 4.

12. Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965.

13. Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

14. Гурвич М.А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. № 5.

15. Джалилов Р.Д. Правовое положение лиц, участвующих в гражданских делах // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик. Душанбе, 1962.

16. Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

17. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: ЯГУ, 1975.

18. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000.

19. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.
20. Зайцев И. Административные иски // Российская юстиция. 1996. № 4.
21. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1965.
22. Зеленцов А.Б., Радченко В.И. Административная юстиция в России: история и современность. М., 2002.
23. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133 – 140.
24. Кузнецов Н.В. Гражданская процессуальная обязанность // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж. Саратов: Изд-во СГУ, 1984.
25. Курьлев С.В. О праве на предъявление иска // Советское государство и право. № 1. 1958.
26. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969.
27. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. №4 (223).
28. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2001.
29. Масленников М. Можно ли считать жалобу административным иском // Российская юстиция. 1998. № 5.
30. Мельников А.А. Субъективные права участников гражданского процесса // Советское государство и право. 1968. № 6.
31. Орлова Л.М. Права сторон в гражданском процессе. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973.
32. Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. № 5.
33. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист, 2003.
34. Осокина Г.Л. Иск: теория и практика. М., 2000.
35. Осокина Г.Л. Проблема иска и права на иск. М., 1989.
36. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: НОРМА, 2002.

37. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: НОРМА, 2000.
38. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург; М.: НОРМА, 1999.
39. Рожкова М.А. Основные понятия арбитражного процессуального права. М.: Статут, 2003.
40. Старилов Ю.Н. Административная юстиция: теория, история, перспективы. М., 2001.
41. Судебная практика по гражданским делам / Под ред. В.М. Жуйкова. М.: Изд-во «Городец», 2003.
42. Судебная практика по гражданским делам / Сост. Е.Н. Романенкова. М., 2004.
43. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004.
44. Тупчиев М. Отказ от иска и мировое соглашение как основание прекращения производства по делу // Советская юстиция. 1963. № 23.
45. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960.
46. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М. Изд-во НОРМА. 2002.
47. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974.
48. Хаманева Н.Ю., Салищева Н. Г. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации / Институт Государства и Права Российской Академии Наук, Академический Правовой Университет при Институте Государства и Права Российской Академии Наук. М., 2001.
49. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004.
50. Чечот Д.М. Административная юстиция. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973.
51. Чечот Д.М. Неисковые производства. М.: Юридическая литература, 1973.

52. Шакарян М.С. Соучастие по советскому гражданскому процессуальному праву / Труды ВЮЗИ. Т. 38. М., 1975.

53. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966.

54. Щеглов В.Н. Иск о судебной защите гражданского права. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987.

55. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951.

56. Якубов С.А. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений. Ташкент: Фан, 1973.

Научное издание

Михайлова Екатерина Владимировна

СТОРОНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Учебное пособие

Редактор *Н.А.Волынкина*

Художественный редактор *Л.В.Крылова*

Компьютерная верстка, макет *Л.Н.Замамыкиной*

Подписано в печать 29.06.2005.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,77; уч.-изд. л. 10,5.

Гарнитура «NewtonС». Тираж 400 экз. Заказ № 295

Издательство «Самарский университет»,

443011, г.Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. (8462) 34-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано в ООО «Типография «Книга».

г. Самара, ул. Ново-Садовая, 106.

Тел. +78462353526. E-mail: slovo@samaramail.ru